

Омельянюк Александр Сергеевич

„Возвращение блудного сына“ романа-эпопеи „Платон Кочет“

четвертая книга серии «Платон Кочет XXI век»

Платон Кочет XXI век

Александр Омелянюк

Возвращение блудного сына

«Горизонт»

2013

Омельянюк А. С.

Возвращение блудного сына / А. С. Омельянюк — «Горизонт»,
2013 — (Платон Кочет XXI век)

ISBN 978-5-9907590-3-9

«Возвращение блудного сына» – это заключительная часть романа-эпопеи «Платон Кочет» (серия называется «Платон Кочет XXI век»). Действие этой серии книг происходит со времён Древнего Египта Амарнского периода до Москвы наших дней. В ней описаны, вымышленные события, переплетённые с реальными, в которых участвуют придуманные действующие лица и известные личности нашей истории. Данная часть (книга) является произведением в произведении. Размеренная и обыденная, хотя и интересная, как наблюдательного писателя и поэта, жизнь главного героя всего произведения – Платона Петровича Кочета – приводит его к написанию книги о приключенческой и почти детективной жизни и деятельности своего старшего сына – советского и российского разведчика, волею случая прошедшего много лет в Аргентине и в аргентинской тюрьме. Он, так же, как и его отец, считает, что в жизни нет ничего важнее, чем семья: дети, жена и родители; дом и Родина. И нет ничего почётнее, чем самоотверженное служение им, и самое омерзительное во взаимоотношениях между людьми – это подлость, зависть и предательство. Именно с ним главному герою романа и суждено было столкнуться вдали от Родины, выстоять, и в итоге победить. Читателям предстоит прожить описанными в этой книге события, примеряя на себя различные ипостаси главного героя этой части романа. Некоторая камерность отдельных глав, исторические экскурсы, аналитически глубокий и тонкий анализ мелких деталей, оригинальные философские рассуждения – не делают произведение снобистским, рассчитанным лишь на зрелого и вдумчивого читателя. Эта книга автора, получившего за неё Диплом Культурного центра Вооружённых сил за победу во всероссийском литературном конкурсе 2014 года «Твои, Россия, сыновья!», безусловно, вызовет живой интерес широкого круга читателей.

ISBN 978-5-9907590-3-9

© Омелянюк А. С., 2013

© Горизонт, 2013

Содержание

Глава 1. Зиме конец, весне дорогу!	6
Глава 2. Знамения	29
Глава 3. Знойное лето	58
Глава 4. Золотая осень	84
Глава 5. Зимние мотивы	102
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Омельянюк Александр Сергеевич

Возвращение блудного сына

Глава 1. Зиме конец, весне дорогу!

Год Тигра начался с утреннего секса. Дикий хищник словно стремился хоть в этом пре-
взойти мощное домашнее животное.

Утром в воскресенье, 14 февраля, всплеск сексуального влечения неожиданной климак-
терической волной с головой захлестнул зрелую Ксению.

Воспользовавшись отсутствием, ушедшего на работу сына, она вдруг вскочила к книж-
ному шкафу, нашла в нем Кешкин альбом «Камасутра», и в постели же начала заинтересо-
ванно и с любопытством изучать его.

Однако муж несколько остудил её разгулявшееся, было, воображение:

– «Я давно смотрел это, и ничего особенного там не оказалось!».

– «Тебе-то, конечно!» – непонятно на что намекая, ответила жена.

– «Ну ладно! Изучай матчасть!» – согласился Платон в предвкушении эпилога.

И тот вскоре наступил. Видя, что Ксения уже заканчивает перлюстрацию чужого «бук-
варя», Платон начал оголять её плечики от ночной рубашки.

Ответные движения жены не оставили у него никакого сомнения в приближении долго-
жданного продолжения. Ксения в этот раз даже не сопротивлялась ласкам своей груди со сто-
роны поначалу даже несколько опешившего мужа. Она ведь в последнее время их попросту
не допускала.

Сбросив всё с заждавшихся телес, супруги прильнули друг к другу в классической пози-
ции, но как к чему-то новому и даже может ещё не до конца изведанному...

А неизведанное ждало и всех россиян в Канаде.

Зимняя Олимпиада в Ванкувере для сборной России началась ни шатко, ни валко. А тут
ещё и прогнозы известных российских астрологов предрекали провал наших олимпийцев.
Особенно это было странным слышать в отношении лыжников, биатлонистов, хоккеистов
и фигуристов вообще, а в отношении Евгения Плющенко – в частности.

Более того, в североамериканской печати появились предсказания победы хоккеистов
Канады над Россией, и в связи с этим предлагалось вручить нам, как и Е. Плющенко, Плати-
новые медали!?

А тем временем по вечерам Платон, сидя за компьютером, искал через Интернет
новые подходящие издательства, одновременно проверяя и правя тексты, распечатывая листы
на замену. Но его всё больше и больше охватывало ощущение, что пора завязывать с творче-
ством и переключаться на семейные заботы – ремонты в квартире в преддверии дачного сезона.

В общем, жизнь писателя шла своим чередом.

В пятницу, задолго до мужского праздника, начальница Платона Надежда Сергеевна
по пастушьи молча, вручила своему бычьему стаду по тысяче рублей на рыло, тем избежав его
предпраздничного кормления.

А последовавший за этим трёхсуточный снегопад, который не отмечался наблюдате-
лями-синоптиками более сорока лет, в преддверии Дня защитника Отечества окончательно
побил все зафиксированные рекорды, завалив Москву небывалым 67-и сантиметровым слоем
снега.

Но, не смотря на это, Платон все дни проходил на лыжах, и особенно он удивился обилию
лыжников в последний день снегопада – 22 февраля!

Однако на следующий праздничный день засветило Солнце, и народ просто повалил на накануне накатанную лыжню. Скольжение было отличным, что первоначально соответствовало и настроению Платона, заданного утренним поздравлением с праздником от консьержки, и неожиданным вторым поздравлением на лыжне от одной из приветливых лыжниц-незнакомок.

Придя домой раньше обычного и никого дома не застав, он, после приведения себя в домашний вид, поздравил по телефону, прежде всего ещё живущих ветеранов – дядю Виталия из Санкт-Петербурга и соседа по даче Бронислава Ивановича Котова, а также друзей-свояков Егора и Александра.

Все они ответили взаимностью.

Но никакой больше последующей взаимности не предполагало полное отсутствие хоть каких-либо поздравлений от остальных близких родственников Платона.

И только его самый старший сын, настоящий мужчина Вячеслав, поздравил отца даже из далёкого Буэнос-Айреса, с других полушарий Земли.

Да бедняжка Кирюшка, почти оставленная Кешей, поздравила вечером «дядю Платона» с мужским праздником, пожелав ему, прежде всего здоровья и творческих успехов, и выразив уверенность, что всё остальное тогда непременно приложится.

Даже после этого звонка Платон так и не дождался поздравления от жены Ксении?!

– «Я Вас с Кешей на этот раз поздравлять не буду! Какие Вы защитники Отечества? Кеша не служил, а ты даже себя теперь защитить не сможешь!» – ещё за завтраком неожиданно предупредила она.

Платон промолчал, и почему-то на этот раз даже не обиделся.

Ну, вот! Дождался! Меня опять ни одна падла с мужским праздником не поздравила! Видать, они уже не считают меня мужчиной?! Ну, бог с ними! Если я для Вас не мужчина, то и Вы для меня теперь не женщины! Умерла, так умерла! – решил теперь тоже не поздравлять виновных с их женским днём, как и год назад про себя сокрушавшийся, бывший старший лейтенант запаса, может даже единственный в Мире человек за год срочной службы и за два офицерских сбора прослуживший аж в трёх (!?) видах вооружённых сил СССР: Сухопутных войсках, РВСН и Космических войсках.

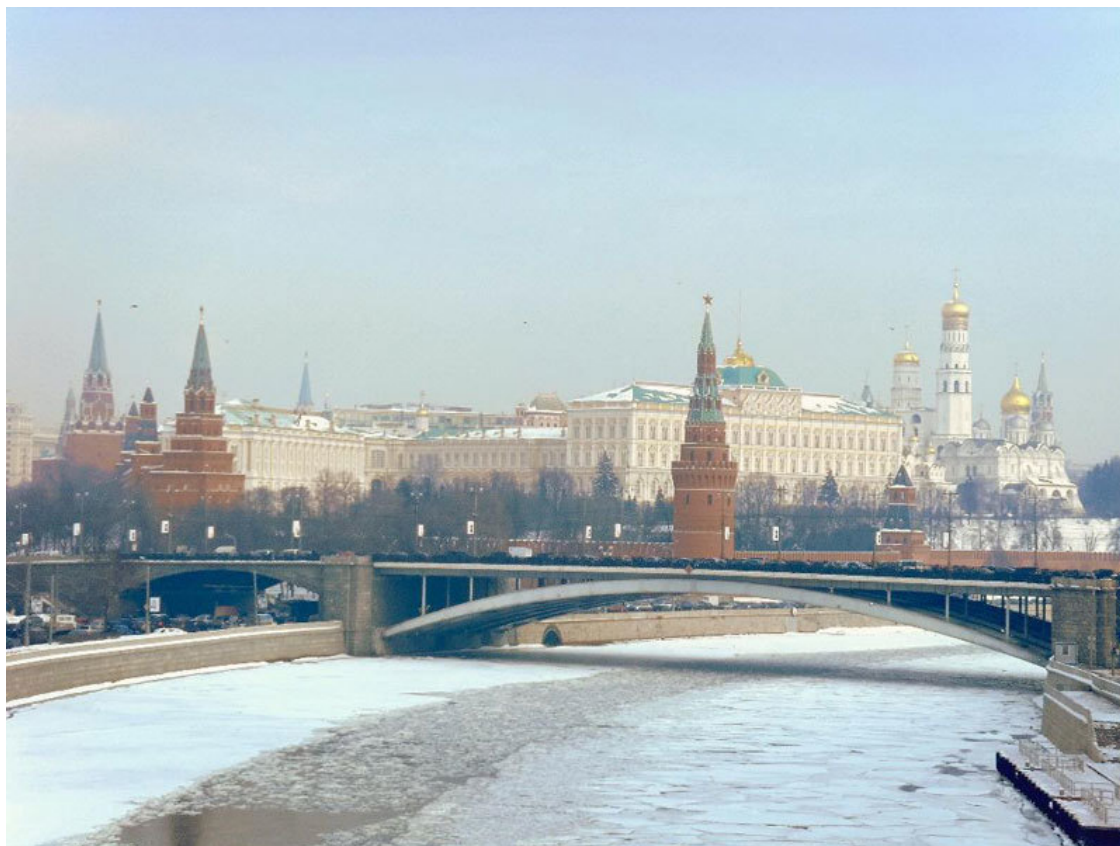
Но на следующее утро у Платона традиционно для этого времени года прихватило горло. Из-за интенсивного лечения он не пошёл на работу, зато дома завершил рассылку электронных писем в издательства, с чувством облегчения надолго передав место за компьютером жене.

Ксения теперь неожиданно тоже занялась творчеством.

Она стала цифровым фотоаппаратом фотографировать пейзажи, а потом помещать фотографии в компьютер, сортируя, отбирая и редактируя их, создавая в итоге тематические альбомы.

Получалось весьма неплохо.

Особенно Платону понравился вид зимнего Кремля, отснятый Ксенией с пешеходного Патриаршего моста.

Ксения так увлеклась, что, не успев закончить одно, тут же хваталась за другое. Всё новые и новые идеи переполняли её.

И теперь она стала лучше понимать творческого мужа.

Быстро выздоровев, Платон вновь вышел на работу.

Но за эти дни на улице всё изменилось. В результате потепления с крыш начало капать и падать.

А на работе он сразу столкнулся с жалобой временной своей производственной сожительницы, коменданта Ноны Петровны Барсуковой.

Ещё почти три недели назад в их здании вновь начался ремонт и реконструкция?! Как будто нельзя было всё это сделать в прошлый раз?

Видать кому-то понравился такой способ отъёма государственных денег?

Поэтому вещи из кабинета коменданта с разрешения Надежды Сергеевны были временно перенесены в цех к Платону Петровичу, который теперь наглядно убедился в неряшливости и безалаберности красивой женщины и невоспитанности периодически к ней приходящих её последних друзей.

Нона совсем не мыла за собой посуду, и не только не стирала со стола крошки, но и вообще не убирала начатую и открытую еду. Даже недопитый ею чай сиротливо простоял на столе несколько дней. То есть, можно было предположить, что именно она является настоящим рассадником тараканов.

И действительно, напоминающий их жоака – также любящий всё подряд на халяву подьесть – периодически заходящий к ней друг Геннадий, неимоверно толстый и некультурный ещё молоджавый мужчина, не имел привычки здороваться, был косноязычным и весьма недалёким, а в разговоре со своей дамой без тени смущения допускал матерные выражения.

– «Платон! Тут, пока тебя не было, я с Надькой поругалась!» – неожиданно прервала его мысли Нона.

– «А что так?!».

– «Да я ей пожаловалась на Гаврилу, что он меня уже достал своим воровством! А она начала его оправдывать!? Да Лёшка Ваш ещё влез! Начал вякать: а может это кто-то другой заходил к Вам и взял?».

– «Да она сама знает, что Гавнилыч ворует! Она даже меня просила периодически пересчитывать коробки, банки и бутылки!» – добавил Платон.

И тут Нона рассказала ему о пропаже батарейки от электронных стенных часов, электрических лампочек, одного из трёх пуфиков от дивана, строительного уровня, и наверняка ещё многого другого, пропажа чего была пока ею не обнаружена.

– «Ну, что ты хочешь от старого воруги-клептомана?!» – несколько успокоил её Платон.

– «А помнишь? Когда я им пожаловалась, что из-за чьей-то халатности мои кролики протухли и их, почти на полтысячи рублей, пришлось выбросить, как Гавнилу с Надькой злобно смеялись?! Я им этой подлости никогда не прощу!».

– «А ты выяснила, кто виноват?».

– «Конечно! Получается, что это мог сделать только Ванька! Я ему об этом прям в лицо и сказала! А он сидит нога на ногу и ухмыляется!».

– «Как кастрат?!».

– «Почему?!» – искренне удивилась женщина.

– «Так он же сидел в позе кастрата – закинув ногу на ногу!» – пояснил Платон, вызвав злорадно-заливистый хохот Ноны.

– «В общем, низкий он человек, слякоть, говно!» – подвела итог женщина.

– «А Надька вокруг него, как навозная муха вьётся!» – прошёлся своими квази биологическими знаниями по биологу-начальнице Платон.

С приходом настоящей слякоти в воскресенье заболела Ксения. Её после работы фоторепортёрские походы по ранневесенней вечерней Москве и периодически снимаемый с головы капюшон дали о себе знать.

Сразу после пятницы и субботы – каплей, переполнившей терпение её организма, всё-таки явилось то, что её иммунитет не справился с той заразой, которая витала вокруг организма Платона. Со своим повышенным иммунитетом он опять оказался невольным разносчиком инфекции.

В это же воскресное утро, неожиданно после долгого перерыва, позвонила Настасья, увлекшись бесконечно долгой беседой с Ксенией.

Возникший у сестры небывалый ранее интерес к жизни подруг жены брата, и просьба брать её с собой на концерты, указывали на то, что Настя ищет себе новых слушателей.

– «Она наверно с подружками поссорилась, достала их всех?! Вот теперь и ищет себе новую паству?!» – объяснил удивлённой жене Платон.

В этот последний календарный день зимы скольжение на лыжах было великолепным, без отдачи.

Поэтому Платон своим энергичным движением по лыжне улучшил своё лучшее время в сезоне, внеся и свой вклад в общее олимпийское движение.

А вечером зима закончилась телефонным звонком Даниле.

Платон поздравил сына и невестку с двумя месяцами новорождённого, и с удовольствием послушал в трубке сладкое, басовитое кряхтение своего младшего внука, лежавшего на животике и поднимавшего головку.

Весна, начавшаяся с понедельника, встретила Платона радостным щебетанием, почувствовавших её приход, перезимовавших птиц.

Март с удовольствием принял тёплую эстафету от февраля. Уже во вторник, возвращаясь с работы по Большому Устьинскому мосту, Платон с удивлением обнаружил, что воды Москвы-реки совершенно свободны ото льда. На следующий день он с удовольствием наблю-

дал, как от уже жарких лучей яркого Солнца топится снег, пуская пока робкие ручейки по склонам.

Этому способствовали и добросовестные дворники, разбрасывавшие сугробы на тёмный асфальт проезжей части.

Вечером Платона на мосту встретили лучи заходящего Солнца, заставившие его даже зажмуриться. Он вдохнул полной грудью и почувствовал, что воздух впервые в этом году стал тёплым, как раз для его выздоравливающего горла!

Но с четверга чуть приморозило, и Солнце скрылось за облаками, временно перестав мучить прохожих первыми ручьями под ногами.

Пятница началась с ожидания приятной предпраздничной развязки. Платон ударно клеил этикетки, исполняя якобы большой и «срочный» заказ.

Другие мужчины были в разъездах. А Надежда с надеждой ждала всеобщего итога.

Время уже вышло далеко за полдень, а обстановка из-за столичных автомобильных пробок всё не прояснялась. Тогда Платон всё же пообедал и предложил Надежде в конце рабочего дня отпраздновать преддверие женского праздника на рабочем месте, так как вероятность снять столик в любом ресторане уменьшалась с каждой минутой. И только около пятнадцати часов дня появился Гудин, а ещё почти через час доехал и Ляпунов.

После чего Платон услышал за стеной шорох и гул голосов, прерванный радостным воплем начальницы. Через несколько минут она бодрая явилась к Платону и объявила, что коллектив всё же хочет поехать в ближайшие «Ёлки-палки» на Солянке.

Подождав, пока Платон доделает коробку, быстро собрались. Вошедший к нему Алексей, заговорчески шёпотом сообщил, что подарил Надежде хороший подарок на тысячу рублей, но без цветов, и что с Платона триста тридцать рублей.

Невоспитанный даже не только не показал, но даже не сказал участнику, что же они подарили начальнице. Да и на саму квази церемонию её поздравления никто из убогих Платона не позвал.

Более того, даже в автомобиль они побежали садиться, чуть ли не наперегонки, не дождавшись, пока коллега немного приберёт своё рабочее место, помоем руки и оденется. Пришлось им ждать.

Так что Платон в машину садился последним, и увидел, что теперь его традиционное место было занято, наконец усвоившим автомобильный этикет, но так и не нашедшим свою совесть, Гудиным.

Нона, как и обещала Платону, не пошла за один стол с подлецами. Более того, она в этот день вообще не пришла на работу, как и практически все нормальные женщины их НИИ.

Оставшись вчетвером, быстро доехали до Солянки и припарковались у развилки.

В ресторане нашёлся столик и на четверых.

Платон сел по длинной стороне справа от начальницы.

Гудин сел напротив него, и тут, на всякий случай, задирая антипода:

– «Хорошо сели! А то прошлый раз посадили меня на сквозняке у двери, так у меня весь бок простыл – вот я и заболел!» – с укоризной обратился он к начальнице, кивая на Платона, который сделал вид, что не слушает дурачка.

– «Ну, что будем пить?» – не давая теме развиваться, спросила Надежда.

Они с Алексеем выбрали по фужеру кваса местного производства, Платон по обыкновению – пол-литра морса, а Гудин в пику всем – традиционные пол-литра пива.

– «Прошлый раз пили какое-то дерьмо, а сейчас я, как Человек, возьму пиво!» – всё не унимался Гудин, на этот раз пройдясь по всеми всегда любимой, во всяком случае, ранее, «Клюковке».

Платон опять сделал вид, что не слушает хама, демонстративно разглядывая публику по сторонам. И в этот самый момент, невзрачные девчонки за соседним столом заговорчески перешёптываясь, тайно сфотографировали его «на память» на свой мобильник.

Когда всем поднесли и все всё увидели, невольно настроенная и заведённая Гудиным, возопила Надежда:

– «Платон! А ты... какое дорогое взял!?».

– «Сто двадцать пять рублей за пол-литра!» – невозмутимо ответил тот, давая понять круглой..., что всё сделано не просто так, а с расчётом.

– «А у нас с Лёшкой вон всего по тридцать пять рублей!» – не поняла тонкого намёка коллеги на её бестактность, разошедшаяся начальница.

Только Платон открыл, было, рот, чтобы окончательно осадить виновницу торжества, как на помощь ему очень тактично, и главное вовремя, пришёл Алексей:

– «А у Ивана Гавриловича?!».

И в наступившей убийственной тишине момент истины в исполнении самого младшего, и потому, наверно, в этот момент самого мудрого, своим тихим голосом ставящим все точки над *i*, прозвучал просто убийственно:

– «Сто семьдесят за пол-литра!?».

После этого жадные, завистливые и подлые просто заткнулись, захлебнувшись в первом тосте, поскорее первым провозглашённым хитрым Гудиным за Надежду.

Кроме старца, заказавшего «мягкое мясо» под свои «новые пластмассовые зубы», коими он тут же не преминул похвалиться, остальные трое заказали по «телеге», только Платон естественно без первого. Ему вообще пока всё ещё не хотелось есть. Но морс помог.

Подождав, пока коллеги нахлебаются борща и дёрнутся к «телеге», а Гудин начнёт свои длительные упражнения с ножом и вилкой, Платон тоже подошёл к «развалу», взяв совсем немного из повышающих аппетит острых деликатесов, сразу положив в большую тарелку и немного расконсервированных заморских фруктов.

– «Ты чего так мало взял?!» – возмутилась пустой трате своих денег обжора.

– «Так я ж сегодня обедал!» – объяснил начальнице очевидное Платон, с укоризной слегка кивая головой на её дневную непредусмотрительность.

Вскоре пиво возымело своё действие и старого Ивана повело.

Благодарный за очередную вкусную дармовщинку, он стал изливать душу начальнице. Слегка заплетающимся за пластмассовые зубы языком, он, как истинный мещанин во дворянстве, как бывший врач, выдал очередной перл, пытаясь найти с её стороны взаимопонимание:

– «Надьк! А помнишь, как мы в «Пилзнере» «Бехтеревку» попивали?!».

И нашёл! Та тоже видно позабыла, или и не знала вовсе, что так им полюбившаяся всемирно известная настойка из трав называлась «Бехеровка».

В общем, вечер прошёл в спокойной, тёплой обстановке.

Но от своих пусто звеневших на выходе коллег Платон, давно наострив лыжи домой, просто ускользнул.

И все три выходных и праздничных дня скольжение его лыж было отличным. Платон дважды повторил лучшее время в сезоне, несмотря на не лучшую физическую форму. Он мог бы и побить эти рекорды, но что-то не бежалось. Какая-то непонятная лёгкая слабость охватила в эти дни его тело. К тому же он боялся упасть на местами скользкой лыжне. Ведь лыжи иногда неожиданно съезжали параллельно лыжне в обе стороны.

А 8 марта стало не только празднично, но и, как по заказу, солнечно!

Платон накануне по наводке сына купил жене букет голландских тюльпанов: по три цветка алого, жёлтого и белого с прожилками цвета.

Не ранним утром Ксения встретила невозмутимо бреющегося мужа прозорливым вопросом:

– «А ты, что? Не будешь меня сегодня поздравлять?».

– «А ты разве признаёшь этот праздник? Я-то подумал, что, как и 23 февраля, ты тоже теперь его не признаёшь, считаешь, что он теперь тоже лицемерный!?» – сделал Платон нарочно удивлённое лицо.

– «Да нет!.. Ну, я так и знала!».

– «Ну, тогда поздравляю тебя!».

Праздничное утро продолжилось звонком Насти. В этот день трубку первой сняла естественно Ксения. Пока Платон завтракал, то невольно слышал разговор женщин. Поздравив Ксению, Настя опять принялась доказывать ей, что этот праздник установили проститутки, а его дата специально выбрана евреями. Так что православным его отмечать нельзя ни в коем

случае. Ксения пыталась ей объяснить, что несмотря даже может на это, праздник давно признан таким, какой есть, и она этот день всегда отмечает.

Уже в шутку она, непонятно что подразумевая, добавила:

– «Даже у всех советских и российских мужчин давно выработался условный рефлекс на этот праздник!».

Платон тоже внёс свою посильную лепту в женский день и в женский спор:

– «Передай Насте привет от Клары Цеткиной!».

Ксения передала, и обе женщины на обоих концах провода закончили разговор смехом.

Уже одеваясь, Платон вспомнил, что этажом ниже живёт семья попа.

Не хватает мне ещё их в лифте теперь встретить и нечаянно поздравить с праздником! – невольно подумал он.

Но, как известно, мысли часто материализуются.

И какого же было удивление Платона, когда, действительно, на следующем этаже в лифт вошли поп и попадья.

В результате замешательства – Платона опять подвела обратная связь – пересмешник, обращаясь к женщине, нечаянно выпалил:

– «С праздником!».

– «Та-а-ак!» – недружелюбно протянул почти сорокалетний батюшка Александр, в миру Алексей Демьянович Круглик.

Попадья же, Наталья Викторовна Самойлова, чуть смущённо заулыбалась от удовольствия, но на поздравление никак не прореагировала, будто не слыша, сразу, шельма, переведя разговор на другую тему.

И поповское семейство в две тренированные глотки атаковало опростоволосившегося:

– «О! Лыжи!? А биодобавки, что? Уже не помогают?!» – по привычке первым начал издеваться над чужими прихожанами поп, видимо вспомнив давнее, почти десятилетней давности, увлечение Платона «Гербалайфом».

Пока Платон удивлённо молчал, не зная, что и ответить мракобесу, слово без спросу взяла попадья:

– «А как там Кеша? Ему сейчас восемнадцать?».

– «Нормально! Учится, работает...».

– «А со своей девушкой встречается?» – бесцеремонно перебил ответ Платона скрытый эротоман-завистник.

– «Да, так, как-то, непонятно. Они ведь оба учатся и работают!».

– «А-а! Поматросил и бросил!» – обрадовался поп, что не только у него есть семейно-жизненные проблемы.

– «Да, нет! Дружат! Только спокойнее! Да и времени у них свободного почти нет! Ведь повзрослели дети, стали серьёзней, и теперь ответственной относятся к жизни, зная, что не будет им манны небесной, да и подаяний на иномарку тоже!» – разъяснил дурачку Платон, переходя в убийственную контратаку.

Пока поп открывал рот, пытаясь быстро придумать и выпустить в свет очередную ересь, Платон продолжил ответ попадье:

– «А ему сейчас девятнадцать с половиной!».

– «Значит, в армию пойдёт!» – обрадовался спасительной находке поп.

– «Пойдёт! И с удовольствием! Но только после окончания института!» – снова ошарашил и расстроил того Платон.

Поп, как вещь в себе, как истина в последней инстанции, видимо привык поучать всех подряд. Но годящийся ему по возрасту в отцы Платон не мог с этим мириться, и окончательно перехватил инициативу, продолжив:

И вообще! Вы же учились в школе? Так там, если Вы ещё не совсем забыли, прежде чем открыть рот, ученики руку поднимают, спрашивают разрешение у учителя!».

И после этого аргумента у попа неожиданно кончились его, красноречие пропало, и он на глазах завял. Побитые, они с попадёнкой первыми вышли из лифта и направились на выход.

– «Как пахнет мимозами!» – разочарованно и завистливо молвила попонка, обращаясь к мужу, демонстративно не поздравив вахтёршу с женским праздником, и не давая той возможность повторить Платоновскую ошибку.

– «С праздником Вас! Здоровья и ещё раз здоровья!» – за всех отметился Платон.

Дураки всё же эти верующие! Особенно наш попик со своей попонкой! Одно время она не разговаривала со мной, даже не здоровалась! А сегодня – решила меня как-то усть за поздравления! А сам попик? Ну, не дурачок ли он? Одно время он за глаза корил Кешу за сожительство с Кирой, называя их страстную и чистую юношескую любовь простым прелюбодеянием! Это его уже умершая вдова-тёща одно время строила мне, женатому, глазки, явно пытаясь кадриться, и затащить меня в свою постель! А сам засранец ещё учит старших, как им жить?! Вот их Бог всех и наказал! Как говорить, «бодливой корове Бог рогов не дал»! И похотливую их мать он прибрал к себе на небеса.

И беременность Натальи чудесным образом не завершился, не дав бесноватым обзавестись наследником-попёнком! Теперь вот и завидуют молодым и здоровым, не отягощенным лицемерием и ханжеством. А следующий раз надо будет спросить попа: а почём нынче опиум для народа, если на деньги прихожан Вы на дорогой иномарке ездите?! Хотя и зло я о них думаю, но справедливо! Достали они уже меня! А ведь яйца курицу не учат..., особенно перепелиные! – сам с собою рассуждал возмущённый по пути на автобусную остановку.

После солнечной, но всё ещё скоростной лыжни Платон оповестил домашних о встрече с поповым семейством, чем вызвал крайнее возмущение жены, и особенно сына:

– «Да я этого попа сожгу когда-нибудь! Это из-за него у нас с Кирой разладилось! Он, гад, сглазил..., вернее наколдовал!».

Платон успокоил Кешу, довольно переглянувшись с женой:

– «Да, он сам теперь напросился на перо!» – заключил писатель.

– «Вот именно, что на перо!» – подразумевая другое значение слова, злорадно завершил Иннокентий.

После ухода сына Платон проинформировал жену о том, что Кеша готовил подарок не только ей, но и Кире.

– «Да-а?! Хорошо! Дай-то Бог!» – обрадовалась мать.

Позже Платон поздравил с праздником лишь ограниченный круг неверующих женщин, только тех, кто ещё не забыл, что он мужчина, атеист и защитник Отечества.

Но с особым удовольствием он поздравил в этот раз Кирюшку, пожелав ей всего и многого. Поблагодарив, та попросила позвать к телефону «тётю Ксюшу». Обменявшись взаимными поздравлениями и пожеланиями, Ксения сообщила Кире о реакции Кешы на информацию «дяди Платона» о попе, намекая на то, что в их отношениях ещё не вечер.

На следующий день Платону предстоял очередной квази аврал в его работе. Но этого, как всегда, не случилось. Необходимость подготовить некоторое значительное количество коробок к определённому сроку и для важного заказчика опять чудным образом испарилась, причём, как минимум, до конца текущей недели.

Постоянное враньё Надежды, – основанное на недоверии к мужчинам вообще, и в кои ряды невольно попал всегда честный, порядочный и добросовестный, работающий Платон, – с целью создания задела, – опять вынудило Платона не обращать никакого внимания на её просьбы-заказы.

Это теперь касалось и количества коробок и срока их подготовки. Он опять решил продолжать работать, как и раньше: согласно своей технологической мощности, без пыхтений и потений, то есть, без аврала!

В подтверждение этого в четверг Надежда послала Платона на выгодную ему перегрузку большого количества коробок на минскую машину.

При парковке больших грузовиков друг к другу Платон дал Лёшке совет по поводу нужных действий водителей, на что тот по-хамски огрызнулся:

– «Они что? Дураки, что ли?!».

– «Так все люди без исключения считают себя умными, однако глупостей сколько совершается?!» – пришлось старшему опять объяснять раннему.

Работа в этот раз как-то очень спорилась. За наличную оплату помогали оба водителя, и не было Гаврилыча, которому в этот же день поручили разгружать другую машину – маленькую «Газель».

Освободились рано и физическое самочувствие Платона, подкреплённое солидной денежной премией, было отменным.

Утром в пятницу он задержался в аптеке. В ожидании очереди Платон услышал от молодой женщины, обращённое в кассу:

– «А сколько они стоят?».

– «Смотря, в каком виде!» – поучала неопытную больную провизор.

– «В разжёванном – дешевле!» – помог покупательнице Платон.

В этот день заболела Надежда, и мужики оказались одни.

Платон опять клеил этикетки на банки.

Лёшка, поработав для себя на компьютере, после обеда взял опять же себе биодобавок и уехал домой.

А Гудин погонял шарики, отоварил нескольких посетителей, положив выручку в свой карман – авось до понедельника всё забудется, – и, щедро одарив себя, тоже пораньше тихой сапой и с полным портфелем чужих дорогих биодобавок двинулся к дому.

Платон вспомнил, что ещё ровно год назад начал писать стихотворение про Гудина под музыку известной песни из кинофильма «Весна». Он нашёл наброски и стал дописывать их, озаглавив: «Весенние потуги».

*Наконец, глубокий снег растая,
Оголил поляны и кусты.
Тем ландшафт во всей красе представя,
Вплотил реальность из мечты.*

*То, что за зиму ещё не сгнило,
Превратившись по весне в дерьмо, –
Под напором веших вод поплыло,
Очищая землю всё равно!*

*По бульвару снова шёл прохожий.
А от птиц летели трели про апрель.
Шёл прохожий с... загорелой кожей
Из Египта..., и неся портфель.*

*Шёл Иван солидно, даже чинно,
Хоть на пенсии уже давно.
По походке старца было видно –*

На весну ему плевать всё равно!

*Каждый день ведь он в заботе,
Как бы «зёрнышко опять склевать».
Как петух он держит путь к работе.
На «грачей» и на «скворцов» начихать.*

*Пусть кричат себе, поют задорно.
Пусть все слышат птичий перезвон.
«Ведь весёлой птицей быть зазорно!» –
Искренне считает он.*

*И на склад крадётся жадный дюже
Тихой сапой «Ванька-озорник».
Запахнул в портфель он банки ту же,
В маскировке поднял воротник.*

Платон задумался, и отложил текст, так как пора было идти домой.

На следующий день он, в ожидании заряжания автомобильного аккумулятора продолжил стихотворение в гараже, чуть было, не потеряв нить, его идею, но вовремя спохватившись:

*И я опять забил весеннюю тревогу.
И птиц опять послал бы я во все концы.
Но кто из них сейчас придёт мне на подмогу,
Чтоб Гудин Ванька не обрезал все концы?*

*Ведь нам такая прыть не нужна!
Для нас лишь только честность важна!
И нам такой петух ни к чему!
Об этом мы и скажем ему:*

*Да! Да..., да!
Иногда!
Но! Но..., но:
Всё равно:*

*Слепят лучи,
Журчат ручьи.
И бывший лёд на Солнце тает.
И даже пень
В апрельский день
С берёзкой... переспать мечтает!*

*Журчат ручьи,
Кричат грачи,
И Ванька Гудин расцветает.
Пока апрель –
Мечтать не лень,
И он с надеждой засыпает...*

*Ведь он решил: ему всё можно,
Раз стоит сейчас на девок... хрен!
И на старости, но осторожно,
Совершить готов он адюльтер.*

*И в ответ так дерзко отвечает,
Что смолкает птичий перезвон.
Ванька искренне всегда считает,
Что всегда везде прав лишь он.*

*«И честность не нужна никому!
И говорить о том ему ни к чему!
Скворцы, да и весна – ерунда!
Да, да, да! Ерунда!*

*И потуги мои – ерунда!
Да, да, да! Как всегда!».
Но! Летят... гонцы во все концы:
Иван... плывёт – ему дорогу!*

Почти всю прошедшую неделю Нона готовила свои трофейные вещи к вывозу на дачу, попутно изливая душу Платону. Вскоре появился её младший сынок Олег – скрытый экстрасенс, студент. Мать стала хлопотать над чаем.

Проходя в узком месте своего кабинета мимо нагнувшейся к чайнику Ноны, Платон невольно слегка задел своим бедром её обширные ягодичы.

- «Э-эх!» – вздохнула женщина.
- «Ещё раз?!» – спросил мужчина.
- «Щаз...!» – пообещала она.
- «Разденусь!» – помог он.

И действительно, в их помещении в последние дни стало явно теплее.

Коммунальщики несколько не успевали за перепадами ночных и дневных температур. Через теперь постоянно открытую форточку в полуподвальное помещение ООО «Дека» вривался пьянящий, свежий, весенний воздух. А за окном природа осторожничала, ночным морозцем придерживая рьяную весну, очередная встреча с которой предстояла Платону опять на лыжне.

Бесснежная неделя во многих местах замусорила лыжню сухими листьями, мелкими палками и прочими дарами деревьев и кустов, сделав её невозможной для постоянного скоростного бега, а местами даже опасной. В хвойном лесу было ощущение, что идёшь не по лыжне, а по тропинке, во многих местах щедро присыпанной песком. Это многочисленные не истлевшие прошлогодние еловые и сосновые иголки нещадно тормозили лыжи, делая скольжение совершенно невозможным. Поэтому лыжник в этот раз не упирался, показав и соответствующее весьма посредственное время.

Воскресный поход сулил продолжение им уже пройденного. Но ночные заморозки покрыли тонкой корочкой льда весь лежащий на земле мусор, из-за чего неожиданно для Платона скольжение стало отменным.

Поначалу, опасаясь резкого торможения и возможного падения, он шёл осторожно. Но по мере отсутствия сопротивления и излишнего трения, Платон осмелел и прибавил ходу,

да так, что в итоге без лишнего напряжения показал лучшее время в сезоне, на минуту туда, и на две минуты обратно улучшив рекорды. Домой возвращался довольный и не уставший.

В понедельник неожиданно подморозило, и днём подул холодный, злой, пронизывающий ветер, напомнивший Платону поговорку «марток – оденешь семь порток».

Во вторник, 16 марта, Вячеславу Платоновичу Гаврилову-Кочету исполнилось сорок пять лет. Вечером после работы отец по Skype поздравил старшего сына с юбилеем, а тот рассказал о последних новостях жизни его семьи.

А в среду ещё больше подморозило. И тут ещё рабочие вдобавок стали менять в здании батареи центрального отопления. Первой замёрзла, как и должно быть по должности, комендант здания – Нона Петровна Барсукова:

– «Я уже замерзаю!».

– «Так двигаться надо... в сторону дома!» – искренне подсказал Платон.

Повинуясь совету коллеги, Нона Петровна не сразу двинулась в сторону дома. Поначалу она погрелась рассказом о своих любовно-сексуальных проблемах. Платону уже давно показалось, что эта женщина планомерно обхаживает его, готова в свои сексуальные партнёры. Она теперь не намекала, а в открытую говорила, что голодна в сексуальном плане, что может возбудить любого мужчину и уверенно поднять его естество из положения ниц, и даже удовлетворить мужчину с помощью минета.

Словно окончательно проснувшаяся после зимней спячки любвеобильная сучка, она темпераментно и энергично теперь готовилась вкушать все прелести ненасытной любовной жизни, коей она была просто беременна.

Более того, она намекнула Платону, что хоть сейчас может легко найти в их здании вполне уютное и подходящее помещение для сексуальных утех.

От таких откровений Платону стало даже неудобно перед самим собой.

Ведь ещё совсем немного и Нона просто внаглую предложит ему заняться с нею сексом. Однако верный, но голодный, в отличие от других, он пока держался. Но это событие произвело на Платона сильное впечатление, и он разразился в ответ Ноне стихотворением на музыку песни А. Макаревича «Синяя птица», которое вскоре и подарил виновнице, так и назвав его:

Женщине, рождённой для любви!

*Пред тобой я снимаю шляпу,
А не только снимаю штаны.
Я такую мечтал встретить бабу:
Воплощенье моей мечты!*

*Ты не птица, и не... «блошка»,
А нормальная в жизни... «мать».
Извращенка быть может немножко?!
У тебя ни взять, ни отнять.*

*И в постели ты словно кошка.
По-простому тебя не взять.
И в любви ты Эйнштейн немножко.
В общем, форменная даже... «мать»!*

*Я всегда о тебе мечтаю!
Ну, и как же с тобою мы?
Я в мечтах своих словно таю,
С воплощеньем моей мечты.*

*Я ищу с тобой снова встречи.
Я хочу заглянуть в глаза,
И услышать сладкие речи,
Растрепать твои волосы;*

*Ощутить твои нежные руки,
Задохнуться в устах твоих,
И почувствовать крепкие груди
На коленях и бёдрах моих.*

*Да! Ведь в том твоё назначенье!
По-другому устроена ты.
Ты божественное творенье!
Воплощенье земной красоты!*

*А пусть злые... лишь ласы точат.
А завистники по пустякам
Тебя на людях всё порочат.
Ведь плевать на плебеев нам.*

*От плебеев всегда много шума.
Много дикости и суеты.
Их активность доходит до бума,
А последствия – до маеты.*

*Но нельзя «опустить» королеву.
Её можно только поднять!
И тем боле королеву-деву!
И тем паче королеву-мать!*

*Что божественно, то не стыдно!
Не стесняешься ты наготы.
И любить тебя не постыдно.
Ты не любишь лишь простоты.*

*Ты чаруешь нас всех собою.
И с тобой всяк готов пойти.
Но, как с богинею дорогою.
Берегиня ведь ты любви!*

*Не у каждого хватит духу
Красоту такую объять.
И боится он дать маху.
Он боится даже обнять.*

*Он боится с устами слиться,
Заглянуть богине в глаза.
И под речи красы-девицы
Отпустить свои тормоза.*

*Получить наслаждение земное.
Насладиться любовью всласть.
И почувствовать то, родное:
Ощутить над богиней власть!*

*Ну, а всё остальное на свете
Это сущая ерунда!
От любви лишь рождаются дети!
От неё лишь большие дела!*

*И не каждому в жизни даётся
Жить, любить, и детей рожать!
Ну, а что же другим остаётся?
Только лишь себя ублажать.*

*В заключение, я к Вам, мужчины,
Обращаюсь здесь с песней моей:
Будьте Вы повнимательней, чинны
К птице счастья любви своей.*

*Вот такая о женищине песня!
Вот такая о прошлом грусть.
В этой песне пред Вами весь я.
Если можно, то я вернусь!*

*Ну, а как же, жена, быть с тобою?
Как же нам друг друга понять?
Как же нам быть с любовью такою?
Это ЖЕНЩИНА, а не...«мать»!*

*Может быть, надеюсь, что скоро,
С воплощением моей мечты,
Ты отложишь дела все споро,
На минуты такой станешь ты?!*

*Ну, и кто сейчас в моём сердце?
Ну, конечно, опять же ты!
Воплощением любовников в дельце
Может, станем когда-то и мы?!*

*Будешь ты для меня желанной!
Будешь ты для меня дорогой!
Может счастье небесной манной
Окропит образ женский твой?!*

Из-за пыли и вони при отрезании старых батарей пожилая вахтёрша Татьяна Васильевна тоже попросилась во временное убежище к Платону. И тот предложил ей пока разделить комнату с племянницей её же мужа – Ноной.

Вскоре на склад мимо беженков продефилировал Гудин. Не разговаривающий с его разоблачившей Ноной, Иван Гаврилович обратился к Татьяне Васильевне:

- «Тань! Ты теперь у нас дежуришь?!».
- «Да! Вот слежу!».
- «Чтоб не... «стырил» чего!» – не удержался Платон.

Но Гудин не был бы Гудиным, если бы на обратном пути не попытался перевести стрелки подозрительности, в том числе Ноны, на Платона:

- «Так тут уже брать нечего! Всё вынесли!».
- «Домой и на дачу!» – помог ему с откровением Платон.

Вскоре вместо Гудина к Платону вошла Надежда, вручая ему деньги:

- «Платон, когда пойдёшь обедать, на обратном пути купи пакеты и мне яблок и вафли!».
- «Хорошо!».
- «А ты когда пойдёшь?».
- «В два!».
- «О! Это поздно!».
- «Так, если хочешь раньше, пошли... Челсика!».

Услышав это, Нона захохотала. Со ставшим, после смерти Тоси – старшей собаки Надежды, теперь вожаком стаи Челсиком, Ивана Гавриловича Гудина Платон ещё не сравнивал.

Держатели животных Платон и Надежда давно утвердились в единодушном мнении, что метод её знаменитого однофамильца И. П. Павлова в корне неверен. Ибо их опыт сожительства с кошками и собаками утвердил обоих в единодушном мнении, что те, безусловно, имеют даже возможно интеллект, не имеющий ничего общего с, какими бы ни было, рефлексам.

Пёс Надежды Челсик вместе со своей дочкой-сестрой Дуняшей под руководством и при главном участии кошки Мани (Марийки), давно сами научились лакомиться конфетами,

спрятанными даже на самом верху платяного шкафа в одной из жилых комнат подмосковного особняка.

Роли шайки охотников за сладким распределялись следующим образом.

Марийка легко, в два-три приёма, запрыгивала на высоченный шкаф, лапой подцепляла крышку коробки, лишь частично сдвигая её в сторону, когтями подцепляла всего одну конфету и бросала её с высоты на пол, внимательно наблюдая за продолжением интересного процесса.

Дуняша наступала одной лапой на край обвёртки и аккуратно клыком подцепляла её, тут же невольно и надрезая фантик. Аккуратно тяня, собака окончательно снимала со сладкого приза серпантин обвёртки, затем делилась добычей с отцом-братом Челсиком.

Полакомившись, две довольные морды поднимали свои слюнявые носы кверху, на шкафу ища глазами Маню. Та повторяла манипуляции, вновь угощая друзей непонятной ей по вкусу диковинкой. Когда довольные собаки, виляя хвостами, больше не поднимали своих страждущих глаз на кошку, та спрыгивала на пол, и принималась за свою забаву, гоняя фантики по полу и, в итоге, загоняя их все под диван.

Поэтому-то Надежда первое время грешила на сына. Но потом тот как-то раз позвал мать в «Уголок Дурова» на представление.

А вообще, пса Челсика и кошку Маню связывала давняя, необычайно тёплая дружба, даже любовь! Они просто не могли жить друг без друга.

Встречаясь, они всегда тыкались носами, словно целовались.

Малюсенький носик кошки весьма диссонировал с огромным носищем крупного пса. Их дружба, сотрудничество и взаимовыручка касались даже и интимной сферы.

Пёс долго, терпеливо и видимо с наслаждением ожидал, пока Марийка вылизет ему всю паховую область, включая крупные яйца, которые она нежно обхватывала обеими лапками и вылизывала их аж до блеска. Пёс тоже не оставался в долгу. Он обнюхивал подружку под хвостом после улицы, умывал её своим огромным слюнявым языком, прижимая непослушную огромной лапой к полу. Но верхом изысканного ухода за подругой, просто высшим пилотажем, было очень аккуратное выкусывание своими огромными, но ловкими и точными зубищами блошек в густой шерсти кошки, внешне напоминавшей известного по телерекламе кота Бориса.

Выходя на улицу, Марийка всегда открывала собакам незапертую дверь, затем разбегалась с ними: кошки – налево, собаки – направо.

Но, пожалуй, самым забавным, самым киногеничным, были вечерние попытки маленькой кошки вынудить большую собаку пойти с нею гулять на улицу. Марийка вставала на задние лапки впереди Челсика, мордой к нему, обнимая его за шею и прижимаясь щекой к щеке. А тот не стряхивал навязчивую липучку, а ходил с нею медленно туда-сюда, влево, вправо, будто вальсируя. А чтоб не упасть и сохранить пристойную вертикаль, та смешно перебирала лапками: назад, вперёд, вправо, влево.

Если бы в этот момент включили бы какую-нибудь музыку, то точно бы показалось, что кошка с собакой исполняют танго. Наконец, Челсик сдавался, и парочка резво бежала играть на улицу.

Когда старший по возрасту уставал, то он прижимал к земле Марийку, которая и не сопротивлялась, изображая из себя убитую. Но, как только пёс терял контроль над ситуацией, Маня снова вскакивала, возобновляя свои дружеские объятия и любовные игрища со своим верным и добрым учителем.

Именно из-за этой дружбы Машка чувствовала себя на улице в полной безопасности, ходила гордо, величаво, иногда звучно имитируя собачий рык, переняв и многие другие собачьи повадки.

А самое безопасное для неё место было под мордой лежащего друга между его передними лапами, где она особо ощущала себя членом его стаи.

Не менее интересное творилось и с кошками Платона. Они каким-то образом, наверно по звуку, всегда чётко определяли неплотно закрытую дверь. И дождавшись удобного момента, помня об этом, наваливались на неё и входили в принципе запретную для них комнату. Этим особенно увлекался кот Тихон. То же самое происходило и с дверью ванной. Они, в основном Соня, тоже видимо по звуку, определяли, что дверь сейчас закрыта не на защёлку, и, действуя лапой, снизу открывали её.

Пока Платон вспоминал своих пушистых, осмысливал их поведение, пришла Надежда. В пятницу он был уже свободен от своей полностью выполненной работы, поэтому именно ему «выпала честь» обслуживать клиентов. Ведь «Марийка» берегла своего «Челсика» от переработки.

- «А где твои, эти... двое из ларца, одинаковы с... «лица»?!».
- «Как где? Работают!» – не смущаясь своего вранья, ответила Надежда.
- «А-а! Как раз их-то и гоняют!» – сразу вслух догадался Платон.
- «Платон, прицепи к пакетам эти бумажки, одну снаружи, другую **снутри!**» – невозмутимо попросила его начальница, вручая два листочка с одинаковым текстом.
- «А зачем две-то?».
- «Так одну я писала, другую – Гаврила!».
- «Нет! Не надо так! А то покупатель прочтёт обе, и поймёт, что здесь дебилы работают!» – объяснил ей Платон, уходя на склад.

Загрузив бутылки в пакеты, он понёс их вместе с «бумажками» к Надежде, у которой как раз и был единственный на всех степлер.

Поняв свою ошибку, та с претензией прокричала Гаврилычу, по-обыкновению опять гонявшему шарики на компьютере:

- «Иван Гаврилович! Дайте степлер!».

А-а! Понятно, откуда как всегда ноги растут! – про себя, в прямом и переносном смыслах, догадался Платон.

Вскоре к нему пришёл и один из заказчиков, сразу же отоваренный им биодобавками.

– «А можно... зайти в туалет? А то в Москве не всегда получается!» – спросил старичок.

– «Конечно, конечно! Оказией надо пользоваться... пока есть куда!» – разрешил Платон.

– «Спасибо Вам!».

– «Так не за что! Это теперь, как закон Божий! Есть оказия – пописай на нее,... на дорожку-то!».

За старичком вскоре явилась не его старушка. Платон предложил ей сесть на крайний свободный стул, но та чуть не загремела со сломанного:

– «Ну, ладно, ничего, я постою!».

Испытав неудобство от этого, и проведив покупательницу, Платон принёс деньги Надежде:

– «Надь! А зачем ты ко мне сломанный стул поставила? Покупательница – старуха села и чуть с него не пи... пнула!».

Начальница сразу рванула исправлять свою ошибку, могущую повлиять на имидж всего предприятия. Совместно решили злополучный стул пока убрать на склад, что Платон сразу и сделал.

– «К тому же Лёшка здесь на повороте всё время об стул тележкой ударялся и материл виновного!» – подтвердил Платон правильность ими принятого решения.

После обеда, обеспеченного для начальницы Платоном, Надежда умиротворённо спросила:

– «Платон, а ты будешь пиво?».

– «А я никогда не разделяю чьих-либо плебейских замашек!».

– «Да ну, тебя!» – отмахнулась она.

– «А из горла дамы не пьют!» – тут же пояснил он поперхнувшейся.

Тогда Гудин и Павлова, и всё же из горла, уговорили и доли Платона с Лёшкой. Но и этого им показалось мало.

Когда через полтора часа Платон зачем-то вошёл в кабинет к Надежде, то увидел у неё на столе, принесённую очередной посетительницей бутылку уже красного вина.

– «О-о! А это мне!» – во всеуслышание пошутил он.

– «А за что тебе-то?» – ревностно вмешалась, непонимающая шуток, условно-безусловно рефлексирующая Павлова.

– «Да за красивые глазки!» – без задней мысли продолжил Платон шутку, видя, как симпатичная посетительница с улыбкой внимательно всматривается в его, ещё не потерявшее красоту, немолодое лицо.

– «И мне тоже!» – вдруг жалобно из угла заскулил опьянённый пивом Гудин.

– «А ему... вообще-то, тоже можно! Но полбутылки!» – сжалился над однооким просителем Платон.

И месть не заставила себя ждать. Надежда и Иван, как два сапога – пара, на двоих опустошили втихаря от Платона, подаренную всему коллективу бутылку, даже формально не предложив ему, на что сразу обратила внимание всегда внимательная Нона Петровна, когда к ним с Платоном вошёл Гудин.

– «А где ключи?» – спросил тот Платона о ключах от склада, бесцеремонно перебивая его беседу с Ноной.

– «Там, в двери!» – словно сгоняя назойливую муху, мотнул Платон головой в сторону уже пройденной старцем двери.

Когда тот вошёл на склад, Нона вполголоса прокомментировала:

– «Сытый, пьяный, и довольный!».

– «С чего это?» – удивился Платон.

– «Так они с Надькой вино красное пили! А тебя ведь не пригласили?!».

– «Так голь на выдумки хитра!» – нарочно громко вслед уходящему Гудину, объяснил ей Платон.

– «Убогость души не лечится!» – завершила его мысль мудрая женщина.

Вечером Платон по электронной почте сначала поздравил своего второго сына Владимира с днём рождения, а потом ещё и по Skype с удовольствием пообщался с ним и внучкой Дианой.

На следующий день, в субботу, лыжная прогулка неожиданно сорвалась. Уже надевая лыжный комбинезон, Платон услышал шум довольно сильного дождя, и не рискнул мокнуть под ним, боясь последствий.

Из-за пропущенного лыжного похода его настроение в этот день, мягко говоря, не было приподнятым, и он с надеждой ожидал воскресенья.

Даже знакомые продавщица продуктового магазина «МагазинЧик», размещавшегося в его же жилом доме, в который Платон спустился ближе к вечеру, сами спросили грустного, а почему он сегодня не просит молоко «Бабушку в очёчках плюс полтора» и батон «живого» нарезного?

– «Да я что-то на прилавке их не увидел!» – вывернулся писатель.

Однако наступившее утро воскресенья вселило надежду на благополучный исход дня. Ведь Платон не хотел заканчивать лыжный сезон внезапно, как это чуть было не случилось накануне.

Он чувствовал, что этот воскресный поход может стать для него заключительным в сезоне, и хотел поставить чёткую и жирную точку по его завершению.

Скольжение было приличным, но лыжи со смешным звуком «хрум» частенько чуть проваливались под пяткой в лыжню. Поэтому думать о рекордах не престало. Да Платон теперь и не стремился к этому.

Ведь ещё в начале прогулки он понял, что через неделю речи о скольжении уже идти не будет вообще, а на лыжах он сможет перемещаться лишь, «як посуху».

Поэтому Платон поставил себе задачу сейчас не суетиться, а последний раз в сезоне насладиться ни сколько лыжнёй, сколько зимним лесом. Он долго катил в одиночестве, не тратя лишних сил, глубоко вдыхая тёплый и вкусный ранневесенний воздух, иногда даже любуясь теперь полностью оголившимися деревьями и кустами. В лесу явно пахло мокрой древесины, но ещё он ощутил и какие-то непонятные, но почему-то приятные ароматы. В низинах и на открытых полянах, от испарения влаги, стоял густой, белёсый туман, повсеместно напоминавший брызги от упавшего с большой высоты снега. Но на возвышенностях и пригорках воздух был уже предельно прозрачен, а не только чист и свеж. И это несколько успокоило лыжника. Ведь несколько лет назад он так надышался всё сплошь окутавшими, туманными, лесными, весенними испарениями, что надолго и сильно заболел бронхитом. Но на этот раз такого исхода пока вроде бы не намечалось.

Долгое время Платон на лыжне был одинок.

В лесу в этот раз не было даже пешеходов. И только рыбаки на озере составили его лесную компанию.

Но на обратном пути, ловко идущий навстречу ему коньковым ходом лыжник, вдруг оказался весьма смуглым представителем Средней Азии.

Наверно со снегов Памира?! – решил давний знаток географии и этноса.

В отличном, и даже в праздничном расположении духа возвращался Платон домой, невольно передав свой настрой и своим домашним.

На следующий день в столовой ему вернули его стихи за прошлый год. Новая сотрудница Нина, уточнив у Платона, его ли это стихи, объявила ему:

– «Мне Ваши стихи очень понравились! Они... просто обалденные!».

Подбодренный такой небывалой похвалой и пользуясь относительно свободным временем на работе, Платон окончательно дописал стихотворение, посвящённое коллективу этой столовой – «Две богатырки»:

*Из трёх богатырок осталось лишь две.
На отдых ушла Валентина.
Невольно ушла, покоряясь судьбе.
Опора она теперь сына.*

*А две богатырки? Так то ж коллектив!
Вдвоём они добрая сила.
Накормит любая из этих двух див:
Наталья, или Фаина.*

*Брюнетка с глазами почти бирюзы –
Наталья бывает за кассой.
Распущены волосы – символ красы,
Чернеют до пояса массой.*

*А первой встречает всегда, каждый день,
Улыбкой «блондинка» Фаина.
И ей улыбаться народу не лень.
Ведь губы её, как малина.*

*Кашитановый блеск, с поволокой глаза
Весельем, добром озаряют.
Когда Вас встречает такая краса,
То «мысли» Вас вмиг осеняют.*

*Недавно пополнился сей коллектив
«Блондинками», коим «за... сорок».
Стихами своими и их одарив,
Узнал, как поэт я им дорог.*

*Такая оценка вселяет в меня
Уверенность в будущем нашем.
Но требует строже взглянуть на себя,
На что сочиняем и пишем.*

*Добро, как известно, рождает добро,
Вселяет уверенность, радость.
Путь к счастью всегда открывает оно,
Сметая с пути нечисть, гадость.*

*И я бы желал «богатыркам» опять,
А с ними всему коллективу:
Всегда так работать, как прежде, на пять,
Стиха подчиняясь мотиву!*

Это стихотворение словно поставило многоточие вместо ранее запланированной точки. После завершения года Быка, Платон, сам по натуре бык – не хищник, а доброе, не плотоядное, работающее животное, напоследок словно поддавал рогом всех своих недоброжелателей от литературы.

И вообще, понедельник, 22 марта – день весеннего равноденствия – словно окончательно подвёл черту под весьма успешно проведённым зимним, лыжным и творческим сезоном, под рекордно снежной зимой, под необыкновенным зимовьем семьи Кочетов.

Почти тоже самое в этот раз коснулось и, дебютировавших на лыжне и на Салтыковских горных склонах, Варвару с Егором.

И теперь они решили сразу после окончания лыжно-санного сезона на период таяния снегов, ручьёв и грязи переехать в Москву и заняться подготовкой квартиры к скорому приезду Вячеслава.

Платон с Ксенией естественно решили оказать им посильную помощь, внося и свою лепту к долгожданному приезду сверх задержавшегося на чужбине сына и племянника.

Глава 2. Знамения

Неделя после окончания успешного и весьма приятного зимовья прошла для Платона в ожидании поездки к внуку. Ксения заранее подготовила интеллектуально развивающие подарки малышу, включая кубики с картинками животных и красочную музыкальную книжку.

И вот долгожданный день настал. В воскресенье, 28 марта, Мишеньке исполнилось три месяца. Супруги в этот раз добрались быстрее прежнего, особенно обратно.

Платон с удовольствием подержал малыша на руках. Но тот уже привык сидеть на родительских руках по-новому – спиной к груди и созерцать тоже, что и его родители. Поэтому он стал ножками отжиматься от груди деда, пытаясь получить относительную свободу и, главное, более приятный для его серых глаз вид. Платон долго не мог понять, что его удивило в лице внука. А теперь понял! Его глаза пока всё ещё были не карие, как у папы, а серые, как у мамы!

Особенно большое удовольствие доставили Платону улыбки малыша в ответ на его соответствующие гримасы. Он практически повторял всё за дедом. Не обошлось и без фотографирования.

Пообедав и выпив с Даниилом за малыша и его родителей, Платон с Ксенией отбыли восвояси. Дед был счастлив!

В этот вечер он ощутил необыкновенный прилив какой-то внутренней энергии, словно внук напитал его ею. Такого у Платона никогда в жизни ещё не было. Обычно он сам был энергетическим донором, и с удовольствием делился с близкими избытком своей доброй и весёлой энергии. А тут?!

Впрочем, Мишаня ведь тоже, как и я, Козерог! И, видимо, и в этом самом он как раз в меня! – понял самый старший из Кочетов.

Отличное настроение Платона в понедельник омрачилось сообщением о терактах в московском метро. Взрывы на станциях «Лубянка» и «Парк культуры радиальная» унесли жизни четырём десяткам москвичей и гостей столицы, не считая ещё и почти сотни раненных.

А тем временем весна набирала силу. Сочетание яркого дневного Солнца и минусовые ночные температуры заметно, но постепенно съедали рекордный снежный покров, не давая ручьям сразу разлиться реками.

Сухие апрельские дни также способствовали быстрому испарению влаги и раннему приходу весны.

Возможно из-за расстройства от печальной новости, а возможно и ещё отчего-либо, но Платон, наконец, по-настоящему заболел. Накануне первого апреля, словно в шутку, у него поднялась температура. Даже после её некоторого искусственного снижения она оставалась на уровне +38°C.

Утром пришлось вызвать врача на дом и взять до понедельника больничный. Четверг и пятница прошли в лечении. Только в субботу он пришёл в норму, появилась и работоспособность.

С ранней весной рано пришла и Пасха.

А накануне её с Платоном произошло странное событие, которое можно было посчитать и каким-то знамением.

В ночь с третьего на четвёртое апреля, ближе к утру, он внезапно почти проснулся, перейдя из стадии крепкого сна в стадию дрёмы. И какой-то спокойный, приятный и уверенный мужской голос с правой стороны из-за головы спящего корректно, но настойчиво укорил его за так и ненаписанное стихотворение ко Дню Победы.

Платон вынужден был, то ли мысленно, то ли вслух оправдываться:

– «Но я же решил стихов больше не писать, даже вообще!».

– «А ты и не пиши, если не хочется! А это стихотворение допиши!».

- «Так я же его ещё и не начинал!».
- «Как же не начинал? А эти строчки чьи?!».

После этого голос, в тусклом сером свете проявившийся в меру бородатого и волосатого мужчину средних лет, в серо-белом одеянии поверх головы и тела, начал декламировать так хорошо знакомые Платону строки.

- «Да! Это моё?!» – удивился поэт.
- «Конечно, твоё!» – подтвердил голос.
- «А где же всё это? Я что-то не припомню!».
- «А это у тебя записано в других стихотворениях и в других местах!».

Платон начал было судорожно соображать, где могли бы находиться его записи с этими строчками, но неожиданно испарившееся изображение и, главное, голос отвлекли его. Поэт замер, вслушиваясь в новые строки, лившиеся на него откуда-то сверху. Лишь на третьем четверостишии он вдруг сообразил, что стихи ему опять диктует Бог!

Надо же! Опять началось! Надо встать и записать! А так не хочется вставать и пробуждаться от такого сладкого до этого сна! – роились в его голове противоречивые мысли.

Но поэт заставил себя подняться и выйти на кухню. Всё ещё пребывая в каком-то сомнамбулическом состоянии, он включил свет, достал листки бумаги и чёрную гелиевую ручку, и стал записывать пришедшее в голову.

Что интересно, появление этого странного голоса и его человеческое обличие совершенно не удивили Платона, были восприняты им, как само собой разумеющееся, естественное. И Платон сам на себя удивился за это.

Тем временем строчки сами собой текли, образуя четверостишия. Записав очередные из них, Платон ложился, но почти тут же вставал от навязчивого и снова шёл на кухню записывать, кое-что по пути забывая. И так продолжалось несколько раз. Наконец он почти проснулся и решил посидеть за столом подольше, как бы вымучивая из своего подсознания, ещё им не выданное, но уже созревшее. Мысли стали стройнее и логичнее. В результате родились, одно из другого вытекающих, два стихотворения.

*Проснулся рано поутру:
Явилось озарение.
Вскочил скорее я к перу...
Готово, вот, творение:*

*Про День Победы Бог просил
Меня скорей запомнить.
Я многих строк не уловил.
Вот удалось что вспомнить:*

*Отец мой с Запада пришёл,
А мать привёз с Востока.
Войну с японцами прошёл,
Вернувшись издалёка.*

*И не вина его ведь в том,
Что был он белорусом,
Да западным ещё при том.
К тому же не был трусом.*

Ведь установка всем была,

*Чтоб западных на Запад
Не посылала та война.
Для них Восток был опыт.*

*Вернувшийся в Москву герой
С медалью «За отвагу»,
Им не считал себя, порой
Читая войны «сагу».*

*А символом её в Москве,
Как в подсознание русский,
Всегда считал отец везде
Вокзал свой Белорусский.*

*И в память об отце своём,
О тех, кто был «на поле»,
Продолжу и в стихе моём
Я о вокзала доле.*

Платон решил первое стихотворение назвать «Ночное озарение», и под общим названием «Диалогия о Победе» объединить его со вторым стихотворением.

«Белорусский вокзал»

*Белорусский вокзал
Лишь один к девяти.
Не начало начал,
Но начало пути.*

*Белорусский вокзал
Хоть не мал, не велик,
Ты не лестницей шпал,
А Победой велик!*

*Белорусский вокзал,
От тебя шли пути...
Верно их указал,
Раз к Победе вели.*

*Белорусский вокзал
После чёрных годин
Ты нам путь указал
По прямой на Берлин.*

*Белорусский вокзал
В ту лихую пору
Всех на подвиги звал,
Отправлял на войну.*

*Сколько дальних дорог
И нехоженых троп
Только наш лишь народ
И осилить то смог!*

*Белорусский вокзал,
Символ мужества ты.
Женских слёз ты познал,
И мужской красоты.*

*Сколько верных сынов,
Белорусский вокзал,
И мужей и отцов
Ты на фронт посылал?!*

*Сколько верных мужчин,
Белорусский вокзал,
В дни жестоких годин
Ты у женщин отнял?!*

*Сколько вдов, матерей,
Белорусский вокзал,
И сестёр, дочерей
Похоронкой встречал?!*

*Бесполезно прождавших,
Белорусский вокзал,
И родных потерявших,
Ты за что наказал?!*

*Белорусский вокзал!
Возвращались с пути,
Кто Победу ковал,
В орденах на груди!*

*Через множество бед,
Белорусский вокзал,
Ты итогом Побед
Сам в истории стал!*

*«Белорусский вокзал»!
Зацемило в груди.
Можешь стать, я познал,
Ты... началом пути!*

Вскоре, недолго думая, Платон отправил их по электронной почте в редакции газет «Литературная газета» и «Красная звезда».

А светлым утром началась Пасха. Проснувшись, Платон увидел на столе крем «Ксения» и опять подумал об очередном странном совпадении.

Он не стал рассказывать о происшедшем ночью жене, сразу окунувшись в её праздничную стряпню. В этот раз Платон ощутил необыкновенное, ранее им неощущаемое чувство праздника и внутреннего удовлетворения, словно от выполненного долга. Он даже начал шутить по поводу невольно увиденного по телевидению старого фильма «Сказка о царе Салтане»:

– «А куда царевна-лебедь дела свои пёрья? И почему она в трусах? Так у лебедей не принято!».

– «Запиши это в роман!» – откликнулась Ксения.

– «Зачем?».

– «Чтоб люди смеялись до колик и умерли бы от смеха!».

– «Так чтоб от смеха умереть, нужна его эскалация, смех за смехом!» – объяснил писатель-юморист.

– «Так у тебя, наверно, так и есть?!» – не без оснований предположила жена.

Вскоре Платона поздравили по телефону с Пасхой:

– «Иисус воскрес!».

– «Что-о!? Опять?! Это кто ж его всё время убивает?!» – не успел он спуститься на землю, оставшись на прежней ноте.

В понедельник выздоровевший Платон вышел на работу, предварительно утром с удовольствием поплавав в соседнем с домом бассейне, и слегка подсадив горло. На работу он

пришёл вовремя, в прямом и переносном смыслах, так как после обеда Алексей уже привёз коробки и настоящий аврал начался. А вечером Платон закрыл больничный.

Следующие вечера они с Ксенией ездили в высотку на Котельнической и помогали Варваре с Егором наводить порядок в квартире. Мужчины передвигали мебель, кое-где что-то прибавляли и перевешивали, кое-что циклевали, шпаклевали и подкрашивали. Уже поздними вечерами свояки совместно ужинали, предвкушая скорую встречу с Вячеславом.

А в четверг Надежда традиционно угостила коллектив по случаю дня рождения своего сына Алексея, на этот раз двадцатилетия.

– «Платон! Ну, как тебе шампанское? По-моему, хорошее!».

Платон, отпив глоток, поморщился, и, не потакая в этот раз начальствующей дуре, ответил ей:

– «Да-а! Говно самое настоящее! По тому, как его Лёшка тихо, без хлопков открыл, уже было ясно – дрожжевой напиток от... чирьев, в общем, Сульфурйод!».

Через минуты начальница попыталась взять реванш у пересмешника:

– «Ну, ты, наверно, коньяк пить не будешь!».

– «Нет! Пора идти работать!» – не дал он ей этого, доставив удовольствие в другом – в своём отношении к срочной работе.

Так что до конца недели Платон трудился ударно, хотя от чего-то получил неожиданное расстройство желудка.

С приведением в порядок старой квартиры в высотке, великолепная в своём порыве, четвёрка без спешки управилась за неделю. И к 10 апреля всё было готово для приёма долгожданного гостя, который опять задерживался, но на этот раз по причине, ставшей всем понятной чуть позже.

Не по календарю тёплая и сухая погода позволяла раньше открыть и дачный сезон. Но Платон решил пока не суетиться, а продолжить теперь давно обещанные Ксении домашние ремонты, пока в частности в прихожей.

Для начала ему предстояло отремонтировать некогда залитую и заплесневевшую стену, в том числе в стенном шкафу.

Именно в субботу, во время обдирания стены от ветхих обоев и обсыпающейся штукатурки Платон услышал о гибели под Смоленском самолёта президента Польши Леха Качиньского вместе со всей представительной делегацией, направлявшейся в Катынь.

Анализ последующей информации утвердил Платона и Ксению во мнении о виновности в этом самого президента Польши.

– «Бог шельму пометил! «Довывёртывался» он со своей Катынью!» – подвёл итог трагедии писатель.

И напоследок, даже уходя на тот свет, недруг России Качиньский всё-таки подкинул нам подянку! Самолёт оказался нашего производства, упал на нашей территории, причём в субботу. Да и траур объявили на праздничный день, испортив в этот раз и День космонавтики!? – молча, сокрушался Платон.

Однако эта трагедия и вклад российского руководства в расследование и ликвидацию её последствий, а также сочувствие простых граждан, в частности москвичей, должны были сыграть и примиряющую, консолидирующую, сплачивающую роль в отношениях между историческими соседями, двумя славянскими народами! – пришёл к выводу историк, чьи генеалогические корни по отцовской линии как раз и произрастали с территории теперешней восточной Польши.

В понедельник вечером, 12 апреля, на этот раз одновременно в день траура и космонавтики, Платона с его профессиональным праздником поздравил только младший племянник Василий Олыпин и его дети.

Василий с подачи своего дядьки ещё давно узнал про космос намного больше, чем за многие годы все их остальные родственники вместе взятые.

Вечером Платон увидел по телевидению незнакомый ему фильм с новыми кадрами и интересными фактами о В. Н. Челомее и его бывшем НПО Машиностроения.

А 15 апреля состоялся ответный визит президента РФ Д. А. Медведева в Аргентину. С аэродрома он направился в Жокей-клуб, где встретился с представителями деловых кругов Аргентины и России. А официальный визит он начал с воздания почестей и с возложения венков к памятнику Хосе де Сан-Мартину, освободившему страну от испанского владычества.

Президент Аргентины госпожа Кристина Фернандес де Киршнер усмотрела в этом весьма символический жест. Уже в начале прошлого века 5 % населения Аргентины были выходцами из Российской империи. Да и сейчас русская колония в стране насчитывает около 700 тысяч человек.

И теперь Россия намерена продолжать курс на укрепление своих позиций в этом регионе. Россия и Аргентина уже вышли на новый этап своих взаимоотношений. Их связывают уже многомиллиардные контракты.

Когда Д. А. Медведев сказал, что: Россия вернулась в Латинскую Америку! Мы считаем, что здесь живут наши друзья, близкие нам люди! Мы хотели бы развивать с ними самое тесное сотрудничество. Нынешняя ситуация позволяет это сделать! – Платон подумал, что тот имел в виду и Славку. И не ошибся.

Ещё при посещении Жокей-клуба послом Александром Догадиным президенту России был представлен советский и аргентинский гражданин, о котором тот хлопотал ещё в Москве. В короткой, но доверительной беседе Дмитрий Анатольевич поблагодарил бывшего разведчика «Гектора» за активное и плодотворное участие в подготовке местной почвы для заключения столь важных и значительных договоров. Тот в свою очередь выразил сожаление, что не успел подготовить почву для заключения соглашения о дополнительных поставках аргентинской говядины в Россию.

Аргентина уже давно традиционно являлась одной из самых «мясных» стран на планете. С давних времён она поставляла в СССР свою знаменитую говядину. При численности населения в сорок миллионов человек, поголовье крупного рогатого скота в стране достигло уже пятидесяти одного миллиона голов. Ведь традиционно аргентинец, как не может не танцевать танго, так и не может устоять перед говядиной.

Россия тоже покупает аргентинское мясо. В 2009 году было закуплено 110 тысяч тонн говядины. В каждой российской сосиске, колбаске, рулете четверть фарша сделана из аргентинской говядины. И теперь нашей стране без этого мяса обойтись крайне трудно, особенно Москве и Санкт-Петербургу, абсолютно зависимым от мясного импорта. Однако в последние годы Аргентина стала испытывать трудности на внутреннем мясном рынке, периодически вводя ограничения на экспорт. И это всегда можно было заметить по подсакиванию российских цен процентов на пятнадцать.

Поэтому бывший советский разведчик «Гектор», Рауль Хоакин Мендес, придавал особое значение обеспечению повышения экспорта говядины из Аргентины в Россию, тем самым одновременно помогая не только россиянам, но и жене с тестем, и всей своей большой аргентинской семье.

Но об этом Платон узнал чуть позже из субботнего электронного звонка сына, и это явилось для него очередным знамением.

После посещения Жокей-клуба во дворце «Каса Росада» были подписаны двенадцать двусторонних соглашений в различных областях.

Рособоронэкспорт подписал контракт на поставку для нужд аргентинского министерства обороны двух вертолётов Ми-171Е.

Госкорпорация Росатом подписала протокол с министерством федерального планирования госинвестиций и услуг Аргентины о направлениях взаимодействия в области мирного использования атомной энергии.

ВНИИ зарубежгеология заключил с тем же министерством соглашение о сотрудничестве в области геологических исследований месторождений углеводородов и твёрдых полезных ископаемых.

Роскосмос и национальная комиссия по космической деятельности Аргентины подписали меморандум по вопросу сотрудничества в области использования и развития российской глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС.

Меморандум о сотрудничестве в области железнодорожного транспорта был подписан РЖД и госсекретариатом по транспорту Аргентины.

НПО «Сатурн» заключило соглашение о намерениях с правительством провинции Буэнос-Айрес о совместных действиях по модернизации энергетического объекта «ГТЭС имени 9 июля».

Были подписаны также соглашения о совместных исследованиях в Антарктиде, о сотрудничестве федераций конного спорта, соглашения о сотрудничестве в области культуры и в сфере образования.

По итогам переговоров президенты приняли совместное заявление, приуроченное к 200-летию майской революции в Аргентине и 125-летию установления Российско-аргентинских дипломатических отношений.

Финальный аккорд официальной программы визита президента России в Аргентину оказался неожиданным и трогательным. Президент Аргентины, в своё время польщённая тёплым приёмом в Москве, приготовила свой сюрприз дорогому российскому гостю. Президентский оркестр исполнил для Д. А. Медведева «Катюшу», но в ритме танго!

После окончания официальных переговоров и подписания взаимовыгодных договоров, президент Аргентины в доверительной беседе поделилась с гостем информацией, что его просьба по поводу освобождения из тюрьмы бывшего советского гражданина удовлетворена, и тот уже в этом году сможет вернуться на родину. Более того, по её указанию Рауль Хоакин Мендес был теперь уже официально представлен российскому президенту, с коим они теперь обменялись лишь многозначительными, короткими репликами.

Дмитрий Анатольевич, скорее в шутку, в которой тоже была лишь её доля, предложил даже взять собой в Россию Рауля Хоакина Мендеса, объявив во всеуслышание, что для него место в самолёте найдётся.

Однако тот, он же Вячеслав Платонович Гаврилов-Кочет, поблагодарив президента России, вынужден был пока отказаться, тоже в шутку сославшись на неожиданную активность проснувшегося исландского вулкана Эйяфьятлаёкюдль, выбросившего в атмосферу огромное количество пепла и пока затруднившего авиаперелёты между Северной Америкой и Европой, включая и северную территорию России.

А раз это не относилось к воздушному пространству всей Латинской Америки, Центральной Атлантики, южным частям Европы и России, Дмитрий Анатольевич понял намёк и, рассмеявшись, согласился.

Этот вулкан на юге Исландии бездействовал почти двести лет. А в начале марта, в двухстах километрах к востоку от Рейкьявика, на одноимённом, пятым по величине леднике страны, произошла череда небольших подземных толчков, возбудивших вулкан.

И ночью 20 марта началось его извержение, приведшее сначала к прекращению движения по ряду автодорог Исландии и перебоям в авиасообщениях.

Этот вулкан был покрыт шапкой льда, имел высоту более тысячи шестисот метров, и достигал в диаметре четырёх километров. Растопленный им лёд в дальнейшем мог привести и к сильным наводнениям.

Последнее извержение этого вулкана состоялось в 1821–1823 годах, а до этого в 1612 году. Однако самым сильным было извержение 934 года.

И уже 14 апреля весь мир облетело сообщение о полном временном прекращении полётов самолётов над Северной Атлантикой и над Северной и Центральной Европой.

Платон же узнал о том только вечером 15 апреля, и не только об этом.

Как всегда, и этим вечером поздно пришедший домой Кеша попросил родителей взглянуть с лоджии вниз.

Прямо под окнами на асфальте около их подъезда, даже в полной темноте, но под светом фонарей соседнего магазина «Паяна», красовались, сделанные белой краской, два рисунка с надписями:

На левом в большом сердце, пронзённым стрелой, была надпись «Ты моя жизнь» и подпись «Умка».

А справа, в обрамлении мелких сердечек, была более крупная надпись «МАСЯ! Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!» и стояла видимо памятная дата 16.04.

Это Кирюшка, в попытке снова сойтись с Кешей, сделала сюрприз своему любимому, так, уже не оригинально, но смело отметив годовщину какого-то важного совместного для них события.

А на следующий день президент всего лишь одного офиса ООО «Де-ка», не госпожа, но непременно желающая ею быть, Надежда Павлова де Радзихович возбуждённо разыскивала по мобильнику немного задерживающегося из-за отсутствия работы Платона. А мобильник того оказался не случайно переключенным на самый тихий звук.

Поэтому начальствующий голос ему официально удалось услышать только почти через час, уже не в метро, а, как он и хотел, на улице.

– «Платон! Ты где есть-то?!» – начала та, как всегда, не здороваясь и не представляясь.

– «На трамвайной остановке жду!».

– «Что у тебя с телефоном? Я тебе звоню, звоню, а ты, то недоступен, то трубку не берёшь!».

– «Да вот только что услышал и обнаружил запись в нём: включите громкую связь!».

– «А-а! Ну, вот! А у нас аврал! Тебе срочно надо в офис! Хоть на маршрутке, хоть на метле, а через пять минут ты должен быть здесь!».

– «Хорошо! Сейчас вот только метлу найду и прискачу!».

Но Платон нарочно пошёл пешком. Трамвай обогнал его на мосту. При подходе к своему переулку звонок начальницы повторился.

– «Буду через минуту!» – попытался обрадовать её Платон.

– «Это очень плохо!» – не обрадовалась та.

– «Тогда через две!».

Не успел Платон переступить порог, как Надежда, на ходу вставляя пакет в пакет, сообщила ему:

– «Тебе надо съездить в Реутово, и передать нашим вот эти акцизные марки! Тебя уже больше часа там ждут! Давай бегом на электричку!».

– «Давай я съезжу!» – неожиданно предложил, теперь опять сидящий на «шариках», вышедший после дня, якобы болезни, Гудин.

– «Не надо! Он съездит!».

Платон собрался и вышел на улицу. Он знал, что попадёт в перерыв и особо не спешил. Так и получилось.

На Курском вокзале он прождал ровно час. По истечении его вновь раздался требовательный звонок начальницы.

Платон объяснил ей, что попал в перерыв, на что та не железнодорожные стрелки перевела на подчинённого:

– «Вот видишь, из-за твоего опоздания, что получается?! Они там уже с ума сходят и тебя проклинают!».

– «Сообщи им, что я буду ровно в час!» – не стал он выводить лицемерку на чистую воду.

Даже чуть раньше обещанного времени Платон обнаружил в условленном месте у станции, напротив церкви, грузовую Газель с нижегородскими номерами.

Водитель Александр Макаров ещё издали увидел его и помахал рукой.

Платон тем же ответил, что, мол, тоже видит. Естественно Алексея там давно не было, так как не было и необходимости его там присутствия.

Платон сразу прояснил ситуацию, объяснив заждавшемуся, что Надька ещё в десять часов могла послать сюда Гудина, и он бы приехал на два с лишним часа раньше, но ей сейчас вдруг захотелось послать именно Платона.

– «Самодурка она у Вас!» – сразу увидел корень зла компаньон.

– «Да-а! Курица – не птица! Даже, если она на должности петуха, ха-ха!» – завершил обсуждение Платон.

На обратном пути он заскочил на Казанский вокзал с целью заранее купить месячный проездной билет до Загорново.

Но оказалось, что проездные для льготников отменены, и теперь все они каждый раз должны покупать в кассах безденежные разовые билеты.

Какой же заумный балбес придумал это, заставив теперь льготников – пенсионеров и инвалидов – каждый раз простаивать в очередях за бесплатным билетом на электричку?! Ну, точно чудака на букву «М»! – чуть ли не вслух возмущался Платон.

Днём ему на работу позвонила жена и в конце разговора начала тупить.

Тут-то он и заметил, что не только Надька, но и Ксюха стала туже соображать, и он решил: Да! Обе они страдают несварением... мозгов!

Суббота и воскресенье прошли для Платона в сплошном шпатлевании злополучной стены.

На дачу он опять не поехал. К тому же и погода испортилась – стало прохладней и дождливей.

В понедельник, с получением партии новых этикеток, у Платона снова закипела основная работа. В эти дни иногда приходилось задерживаться на работе, дабы удовлетворить накопившиеся заказы потребителей-смежников.

Но размеренность работы коллектива ООО «Де-ка» прервало неожиданное происшествие, случившееся утром во вторник.

Пришедший на работу с вынужденной задержкой, Платон Петрович услышал жалобно-кричащее от Надежды Сергеевны:

– «Платон! А у нас ЧП! Трубу прорвало!».

Вошедший было в кабинет за ключом Платон, только и успел удивлённо чуть ли не вскрикнуть, слегка от неожиданности отшатнувшись назад:

– «Так у Вас здесь говном пасёт!».

– «Да! Канализацию прям к нам прорвало!» – уточнила начальница.

Да! Действительно, жить стало интереснее и веселее! – согласился Платон со своим участковым терапевтом Алевтиной Васильевной Куликовой, которая как раз только что утром обсуждала с ним и взрывы в метро, и гибель самолёта, и пепел исландского вулкана. Знала бы она и о других событиях!? – про себя во всех смыслах подумал Платон.

Через некоторое время появилась и задержавшаяся комендант здания Нона Петровна Барсукова. Вскоре она пожаловалась Платону, что Надька подвела её, самостоятельно позволив руководству института, и в живописных красках рассказав о происшедшей аварии.

– «Да-а! Надька подставила тебя с этим говном! Как будто не могла позвонить тебе на мобильник?! Мозгов у неё нет!» – посочувствовал бедной красавице Платон.

– «Ты не прав! Очень даже есть!» – мудро не согласилась Нона.

– «Ах! Ну, да! Только вот с корыстной направленностью!».

– «Да! Кстати! Я Надьке сказала, что не хочу видеть Гаврилу на своём юбилее! Пусть отправляет его куда-нибудь с заданием! Он же сам из-за дармовой еды садиться за мой стол не откажется! Так она мне, засранка, ответила, что нет, тогда не будет никого!».

– «Да не волнуйся ты! Она ещё может сто раз передумать, и что-нибудь придумать! А вообще-то она, на мой вопрос, кто будет покупать тебе открытку с поздравительным адресом, ответила, что она сама купит! Так я теперь думаю, что купит опять какое-нибудь дерьмо, а то и вообще ничего?! Так что я сам куплю тебе адрес, подпишу его сам у кого смогу, и вложу в него давно написанное для тебя стихотворение!» – обрадовал предстоящую юбиляршу Платон.

Он тут же вспомнил это стихотворение, написанное им ещё в ноябре прошлого года, и вовсе не по случаю ухода на пенсию именно Ноны.

Оно было посвящено незнакомке, одиннадцатого ноября явно со своего юбилея шедшей в метро впереди Платона по переходу на станцию «Третьяковская», потом снова попавшейся ему, которой он, кстати, попрердержал дверь на западном выходе со станции метро «Новогиреево», и шедшей затем с ним в попутном направлении мимо его подъезда. Тогда Платона, набросавшего к тому времени уже несколько четверостиший, даже подмывало дать виновнице творения свой телефон, чтобы потом передать ей посвящённое ей же стихотворение. Но он побоялся сглазить окончание стиха и с трудом сдержался. Через несколько дней он завершил начатое, озаглавив:

«55-и летней!»

*Ах, женищина, женищина, женищина!
Грустны с поволокой глаза.
Уходит на пенсию женищина.
Уходит она навсегда!*

*Уходит она от подружек.
Уходит она от меня.
От чая уходит из кружек,
Что с нею я пил иногда.*

*Уходит она от работы.
Уходит она от забот.
А в жизни теперь будешь кто ты?
Каких обретёшь ты хлопот?*

*Ведь ты бы могла ещё долго
Работать, творить и любить!
Да вот разрешили бы только.
А что нам о том говорить?*

*Но жизнь одала наградой
За труд, материнство, любовь:
Семья твоя стала отрадой
С теплом дочерей и сынов!*

*Ты в платье красивом и длинном
Проходишь в метро не спеши.
В плаще всегда модном и стильном,
Как прежде всегда хороша!*

*В руках твоих сумка с подарками,
Букеты красивых цветов.
Метро раскрывается арками,
Изяществом прошлых мостов.*

*На выходе в пункте конечном
Я дверь придержал для тебя.
Сейчас я не буду о вечном.
Я стих сочинил от себя.*

*Все женищины «русских селений»,
Конечно и городов,
Достойны поэта творений:
Достойны от сердца стихов!*

Но пока Нона не знала этого.

– «Ну, хорошо! Приятно слышать! Я тогда из всех приглашу тебя одного! Ну, может Лёшка ещё пойдёт?!» – мечтательно заключила Нона.

– «Да вряд ли! Гудин и Ляпунов – два сапога – пара! Только один рваный, а другой нечищенный!».

И это было весьма точно. Ведь Платон напоминал маменькиному сынку Гудину его старших братьев – таких же сильных, знающих, независимых, просто русских. Поэтому он и ненавидел коллегу. Ведь и старшие не любили Ивана за то, что повзрослев, они вдруг поняли, что их мать нагуляла того с немцем, предав отца, их самих, Родину! И из-за того, что им теперь пришлось тайно ненавидеть и свою мать, они ещё больше оцетинились против младшего, порой неосознанно издеваясь над ним.

Другой, маменькин сынок поневоле Алексей, завидовал Платону и подсознательно недолюбливал его за то, что тот превзошёл его гениального и слишком занятого своими идеями отца в воспитании и в отношении к своим многочисленным детям.

И с этим Нона согласилась. В последнее время, пользуясь случаем, что во время ремонта ей приходится сидеть в маленьком цехе около вотчины Платона, она периодически снова донимала его разговорами на различные темы, в том числе опять сексуального характера.

Она будто хвасталась перед ним своими потребностями, возможностями и умениями, словно снова планомерно соблазняя его, и готовя себе нового будущего любовника.

С другой стороны, это можно было расценить, как безграничное доверие старшему товарищу, «брату», коему можно поплакаться в жилетку о своих бабских проблемах и мечтах; верной подруге, наконец, которая в отличие от женщин не будет завидовать, и не предаст.

Нона рассказала Платону, что замуж она вышла двадцатичетырёхлетней девственницей, а сейчас у неё, давно разведённой, два любовника.

Первый, с которым у неё ещё пять лет назад была любовь – Иван, был богат и чуть моложе Платона.

Женатый Иван не мог расстаться с любовницей – с женщиной, с которой ему было комфортно в моральном плане, дешево – в денежном, и удовлетворённо – в сексуальном.

Но не так это было самой Ноне.

– «Когда я сижу на Иване, то не чувствую его...! Он мне не подходит по размеру! Поэтому я больше люблю минет! А он, гад, как кончит, так сразу и одевается по делам?! А перед... этим делом ляжет и спит?! Ублажай его тут! Я ему даже предлагала в подмышку или под коленку, а он испугался: ещё своей ляжкой мне... сломаешь!» – жаловалась она на, потерявшего совесть и мужскую порядочность, своего горе-любовника.

Пока удивлённый такой бесцеремонной откровенностью Платон молчал, не зная, что и ответить, Нона продолжала:

– «А мне в мае пятьдесят пять будет, и мне всё время трахаться хочется, и делать мужикам минет! Я – ...!» – смело и точно охарактеризовала она себя.

– «Да, нет! Что ты?! Ты просто женщина, как я тебе писал в стихах, предназначенная для любви! А бывают ещё клуши – для семьи, и деловые женщины – для работы!» – несколько успокоил её старший товарищ.

Второй, запасной на чёрный день, любовник Ноны был старая и дикая страсть – Николай, который, правда, уже растерял былую удаль в постели.

Нона поделилась с Платоном, что в своё время только при одном появлении рядом Коли она становилась мокрой.

С невероятной и непреодолимой силой её тянуло к этому гиганту секса.

И сейчас она, неудовлетворённая, по старой и доброй памяти, периодически бросалась в его объятия.

Однако любовь к мужскому полу у неё никогда не переходила границы приличия, и ни в коей мере не доходила до самоунижения.

Нона всегда всё делала с чувством собственного достоинства, не позволяя кобелям быть с нею запанибрата, попирает её человеческое достоинство и свободу, садиться ей на шею.

Будучи от природы, как и её младший сын Олег, тоже экстрасенсом, она многое считывала наперёд, зная, что ожидать и чем всё это закончится. Поэтому от многого и многих отказывалась заранее.

Она всегда была щепетильна в вопросах взаимоотношений, не терпя амикошонства, искренне считая, что даже совместно проведённая ночь, ещё не достаточный повод для углубления знакомства.

Поняв сейчас, что она была слишком откровенна с мужчиной, Нона попыталась кое-что выудить у него полезного и для себя:

– «Ты же своей Ксюхе изменял?!» – спросила она с надеждой и любопытством.

– «Что ты?! Нет! Я ни одной своей жене никогда... не изменял!» – поначалу оступил он её полуправдой.

Как Платон и предполагал, Нона, посчитав его голодным и неудовлетворённым в сексуальном плане, перешла в решительное наступление. Её желание овладеть Платоном было столь сильным и навязчивым, что она не слушала свой внутренний голос, подвергая себя на этот раз опасности оказаться под моральным ударом пересмешника.

Толстушка может и не париться! Её буфера, брюхо, жопа и ляжки явно не в моём вкусе! А прочее и тем более не по размеру! – понял тот про себя.

Но потом он всё же решил несколько отыгаться и поиздеваться над страждущей сучкой, дав ей надежду и заинтриговав её.

Он сообщил Ноне о якобы имевшихся у него сексуальных проблемах во взаимоотношениях с женой, взяв за основу информацию друга Александра о его проблемах с женой Натальей.

Платон иногда пользовался таким приёмом, выдавая слишком любопытным и бесцеремонным факты чужой жизни за факты из своей жизни, и наоборот, свои за чужие.

Та слушала, разинув рот от удивления, и ушла в сладостном раздумье, на прощанье на всякий случай уточнив:

– «А ты, наверно, голубой?!».

– «Нет! Чёрный!» – ответил Платон с раздражением.

– «А как?» – искренне удивилась та.

– «Как, как?! Сядь, да покак! Вот как!».

И уже смягчившись, продолжил:

– «Да я... по-чёрному!».

– «А как это?!».

– «Ты видела, как в деревнях бани топят по-чёрному?».

– «Нет!».

– «Когда дым от печки остаётся в помещении! Вот и я тоже всё оставляю в... помещении!» – объяснил он недогадливой и без воображения.

В поздний вечер этих суток опять неожиданно проявилась Кирюшка.

Как всегда поздно пришедший домой Кеша принёс подарок от любящей его девушки – три больших шикарных белых розы!

Наутро, 21 апреля, Ксения объяснила это очередной годовщиной их знакомства.

Или ещё чего-либо?! – додумал про себя Платон, вспомнив про Нону.

Однако было непонятно, встречается сейчас Кеша с Кирой, или уже нет?

Во всяком случае, если да, то поздно заканчивающий работу Кеша, мог встречаться с Кирой только очень редко.

И Платон подумал: Да уж, если Кочеты любят, то сильно и самозабвенно! Ну, а если разлюбили, то окончательно и бесповоротно! И ничем ты их тут не возьмёшь и ни на что не купишь!

Однако его предположение оказалось неверным, так как через несколько дней, именно Первого мая, Кеша объявил, что ночует у Киры!?

Ну, а ещё 22 апреля после прохождения и рассеивания исландского пепла вновь открылось воздушное сообщение через Москву.

В очередные выходные Платон опять не поехал открывать дачный сезон, занимаясь домашним ремонтом. Да и погода словно помогала ему в выборе. Стало весьма прохладно и дождливо. Природа снова взяла его за горло, ударив и по суставам, особенно кистей рук, после очередной финансово выгодной перегрузки большого количества коробок на минскую машину.

– «Здоровье важнее, потому, что оно нужнее!» – заметил он дома жене.

Ксения созналась, что накануне ей позвонила Анастасия и бесцеремонно попросила на принтере размножить для неё более тридцати листов с нужным ей материалом из интернета. Помня позицию мужа, Ксения отказалась сделать это на домашнем, но согласилась значительно меньший объём сделать на рабочем принтере, спросив теперь мужа:

– «А почему она считает, что ей все должны?!».

– «Так она же с детства к этому привыкла!» – напомнил ей муж.

Почти месяц назад Платон окончательно поставил на родной сестре большой и жирный не церковный крест.

Та, на его просьбу и очередное напоминание: во время одной из её частых поездок к внучатой племяннице Наталье Городецкой (Комковой) узнать, для корректировки для всех их общего Генеалогического дерева, день рождения её дочери и дату их с Вадимом свадьбы, неожиданно ответила:

– «Ой, мне не до этого! Я всё время забываю! У меня свои, более важные дела есть!.. А на генеалогическое дерево мне наплевать!».

Опешивший Платон лишь успел послать сестру «на хер» и бросил трубку, решив больше с ней никаких дел не иметь, а на её просьбы всегда отвечать, что у него есть свои, более важные дела! Объясняя Ксении свою новую позицию к сестре, которая со своим оголтелым эгоизмом поссорилась уже почти со всеми и вся, он заметил про якобы верующую:

– «Да какая она на фиг верующая! Бог в человеке – это его совесть! Если совести нет, то и Бога внутри человека нет!».

– «А ты объяснил ей, почему сам не хочешь позвонить Наташе?» – спросила жена.

– «Да! Я привёл ей ещё четыре года назад ею же транслируемое высказывание, якобы Наташи, обращённое к тебе по поводу моего эротического произведения: А как Ксения вообще может жить с таким человеком?! Так она удивилась, сказав, что этого не помнит! Пришлось сослаться на то, что главное помнишь ты!».

– «Да! Я это очень хорошо запомнила!».

– «И я ей ещё добавил, что с тех пор мы не захотели больше общаться с дурочкой Наташей, хотя прекрасно понимали, что эти слова могла придумать и ты сама!».

– «А она-то, что?!».

– «Она ничего не успела ответить, так как я ей добавил: что сказала, то сказала! Пусть наша размолвка с Наташей будет на твоей совести!» – подвёл итог Платон.

А вечером в воскресенье позвонила Варвара и первой обрадовала Платона, что их сын, наконец, объявил о прилёте в Москву, причём символично к майским праздникам, ко Дню Победы. Поздний звонок был вызван тем, что все считали заядлого дачника Платона наверняка проводящим эти выходные на природе. Он тоже обрадовал Варвару:

– «Варь, а ведь это знамение, что ко Дню Победы! Славка теперь даже без визы сможет пробыть у нас до трёх месяцев, а через полгода также повторить свой вояж!».

– «Почему это?».

– «А с двадцать девятого июня прошлого года отменён визовый режим между Россией и Аргентиной, и теперь любой гражданин наших стран может посещать другую страну в течение 90 дней каждые полгода, с момента первого въезда!» – действительно обрадовал он Варвару.

В понедельник, поняв, что клиент... созрел, и с ним можно иметь не только деловые и товарищеские отношения, Нона несколько успокоилась и больше в явном виде не домогалась тела Платона.

– «Что-то я с тобой разоткровенничалась, как с отцом?!» – поставила она свои точки над его «і».

И Платон тогда подумал: настоящий мужчина не тот, кто бурно кончает, а тот, кто в нужный момент умеет сдерживаться!

– «Как ты думаешь, Олег просит меня с ним сегодня пообщаться, а у меня дел полно?» – опять попросила Нона совета у старшего товарища.

– «Конечно, поезжай к сыну! Общение с детьми и родителями – самые важные моменты в жизни! Они важнее даже общения с любимым!».

В знак согласия Нона утвердительно махнула рукой и ушла поскорее завершать срочные и неотложные дела.

Платон продолжал интенсивно работать, всё с большим нетерпением ожидая прилёта своего самого старшего сына.

Во вторник утром ему позвонил Владимир Сергеевич из СВР и сообщил, что в связи с прилётом Вячеслава, завтра в пятнадцать часов их с Варварой захватят на служебном микроавтобусе непосредственно от высотки.

Платон Петрович заранее с обеда отпросился у Надежды Сергеевны, традиционно сославшись на медицинские обследования.

Он никогда и никому на работе не говорил о наличии у него самого старшего сына, да ещё разведчика. Такого подхода к коллегам по работе он решил придерживаться и впредь.

Им не было никакого доверия, да и лишний раз разжигать у них зависть и не искренний интерес к себе и своим близким он не хотел.

И вот наступило двадцать восьмое апреля, среда, его день приключений.

После обеда Платон за пять минут дошёл и соответственно вовремя прибыл к Варваре, которая давно уже собралась.

Оба уже были чуть возбуждены и взволнованы. Вскоре, около пятнадцати, раздался телефонный звонок, и родители Вячеслава спустились во двор, где их ожидал служебный микроавтобус «Фольксваген». Кроме водителя и Владимира Сергеевича в машине никого не было. Это несколько успокаивало Платона.

Значит «брат» не будут! Во всяком случае, пока и в этом микроавтобусе! Значит всё вроде нормально! – не лишний раз успокоил себя мнительный отец – писатель с богатым воображением.

До Шереметьева доехали относительно быстро, иногда минуя пробки с использованием спец. сигнала и сирены.

Прибытие рейса из Парижа ожидалось в половине седьмого вечера. Задержки практически не было.

И вот огромный Аэробус А-330 авиакомпании Эйр Франс, после почти четырёхчасового полёта из Парижа, подкатил к терминалу аэропорта.

Рейсом AF2244 Вячеслав вылетел из аэропорта имени Шарля де Голля почти в час дня местного времени, и с учётом двухчасовой разницы в поясном и летнем российском времени оказался на московской земле якобы через пять с половиной часов.

А в этом Парижском международном аэропорту Вячеслав оказался после почти 13 часового перелёта из Буэнос-Айреса самолётом Боинг-777 той же авиакомпании.

Международный аэропорт столицы Аргентины «Эсейса» его самолёт, рейсом AF417, покинул 27 апреля в 17.20 местного времени, а приземлился на французскую землю, с учётом 4-ёх часовой разницы в поясном времени, в 11.15, но уже 28 апреля. Поэтому заезжать куда-либо у него времени не было.

Так что продолжительность его суммарного полёта из Аргентины в Россию составила почти 19 часов.

Поэтому самый старший сын Платона в дороге несколько подустал. Да и погода в день вылета, 27 апреля, в Буэнос-Айресе была лучше московской.

Но долгожданная, через двадцать с лишним лет, встреча с родителями вмиг смыла с его лица печать усталости, заменив её лучезарной, белозубой, уже латиноамериканской улыбкой.

Первым, как было оговорено, к Вячеславу подошёл Владимир Сергеевич. Он представился, они обменялись крепкими мужскими рукопожатиями, затем по-братски обнялись. Потом настала очередь родителей.

Варвара, в слезах счастья, обняла своего любимого и долгожданного старшего сыночка, и долго целовала его непривычно загорелое, чуть обросшее лёгкой щетинкой, лицо. Затем настала очередь и Платона.

Он тоже чуть прослезился. Не остались сухими и глаза Славы. В общем, целовались и обнимались долго. Варвара заметила на шее сына тонкую серебряную цепочку. Вячеслав, перехватив её взгляд, объяснил, что это цепочка не креста, а давнего его талисмана. Сразу же начались взаимные расспросы и короткие ответы. После получения багажа загрузились в «Фольксваген» и отправились в центр, заждавшейся блудного сына, столицы.

По дороге Вячеслав всё время удивлялся и любовался видами давно им покинутого, некогда любимого родного города:

– «Да-а! За эти двадцать с лишним лет Москва изменилась до неузнаваемости!».

– «Мы и сами всё время удивляемся переменам! Юрий Михайлович уж постарался!» – прокомментировала мать.

– «Лужков! Мэр Москвы! Ты должен помнить его. Он ведь был, кстати, на нашей с Ксюхой свадьбе!» – уточнил отец, видя вопрос на лице сына.

– «Да давно это было! Он ведь тогда дружил с твоими бабушкой и дедушкой!» – внесла окончательную ясность мать.

У подъезда распрощались с представителем СВР. Владимир Сергеевич протянул папку с документами и пожелал Вячеславу Платоновичу приятного отдыха в кругу семьи, напомним, что завтра утром он ждёт сначала его звонка, а потом, к одиннадцати часам, и его самого по указанному тут адресу.

В среду вечером в высотку подъехала и Ксения, и поначалу посидели за праздничным столом впятером. А поздно вечером прибыл и Иннокентий.

Самый старший и самый младший сыновья Платона никогда ранее не видели друг друга, да и слышали очень мало друг о друге. Поэтому они были несказанно рады знакомству. В разговорах за общим столом время пролетело незаметно быстро. Распрощались уже за полночь.

А уже на следующий день на Большом Устьинском мосту неожиданно вывесили красно-оранжево-жёлтые праздничные флаги, словно специально приветствуя возвращение на родину слишком уж задержавшегося Вячеслава Платоновича Гаврилова-Кочета.

29 апреля Вячеслав днём посетил здание СВР, где долго отчитывался о своей чрезвычайно длительной командировке. А вечер он провёл дома в высотке на Котельнической набережной.

режной, где рассказывал и рассказывал, лишь иногда слушая московские новости от родителей, и от Егора с Ксенией.

Поздним вечером перед расставанием Слава заметил:

– «А что это у Вас по телевидению стали говорить время: «по Москве»? Будто из дальней деревни приехали?».

– «Так оно и есть! «Понаехали тут!», и свою культуру нам впаривают по радио и впаривают по телевидению! Ты ещё не видел рекламу! Так та вообще – воинствующее бескультурье! Русский язык коверкают нещадно! Я недавно проезжал на автобусе до «Новокосина», и по пути видел громадное объявление: «Цоколя для цветников»! У нас теперь частенько вместо «о», «ы» и «и» – почти всюду «а», да «я»?!» – ответил Платон нисколько удивившемуся сыну.

– «Говорить «Приехал, или звоню с Москвы», время «по Москве» могут только стебанные! Они не знают и не понимают, что звонить можно с жены, но из кровати, из дома, из Москвы, из тюрьмы, наконец! А «по Москве» говорят только те, кто её не любит. Они словно ногами хотят по ней пройти, попирая её силу, красоту и гордость?! Только не поскользнитесь на своих соплях и слезах, хамы и неучи!» – в сердцах неожиданно заключил уже прилично захмелевший интеллигентный и патриотичный пролетарий Егор Алексеевич Егоров.

Тридцатого апреля, проезжая утром на троллейбусе по Свободному проспекту, Платон через окно увидел обгоняющую их малиновую «КІА».

Через её капот была протянута Георгиевская лента, а по правому борту красовалась жёлтая надпись «ЗА РОДИНУ!».

В знак восхищения таким патриотизмом, прослезившийся Платон через стекло окна троллейбуса показал, сидящей за рулём улыбающейся молодой женщине, направленный вверх свой крючковатый большой палец.

Та, довольная произведённым эффектом, ответила тем же.

После дождливых со снегом и ветром прохладных выходных в последнюю апрельскую неделю погода медленно, но верно начала улучшаться. Погожие и ненастные дни чередовались, словно сговорившись.

Например, двадцать восьмого Москва встретила Вячеслава пасмурно и дождём, а на следующий день стало солнечно и сухо. А потом опять переменная облачность и лёгкие морозящие дожди. Зато они убивали чрезмерно накопившуюся за зиму пыль и создавали предпосылки для весенних запахов, провоцируя благоухания и ароматы.

В эту же пятницу продолжились отчёты бывшего разведчика и необходимые при этом деловые встречи, затянувшиеся до позднего вечера.

Первого мая Вячеслав встречался уже и с некоторыми старыми друзьями детства и юности, погуляв с ними по праздничной Москве.

От пристани на Москворецкой набережной, напротив Военно-инженерной академии им. Ф. Э. Дзержинского, Вячеслав, вспомнив детство, совершил с друзьями прогулку по Москве-реке на «речном трамвайчике».

– «А где же гостиница «Россия»?» – выйдя на палубу, ужаснулся он, неожиданно увидев через её загороженный остов панораму Кремля.

– «А после Кремля ты увидишь по левому борту вообще монстра! Не пугайся!» – обрадовал его один из старых школьных товарищей.

– «Ты сейчас увидишь полный разгул капитализма в России!» – добавил другой.

И действительно, давно покинув социалистический Советский Союз, Слава теперь вернулся в другую, якобы капиталистическую Россию, со всеми новыми веяниями, присущими молодому, пока дикому капитализму.

Воскресенье второго мая он провёл у матери в Салтыковке, в то время как отец, хоть и поздно, решил всё же открыть и свой дачный сезон.

Таким образом, на дачу Платон приехал, когда природа уже взяла длинный и уверенный разбег в лето.

Третьего мая Вячеслав вместе с Кешей навестил семью Данилы в Солнцево, впервые увидев и своего племянша Мишутку.

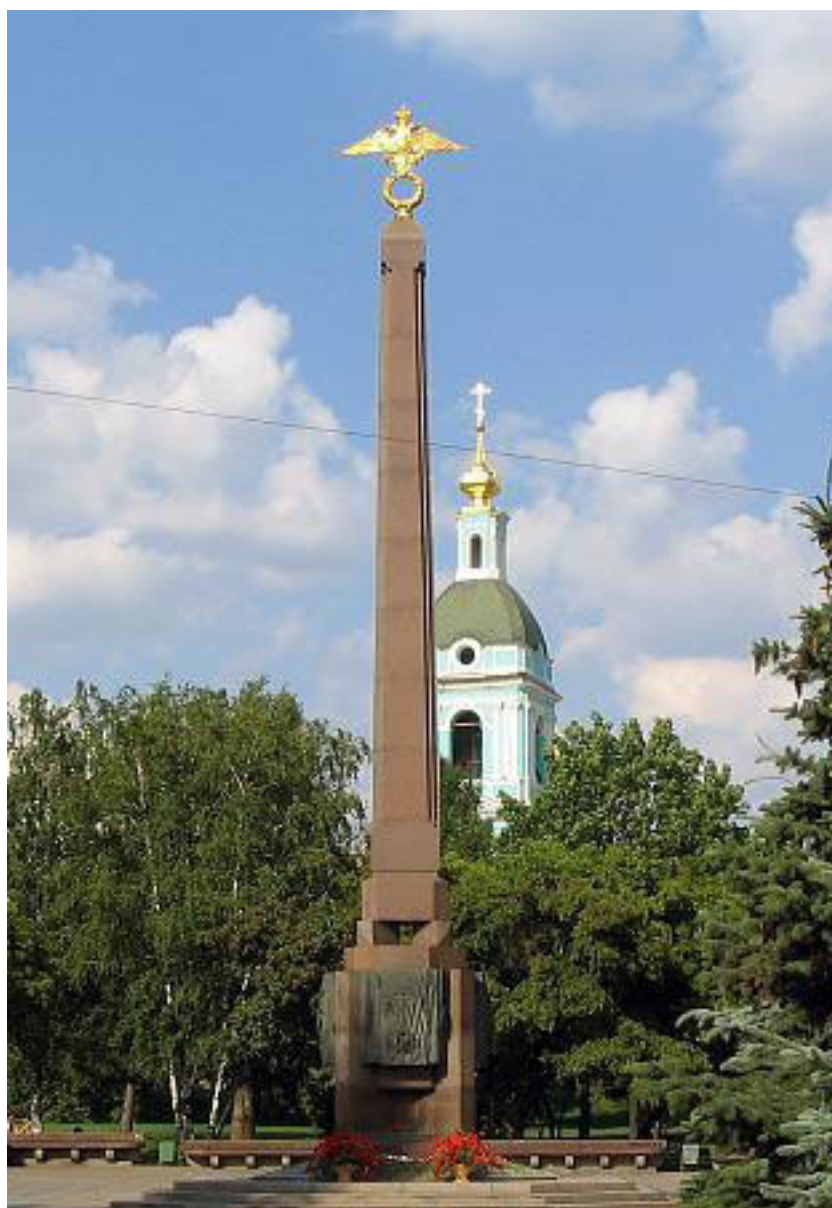
Данилу Слава помнил ещё дошкольником, когда тот жил с Платоном почти по соседству, вверх по улице Володарского, и ходил в тот же детский садик в 1-ом Котельническом переулке.

В рабочий вторник, четвёртого мая, после дневной, первой репетиции парада, в центре Москвы было полупустынно.

В сквере памятника Пограничникам Отечества распускались тюльпаны и студенты. Некоторые даже лежали и миловались на гранитных скамьях.

Одна студентка сидела на газоне в позе лотоса и готовилась к экзаменам.

А третьи ходили по газонам в поисках укромных уголков.

Ракурс памятника со стороны мостов был оригинален. К нему вела широкая, в обрамлении красивых елей, выложенная крупной плиткой, дорожка, обсаженная тюльпанами, а точно позади него, через дорогу, виднелась церковь. И если идти посередине аллеи, то памятник

точно закрывал всю вертикальную ось главной колокольни – Троицы в Серебряниках – со сверкающим на Солнце золотым куполом.

Многие молодые люди сидели на спинке длинной гранитной скамьи, наплевательски на всех поставив ноги на сидение.

Гранитные фундаменты фонарных столбов, а также гранитные скамьи и некоторые плиты парковой дорожки были уже измалёваны самовыразившимися подростками. А за большой туалетной будкой вдоль противоположной от сквера её северной стены в окружении пустых бутылок и недоеденной закуски спали пьяные бомжи.

Из растительности в сквере Платон пока заметил кроме елей ещё и кусты акации и каштан.

На следующее утро, 5 мая, Платон с Вячеславом, у которого в этот день была годовщина свадьбы с Исабель, посетил могилы его дедушек и бабушек на Николо-Архангельском кладбище. Но началось всё со встречи с родителями его погибшего в Аргентине сослуживца, урну с прахом которого удалось передать на родину только благодаря его усилиям.

Пожилая чета тепло поблагодарила Вячеслава, преподнеся небольшой, памятный фотоальбом о погибшем сыне. Досталась благодарность и Платону, как отцу, воспитавшего верного товарища и патриота.

Совместно они возложили часть цветов к памятнику погибшим, при исполнении своих служебных обязанностей, сотрудникам органов государственной безопасности.

Затем все вместе прошли к могиле их сына, на которой помянули того.

Вячеслав довольно красочно рассказал родителям о службе и гибели их сына на чужбине. Ведь этого его агента-связника убили, подстроив автокатастрофу, вместе с его личным водителем и помощником Пако. Этого, молодого, и ещё неженатого сотрудника фактически убили ЦРУшники, чтобы тем самым достать, подобраться вплотную к нему самому – «Гектору».

Вскоре распрощавшись, Кочеты прошли и к могилам своих пращуров.

После кладбища Платон поехал на работу завершать, наконец, заказ, а сын – домой, к тому же им было по пути.

В эту среду Надежду что-то прорвало на доброту к голубям.

Она щедро высыпала на, находящийся на уровне земли, подоконник окна их цеха целый пакет казённых льняных семян, этим доведя, обычно клюющих «У дядюшки Платона», количество голубей с трёх до восьми.

Рассыпая семена она, наслаждаясь своей властью и силой, ласково приговаривала:

– «У, ти, мои ребятишки, сладкие! Ешьте на здоровье!».

И те наперегонки застучали своими отбойными клювами по покрытому жестью откосу, проглатывая семечко за семечком.

Куда ж в них столько влезает?! Ну, все они точно в свою кормилицу! – про себя удивился Платон.

После работы, довольный её полным завершением, а ещё больше важной утренней поездкой с сыном Вячеславом, Платон Петрович вышел из полуподвального помещения своего офиса и сразу почувствовал на улице запах лета!

И он снова неспешно, с удовольствием, прогулялся до дома сына.

Утром 6 мая, а не 5, состоялась уже генеральная репетиция парада. Но никто, из семьи Платона её не видели, так как работали и готовились.

Только Варвара с Егором из окон своей квартиры посмотрели проход техники, хотя её почти не было видно.

Зато Вячеслав по специально вручённому ему пропуску попал на Красную площадь, на эту генеральную репетицию парада.

После него в Екатерининском зале Кремля состоялся торжественный приём, на котором президент России вручал высокие награды некоторым ветеранам войны и труда, деятелям

искусств и культуры, и другим отличившимся гражданам России, в числе которых был и знакомый ему Вячеслав Платонович Гаврилов-Кочет. Среди лауреатов можно было встретить Черномырдина, Пахмутову, Зельдина и многих других известных людей.

Вечером в двадцатичасовых новостях по каналу «Россия» семья Гавриловых-Кочетов смотрела репортаж о процедуре награждения, увидев со спины, и с чуть проседью коротко стриженного затылка, знакомую фигуру настоящего полковника. Ведь вскоре, по прибытии на Родину, Вячеславу пришлось по-военному коротко подстричься, ибо на него срочно шили полковничий парадный мундир со всеми аксельбантами.

В Москве Вячеслава ждали не только встречи с коллегами и родными, но и давно им заслуженные, но по понятным причинам до сих пор не полученные, государственные и ведомственные награды. Платон прекрасно понимал, что все эти награды могли бы вручить и родителям.

Но, во-первых, их пока им не передавали из-за соображений секретности, дабы косвенно не раскрыть агента.

Во-вторых, руководству был пока неясен итог деятельности «Гектора», кем и где он в итоге окажется, не предаст ли?

Но всё, к счастью, обошлось! Сын дома – в кругу семьи, в Москве – в окружении друзей и сослуживцев, в России – со своим русским народом!

За участие в 1990 году в подготовке и в успешном осуществлении операции по внедрению в США советского агента «Нефертити» – «За образцовое выполнение специального задания, проявленные при этом мужество и отвагу» он был награждён орденом Красной звезды и досрочно повышен в звании, став старшим лейтенантом.

А уже через год, за собственное внедрение и переход в статус возможного агента влияния – «За особые мужество и отвагу, проявленные при выполнении специального задания по обеспечению государственной безопасности страны в условиях, сопряжённых с риском для жизни» – он был награждён одним из последних экземпляров ордена Красного Знамени.

В 1994 году Вячеслав получил очередное звание капитан.

А в начале 1998 года за успешную и активную работу в Аргентине ему было присвоено звание майор, и он – «За смелые и решительные действия, совершённые при исполнении воинского, гражданского и служебного долга в условиях, сопряжённых с риском для жизни» – был награждён уже российским «Орденом Мужества».

И только в 2008 году, после выхода с ним на контакт через аргентинские власти, Вячеславу было присвоено давно его заждавшееся воинское звание подполковника с награждением – «За высокие личные показатели в служебной деятельности, храбрость и отвагу, проявленные при исполнении долга» – орденом «За военные заслуги».

Зато сейчас, в 2010 году, непосредственно перед уходом в отставку, для военной пенсии, ему было присвоено звание полковник с вручением нагрудного знака «Заслуженному сотруднику органов внешней разведки Российской Федерации».

Более того, теперь в Кремле, в связи с окончанием службы, за воинскую доблесть и преданность делу, «За заслуги во время прохождения воинской службы и обеспечение государственной безопасности, за проявленные при этом творчество и изобретательность» – ему вручил его последнюю награду – Медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени с мечами.

После Кремля Вячеслав Платонович вместе со своими сослуживцами в форме, при орденках возложили венок к могиле неизвестного солдата у кремлёвской стены в Александровском саду.

Дома все с большим интересом долго разглядывали его награды.

Наибольшую щепетильность при внимательном изучении формулировок в наградных листах почему-то проявил дядя Егор.

Читая вслух выписки из Указов о награждениях, он тут же от себя комментировал их, лишь только кое-что зная о деятельности своего пасынка.

В формулировке его последнего наградного листа всем особенно запомнились слова: «... и проявленные при этом творчество и изобретательность!».

– «Слав! Ты у нас оказывается человек творческий!?! Вон чего натворил! И ещё изобретательный! Четверых детей на свет произвёл на чужбине!» – не унимался всё больше хмелевший бывший красный пролетарий Егор.

Но Вячеслава наградили не только морально, но и материально. На его банковском счёте накопилась неполученная за много лет зарплата, причём индексированная, плюс различные доплаты и премии.

Свою электронную карточку, куда уже были перечислены 180 окладов и должна теперь перечисляться и его военная пенсия, Вячеслав вручил матери, наказав ей пользоваться его деньгами исключительно по своему усмотрению.

На седьмое мая был запланирован дневной визит Вячеслава в семью Василия Олыпина. Вячеслав запомнил Василия ещё игроком молодёжной баскетбольной команды ЦСКА, временно отданным в аренду в другую команду. В Кузьминках он увидел двоюродных племянников и тётю Настю.

А на вечер в дом на Котельнической набережной были приглашены и артисты Екатерина с Виталием. Впервые в жизни старший брат и сестра увидели друг друга. Катя совсем мало знала о Вячеславе и многому удивлялась из его рассказов, хотя больше рассказывала сама. Прощебетали весь вечер. Расстались за полночь и довольные друг другом.

Восьмого мая Платон решил не звонить и не поздравлять своего бывшего друга Валерия Юрьевича с днём рождения.

Он вообще решил больше с людьми из своего прошлого не общаться.

Прошлое не должно человека тяготить, тащить назад, мешать идти вперёд, думать о будущем, творить! А прошлое в мыслях мешает, терзает, и надо от него по-возможности решительно избавляться.

И вообще, когда человек умиляется своим прошлым – это один из признаков приближающейся старости.

Поэтому он был теперь от своих бывших друзей очень далёк. И не только относительно географически, а больше морально, нравственно и интеллектуально. У них больше не было общих интересов. А возможные нудные воспоминания с инсинуациями уже тем более не грели Платона.

Он считал, что теперь, в его возрасте, порядочные люди уже не должны иметь друзей.

А на вопрос жены, почему он не звонит Валерию Юрьевичу Попову, Платон пространно ответил:

– «Когда человек варится в собственном соку, или в компании себе подобных, ему иногда кажется, что он умнее всех и больше всех знает. Но стоит ему только выйти за рамки своего привычного круга общения, как ему становится ясно, что это далеко не так! И он может впасть в уныние, а то и в депрессию! Но я, в отличие от него, к таким не отношусь!».

В День Победы Платон вынужден был поехать на дачу, чтобы передать деньги строителям. Те, в основном, закончили возведение, пристроенной к южной стене дома, беседки.

После завершения её строительства Платон в очередной раз убедился в том, что татары никакие не профессионалы, а обыкновенные шабашники.

Более того, их хитрожопость превзошла и жидов и хохлов. Уже после окончания работы они подняли цену непосредственно за саму работу, явно завысив расценку дополнительной настилки полов и покраске, лицемерно мотивируя это дороговизной стройматериалов?! Как будто Платон за эти материалы не заплатил?! И это Платона, мягко говоря, крайне удивило.

Браком, незавершённой и хитрожопостью с деньгами они словно говорили клиенту: отъебись дядя от нас! Мы сделали основное, а дальше сам. И вообще, мы получим за работу столько, сколько хотим, а не сколько договорились!

И Платон решил больше с ними не связываться, а, как всегда, рассчитывать на собственные силы. Он бы и сейчас мог бы, в принципе, всё сделать сам, но этим заказом он сэкономил много времени и сил.

К тому же некоторые операции по монтажу балок, особенно на высоте, он бы один никак не сделал.

Так что жалеть теперь было не о чем.

Платон решил, что за лето спокойно сам доведёт беседку, как говорится, до ума, для начала заделав выемки под решёткой на угловых вертикальных столбах. На эти места

потом прибьёт широкие вертикальные наличники по всем этим угловым столбам, а меньшей ширины – горизонтальные наличники по верхней кромке решётки. Затем закроет специальной планкой торец покрытия крыши из поликарбоната, дополнительно пробьёт пол гвоздями, заделает щели в балках, докрасит за халтурщиками. Ещё раз тщательно прокрасит беседку пинотексом и проведёт в неё свет, подправит и облагородит места крепления балок беседки к стене дома и саму стену: верхние наличники окон и вертикальные углов дома.

Первые четыре дня на даче Платону пришлось сжигать просто огромное количество бывших веток яблонь, оставшихся после ранневесенней их кардинальной обрезки опытным агрономом Юрием Ивановичем.

Так что на День Победы ему пришлось на даче и первый раз в сезоне заночевать, благо погода этому способствовала.

Вечером Платон с большим интересом смотрел по телевизору запись парада на Красной площади и прямой репортаж о праздничном салюте.

В этот раз салют поразил исключительно всех. Он даже был по существу не салютом. Это был настоящий фейерверк!

Более того, это была настоящая звёздная феерия, и даже вакханалия! Такого не видела Москва и Россия никогда в жизни! То есть практически, не останавливаясь, вспыхивали разрывы, вспышки. Свет лился отовсюду, от различных освещённых салютом предметов и самих огней. В общем, красотища была необыкновенной. Это запомнилось зрителям на всю жизнь.

И это продолжалось целых пятнадцать минут. А разрывы огней напоминали брызги света различного цвета. Иногда стрельба прерывалась игрой прожекторов, направлявших свои мощные лучи, которые и завершили веселье, светя почти вертикально в небо.

А после этого был грандиозный концерт по каналам «Россия» и НТВ.

Концерт шёл под открытым небом на Главной арене Лужников.

Видя весёлые и одухотворённые лица, участвующей в концерте молодёжи возраста двадцати – тридцати лет, Платон понял, что страна не погибнет никогда, будет набираться сил, молодёжь – оптимизма, а старики – уверенности в её светлом будущем, в том, что она не подведёт.

А когда на сцену в центре зала вышел Д. А. Медведев, это вообще вызвало страшный ажиотаж. А Платон подумал, что, пожалуй, Медведев в качестве президента будет посильнее Путина, хотя бы изящней.

Под впечатлением всего увиденного по телевизору, Платон подумал, что это очень символично, знаменательно, что именно сейчас, в этот праздничный День Победы, он чётко и ясно ощутил, что его сын одержал свою Победу! Да! Это была теперь воистину победа, его Победа!

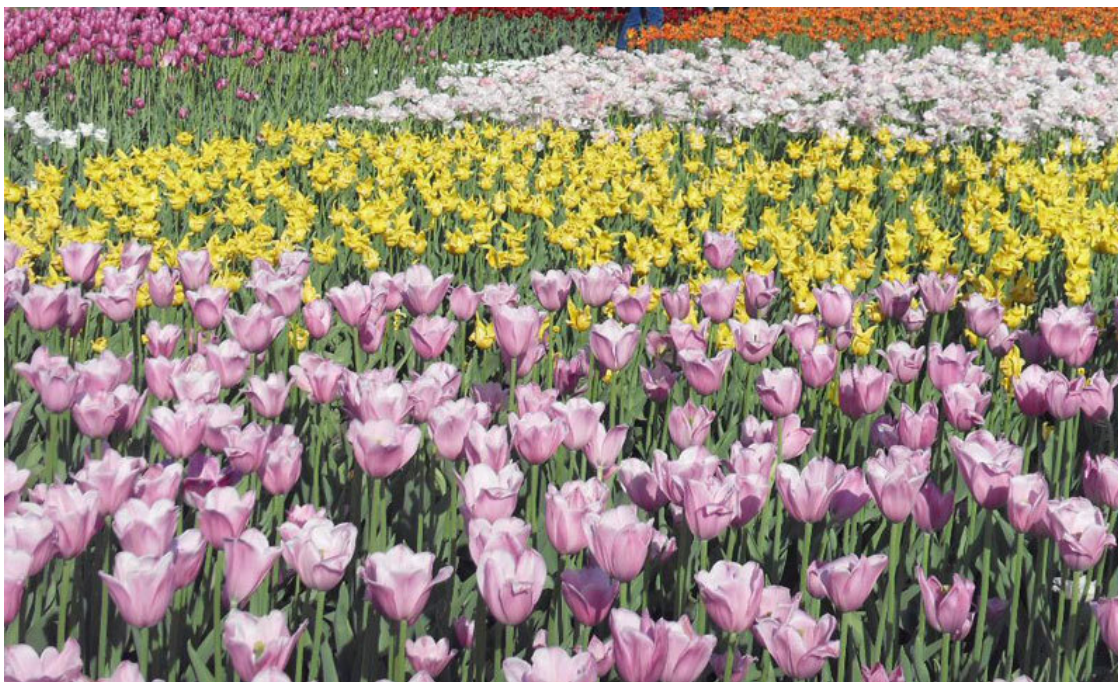
Следующие сутки отец снова закончил свиданием с сыном на квартире в высотке. Засиделись допоздна, и Платон переночевал там, благо утром до работы было всего пять минут ходьбы. Все эти дни он слушал и слушал сына, запоминая его рассказы, сопоставляя с ранее им услышанным, увиденным и узанным. Он слушал не только, как отец, но и как писатель. И постепенно перед его глазами и особенно сознанием представала полная картина жизни и деятельности сына-разведчика. В заключение тот спросил:

– «Отец! Я тут у тебя прочитал стихотворение «Бульварное кольцо» в нескольких вариантах, и мне захотелось по нему с тобой прогуляться пешочком! Давай!? Составишь компанию?».

– «Конечно!».

На следующий день они прошли от Яузского бульвара до Храма Христа-спасителя, и Платон понял, что Москва стала теперь городом тюльпанов.

Закончились праздники. Москва сменила праздничное одеяние на густо зелёную летнюю одежду. Вся последующая неделя была пропитана тёплой, солнечной, сухой погодой. И как её водораздел, она завершилась сильным ливнем, подводя итог, словно обмыв новую жизнь Платона.

Поездки по Москве и встречи с различными людьми, в том числе по работе, продолжались у Вячеслава и всю эту неделю. В один из дней он поучаствовал и в торжественном вечере, проходившем в музее погранвойск, находящемся практически по соседству с работой отца.

А субботу, 15 мая, Платон, Ксения и Вячеслав провели на даче в Загорново, где тот не был почти целую вечность. Но больше всего сына поразила прекрасная погода.

– «А у нас на даче погода всегда лучше, чем в Москве! Я Ксюхе вон всё время говорю, что у нас здесь Сочи! Я давно понял, что по отношению к столице в смысле погоды, мы к Москве, как Москва по отношению к Санкт-Петербургу! Поэтому можно сказать, что Москва собирает тучи, и из Москвы тянутся грозовые тучи!».

На следующее утро съездили и в Купавну, завершив поездку совместной ночёвкой из-за сильного ливня в Салтыковке на даче у Варвары и Егора.

Вечером в понедельник, 17 мая, впятую собрались на семейный совет в высотке. Обсуждали дальнейшую судьбу их большой квартиры – их вырастившего, отчего дома.

Поскольку Вячеслав сообщил, что будет постоянно жить с семьёй в Буэнос-Айресе, а в Москву приезжать лишь изредка, то на семейном совете решили, что пора её, практически теперь пустующую, за исключением может одной комнаты, куда убрать всё лишнее, сдавать, а деньги делить между её собственницами – сёстрами Варварой и Ксенией.

Ведь теперь на одну пенсию не проживёшь, а младшей через четыре года тоже на пенсию!

Но поговорили и на другие темы, заодно послушав музыку. Вячеслава порадовал набор мелодий и вкус отчима.

– «Сейчас многие люди, в основном молодёжь, слушают какую-то очень странную музыку. И это практически не музыка, а ритм, чуть ли не чечётка. Создаётся такое впечатление, что под эту музыку можно только копытами цокать, и рыть землю, и больше ничего не делать. В общем, звучит она монотонно, и..., извините, долбо...ски!» – разоткровенничался бывший музыкант-самоучка Егор Алексеевич.

Понедельник и вторник у матери с сыном ушли и на хождение по различным инстанциям и составление необходимых юридических документов, а также выкуп авиабилетов.

И 19 мая, в среду, в бывший день Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина – бывший активный пионер, погостив на родине в Москве три недели, гражданин Российской Федерации Вячеслав Платонович Гаврилов-Кочет, он же гражданин Республики Аргентина Рауль Хоакин Мендес, улетел к семье в Буэнос-Айрес.

В Шереметьево на машине Егора вчетвером добрались заблаговременно и без проблем. Рейс AF2245 авиакомпании Эйр Франс, с вылетом из Москвы в 19.30 и посадкой в Париже с учётом поясного времени в 23.15, с пересадкой на рейс AF416 с вылетом в 23.15 и посадкой в международном аэропорту аргентинской столицы Эсейса в 7.50 уже 20 мая, был ему удобен.

Распрощались до слёз тепло. Ведь неизвестно, когда теперь они свидятся вновь, и свидятся ли вообще. Но всех радовала возможность оперативной, визуальной и даже бесплатной связи в реальном масштабе времени по Skype. Единственное, что не успел Вячеслав, так это 21 мая побывать в Лефортово на праздновании дня военного переводчика и увидится со своими бывшими однокашниками.

С грустью и волнением глядя в иллюминатор набирающего высоту самолёта, старший сын Платона собирался с мыслями, постепенно снова превращаясь из Вячеслава в Рауля.

После его проводов родители разъехались уже по своим домам.

По дороге в Новогиреево Платон всё думал о сыне. Он, конечно, гордился своим самым старшим, но всё же ему было очень жаль, что Вячеслав на чужбине обрёл себе новую Родину, завёл семью, обзавёлся потомством, в общем, нашёл себя. И теперь от этого уже некуда было деться.

Да и деятельность Вячеслава в Аргентине не пропала даром.

Уже позже Платону даже показалось, что по телевизору стали чаще показывать передачи про Аргентину.

Через несколько дней, например, сообщили, что вышел первый учебник русско-испанского языка для русских в Аргентине.

Вот теперь мои внуки Кочеты – Мендес смогут лучше изучить родной язык их отца! – обрадовался счастливый дед. Однако также сообщалось, что русские общины в Аргентине по-прежнему разобщены.

Вот новое поле деятельности для самого старшего моего сына! – подумал Платон – а младшего?! – сама вдруг продолжилась его мысль.

А Кеша уже почти полгода успешно осваивал новую работу. Он быстро и глубоко вникал в неё, и вскоре стал ассом. И это не осталось незамеченным его руководством, отметившим молодое дарование.

Инноцентия повысили в должности и зарплате, да и режим его работы стал удобнее. Ему пока было интересно его новое поле деятельности.

А мне, не считая хобби, моё! Да, именно в погрузке коробок и поездках за деньгами и с документами! – совершенно ни о чём не жалея, добавил отец, вспомнив, что завтра они с коллегами как раз и поедут куда-то все вместе.

Повседневная действительность быстро вернула Платона на его рабочее место.

– «Да убери ты из под моей жопы свой фонарь!» – нарочито сердито возмутился Гудин, садясь в машину Алексея.

– «Глаз что ли слепит?!» – обиженный за своё, сдохмил Алексей.

– «Да нет! Он у него зашоренный!» – быстро оценив ситуацию и войдя в свою роль, схамил уже и Платон.

А к вечеру сняла с себя шоры и Настя. В этот день, 20 мая, сестре Платона исполнилось шестьдесят лет. Но хитрая, не желая собирать родню и тратить, уехала на этот период в санаторий.

Днём Ксения направила ей поздравительную SMS-ку. В ответ Настя поблагодарила так же, расценив послание, как сигнал к действию.

Спустя сутки она начала позванивать Платону и Ксении, завуалировано выведывая их планы на лето. После долгого зимнего молчания она теперь, к лету, вдруг проявилась активностью. И явно было видно, что она рвётся на дачу, а сейчас начала готовить почву для этого. Но Платон давно был против её визита. Он даже сочинил по этому поводу стихотворение для Насти:

*Хоть ты подругой не была,
Но ты меня всё ж понимала.
Каким я был, и принимала,
И уважала ты меня!*

*Пожалуй, измелечал народ!?
Конечно это не о теле!
А посмотрите: в самом деле,
Каких ты не найдёшь пород?!*

*И, если бы не доставала
Всех эгоизмом ты своим,
И не считала всё своим,
Других людей бы понимала,*

*Тогда б с тобой друзьями б были,
И обсуждали б всё с тобой.
И даже трудною порой
С тобой товарищами б слыли.*

*Но, нет! Сего не хочешь ты!?
Твои дела тебе важнее.
И кроме тех, что всем нужнее
Лишь в круговерти суеты.*

*Поэтому прощай, сестра!
Мой интерес к тебе пропал.
И рейтинг твой в глазах упал!
Такие вот теперь дела!*

Но Ксения упростила мужа всё же пригласить Настю на дачу, чтобы ей там не было скучно одной, когда Платон после отпуска снова выйдет на работу.

– «Ну, гляди! Пожалеешь потом!» – предостерёг он жену.

– «Я знаю, что может быть и пожалею об этом! Но всё равно одной там бывает тоскливо!» – подтвердила своё желание Ксения.

Но неожиданную тоску, уже на Платона, на следующий день нечаянно навесила его начальница.

– «Платон! А у Нонки день рождения оказывается двадцать седьмого, а не двадцать третьего!» – почему-то с радостью сообщила она.

– «А я знаю!» – расстроил её Платон.

– «Слушай, а кстати, ты со следующей недели можешь уже пойти в отпуск! Сейчас нам производственная необходимость позволяет это сделать! Вот сегодня всё доделаешь и пойдёшь!» – сказала Надежда тут же, даже не маскируя свои подлые мысли и свою хитрожопую задумку.

Для Платона такое предложение начальницы было некстати, так как он ещё не был готов к отпуску, не имея конкретного плана работ.

Поэтому он решил пока потянуть время.

И это ему объективно сделать удалось бы.

Вдруг появилась небольшая, но срочная работа.

И он знал, как её правильно сделать.

Платон всегда считал, что лучше работать планомерно, методично, получая от этого удовольствие, чем хаотично, бессистемно, проклиная работу, ситуацию, безалаберных коллег и бездарную начальницу.

Платон мысленно перебрал всех женщин из своего окружения, всех когда-либо встречавшихся на его жизненном пути, и понял, что Надежда Сергеевна Павлова, как ни странно, оказалась среди них самой некультурной и самой невоспитанной.

Надежда не нравилась и своим «подругам», в частности Ноне:

– «Ой, мне так надоело здесь работать! Особенно рядом с Вашей мымрой находиться!» – как то пожаловалась она Платону.

Хорошо, что я скоро ухожу в отпуск, а Нонка уходит от нас! А то они бы с Надькой рано или поздно схлестнулись бы в скандале, а я был бы невольным свидетелем этого! – подумал Платон.

По первоначальному предложению Надежды в отпуск он должен был пойти с 24 мая, что его никак не устраивало по времени и по планам.

Из-за ремонтных работ дома и встреч со старшим сыном, в этом году Платон очень поздно открыл дачный сезон – только на Первомайские праздники. Более того, первые четыре дня он только и сжигал ветки, оставшиеся после капитальной обрезки яблонь.

Даже новая костровая бочка не выдержала такого объёма – быстро прогорела в середине обечайки, но почему-то с одного бока.

А этот май по погоде был настоящим летом! Поэтому Платон, сделав срочную работу за понедельник, всё же взял досрочно пока только два отпускных дня – вторник и среду.

К тому же по работе у него наметилась небольшая пауза перед новой серией.

Он поехал на дачу, чтобы, после по разным причинам пропущенных дней, войти в нормальный график, выйти на обычный режим, косить, убирать, чистить, готовить дачу к приезду своих детей, и теперь ещё и внука Мишутки.

В четверг он снова вышел на работу, но, поняв, что ему пока всё ещё на ней нечего делать, взял отпускной день и на пятницу 28 мая.

В субботу Платон вместе с Ксенией вывез всех своих кошек на дачу.

И снова для него начался счастливый дачный период жизни, со всеми этому сопутствующими проявлениями и событиями.

Все свои отпускные и выходные дни Платон ударно трудился на даче, готовясь к приёму дорогих гостей – своих детей и внуков, в частности сделав первый покос молодой, но уже высокой травы.

Свежий, после дождевой воздух, напоенный ароматами трав, в том числе резким для него запахом свежескошенной травы, неожиданно пробудил в его сознании и памяти детские воспоминания о поездке к бабушке в деревню Верхняя Берёзовка Горьковской области.

Сквозь проявившиеся запахи он уловил и, тоже с детства знакомый, запах прелого сена.

Эти воспоминания, оказавшиеся такими близкими, лишний раз подчеркнули, как коротка человеческая жизнь, что надо беречь её, каждый день, и каждый час проводить с пользой для себя и своих близких.

Эта весна вообще для Платона закончилась бурным финишем в подготовке к лету сразу на двух дачах.

В Загорново он полностью закончил подготовку к летнему сезону и к приёму гостей.

А в Купавне произвёл грубую силовую повсеместную косьбу не только травы, но и молодых кустов, а также обрезку сухих веток, обилие которых сжигала Ксения.

Но это началось с перевозки в Купавну груза, скопившегося в коридоре около их квартиры за несколько лет.

Последний день календарной весны, понедельник 31 мая, Платон начал с раннего утреннего бассейна, который он посещал по абонементу в понедельник весь май.

Когда же он чистый, лёгкий, в хорошем настроении вышел утром из дома, то вдруг впервые во взрослой жизни ощутил далёкий, с детства знакомый, запах утренней майской Москвы.

И его очень обрадовало, что теперь его родной дом пахнет так же, как пахнул в детстве и отчий дом, утром в мае, в конце весны, перед летом!

В хорошем расположении духа и прекрасном настроении он направился на работу.

Москва раньше времени встретила его тополиным пухом, этим подтвердив и ранний приход лета.

А что там, в Буэнос-Айресе? Там ведь летом наступает зима! Как там Слава и его семья? – истинно заинтересованно подумал тогда он.

Завершилась великолепная весна!

А в ожидании лета Платон опять подумал о посетивших его за весну знамениях, о появлении предзнаменований чего-то нового, интересного, возможно даже и очень для него полезного.

И в надежде на хорошее лето он снова взял отпускной день на 1 июня.

Опять предзнаменование! Это же международный день защиты детей! – заметил писатель.

Глава 3. Знойное лето

Началось лето! Но вместе с ним закончилось плавание Платона. Теперь он жил на даче и не мог слишком рано по утрам в понедельник ходить в бассейн.

Интересно, а наш подъездный поп ещё будет ходить туда? – неожиданно возник у него вопрос.

Платон вспомнил, как тот как-то утром в один из понедельников обогнал его при выходе из дома, а снова встретившись в бассейне – несказанно удивился соседу.

Поп быстро разделся, не снимая домашних трусов, наскоро сполоснулся в душе, не замочив даже своей небольшой бородки, и решительно было ринулся в бассейн, но был остановлен замечанием Платона:

– «А они раньше семи пятнадцати не разрешают выходить из душа!».

– «А я раньше уйду!» – оправдался поп своими интересами, сходу плюхаясь в воду.

Но служителю культа не дали насладиться водной прохладой. Его заплыв был решительно остановлен дежурным тренером.

Отец Александр, в миру Алексей Демьянович Круглик, пытался было объяснить ей, что он раньше выйдет из воды, так как торопится на службу.

Но строго обученный персонал был непреклонен. Пришлось служителю культа, вспомнив предостережение Платона-неверующего, некоторое время помёрзнуть у бортика и несколько подсохнуть.

Уже начав свой заплыв, как всегда по дальней дорожке, Платон краем глаза заметил, как поп энергично пытается согреться и наверстать невольно упущенное по центральной.

Оказывается и служителям культа... личности многое человеческое не чуждо! – понял тогда атеист.

После отпускного дня защиты детей, второго июня он вновь вышел на работу.

В начале этого второго летнего рабочего дня, уже наслаждаясь тёплым воздухом, проникающим в открытую форточку его рабочего полуподвального помещения, Платон как-то машинально, расслабившись, смачно плюнул через неё на улицу.

Вот, тебе, на! – сам себе удивился он, тут же вспоминая своего отца.

Пётр Петрович любил с силой плюнуть в поутру открытую им форточку, как бы пробивая этим незримую преграду, завесу спёртого за ночь домашнего воздуха, давая возможность ему, тёплому и затхлому, выйти из помещения на улицу, а новому, прохладному – войти с улицы в комнату и несколько освежить её.

Гены, видно, сказываются и в этом?! – понял инженер и человеческих душ.

В конце дня вдруг зарядил дождь. Но после работы Платон опять поехал на дачу, где его ждали дела, кошки, и... хорошая погода!

Странно?! За МКАД солнечно и сухо, а в Москве идут дожди!? Что это опять за знамение? – почему-то посетила Платона странная мысль.

Но сильный ветер, возникший вечером при смене погоды, также напомнил ему детские годы, но уже более зрелые, когда они всей семьёй уже жили на построенной даче.

В этот период, в июне, ветра были не редкостью в Подмосковье.

В связи с тем, что из-за позднего открытия дачного сезона и потраченных четырёх дней на сжигание веток, до вырастания высокой травы Платон не успел убрать всю прошлогоднюю листву, убрав её лишь местами, в основном на грядках, неубранным листьям пришлось преть и гнить на месте, создавая естественное удобрение, что тоже имело плюс для его сада и огорода.

Полторы трудовые летние недели прошли незаметно.

И в ночь на двенадцатое июня Платон, по обыкновению для дачного времени с пятницы на субботу, лёг спать поздно. Однако две чашки выпитого им на ночь слабого кофе всё же пока не давали ему возможности заснуть.

И далеко за полночь, когда он, было, собрался расслабиться, и сон начал одолевать его, он вдруг услышал, как к даче Дибилевичей подъехала машина, и старший сын присоединился к ранее кем-то привезённому пьяному отцу.

Начались крики, ругань, матерщина, закончившиеся сильным глухим ударом и выбитым оконным стеклом.

Только они уgomонились, как вскоре где-то вдалеке с небольшим интервалом раздалось два выстрела из охотничьего ружья.

Да-а! Москвичи выехали на природу, приехали на отдых! – понял происходящее один из них, наконец, засыпая под рассвет.

А впереди его ждали первые урожайные радости.

Необыкновенно раннее лето уже двенадцатого июня одарило семью Кочетов тоже рекордно ранним первым урожаем садовой земляники.

Кошки тут же заинтересовались новой работой хозяина, отираясь у его ног. Пришлось погладить помощника и помощниц.

Если бы позволяло время, Платон мог бы часами гладить своих урчащих ласковых домашне-дачных животных, что нельзя было уже сказать о его любимой женщине.

И этому теперь были вполне объективные причины.

– «Платон! Ты на старости лет стал каким-то... половым извращенцем?!» – отдохнувшая прошлую ночь, а днём отметившая скорбную годовщину смерти матери, удивилась жена подзабытой прыти и новым выдумкам, на следующую ночь домогавшегося её тела, мужа.

– «А что ж ты Ксюх, думаешь?! Надо всё попробовать, что не успел, всё вкусить, пока живой! А то потом будешь на том свете локти кусать!».

– «Ты мне лучше скажи, почему у стариков член не стоит?!».

– «Да нет, ты не права! Он вообще-то стоит! Просто он к старости становится умнее и не вскакивает по каждому поводу, а только лишь, когда есть полная гарантия пользы от его вскакивания!».

– «Не вскакивает по поводу без повода?!» – поинтересовалась всё ещё смеющаяся любовная женщина.

– «Хотя нет, без повода бывает!» – вдруг серьёзно вспомнил мужчина.

– «Когда его совсем не ждёшь!» – не унималась Ксения.

– «Кого, повода или члена?» – пытался уточнить заулыбавшийся Платон.

– «Да обоих!» – сразу всё отрезала она.

Утром, помазав лицо после бритья давно забытым и случайно найденным в магазине одеколоном настоящих мужчин прошлого века «Шипр», Платон почувствовал, как к нему словно вернулась его молодость.

– «Да-а! Хорошо! Бывало вечером ещё раз побрееешься, надушишься этим Шипром, и... М-да... бывало!» – вспомнил он давно прошедшее, тут же сочинив четверостишие на злобу... ночи:

Вдруг, как искра, пропало либидо?!

Будто не было никогда.

И теперь на жену обида:

Что, любовь прошла навсегда?!

Проработав ещё неделю, полностью и окончательно завершив работу по наклейке этикеток на банки, Платон ушёл в десятидневный отпуск.

В субботу, 19 июня на даче, они обсудили с Ксенией сложившуюся на его работе ситуацию.

Ведь в связи с юридической необходимостью операцию по наклеиванию этикеток на банки ООО «Де-ка» пришлось полностью передать смежному производителю, который как раз давно и расфасовывал лецитин в эти банки.

Платон остался без прежней работы, и это вызвало поначалу опасение у супругов Кочет, что неожиданный поворот в производственном процессе приведёт к увольнению Платона.

Но их анализ ситуации в ООО «Де-ка» и вокруг него, расклад сил, средств и возможностей, привели к уверенности в завтрашнем дне, в крепком положении Платона на работе, и, как следствие этого, потом и к уверенному решению остаться на работе в ООО «Де-ка» на неопределённое, но по-возможности длительное время.

И это вскоре подтвердила и сама Надежда Сергеевна, загрузив Платона частично курьерской работой вместо Гудина.

Платон естественно не сопротивлялся своим новым обязанностям. Ведь получилось так, что теперь у него не стало нудной, мало оплачиваемой работы, а стало намного больше свободного времени, в частности, для занятий своими писательскими делами.

Платон стал теперь ездить с дачи на работу в свой сыроватый полуподвал, как на отдых от дел и жары, которая уже с начала июня установилась длительной и устойчивой.

Дачные дела шли своим чередом. Платон с Ксенией выполняли свои текущие планы, не забывая и про отдых.

В свои отпускные дни Платон провёл свет в новую беседку, вместе с Ксенией повесив оригинальные светильники, и начал доделку её обшивки.

Как и хотел, он углы и верхнюю кромку обрешётки обил наличниками, как бы подчеркнув контуры перголы. Закрыв заднюю, нижнюю кромку поликарбоната специальными торцевыми рейками, заделал щели в высохших и растрескавшихся от жары балках. А потом несколько раз покрасил беседку пинотексом разных оттенков.

Получилось строго, оригинально и красиво.

В один из светлых, поздних июньских вечеров супруги Кочет ужином с вином и чаепитием вдвоём обмыли сдачу беседки в эксплуатацию, где роль свечей выполняли светильники под потолком.

А тем временем Даниил и Александра – без отрыва от работы и от ухода за младенцем – оба без троек сдали экзамены за второй курс своего института.

А Иннокентий, хоть и менее успешно, теперь и с тройками, завершил третий курс соответственно своего, готовясь укатить на отдых под Анапу.

В последние два дня июня Платону пришлось снова выйти на работу, дабы заменить, тоже нуждающихся в отпуске, коллег.

Зато вечером в пятницу, 2 июля, Ксения окончательно выехала на дачу в свой почти двухмесячный отпуск.

К шестому июля Москва, наконец, прогрелась. От её камней даже в тени веяло приятной тёплотой – с детства запомнившимся Платону запахом очень тёплого и какого-то необыкновенно вкусного летнего московского воздуха.

Первую отпускную неделю Ксения блаженствовала на даче, сама и с помощью мужа реализуя свои давние дизайнерские задумки.

Платон после работы ездил на велосипеде играть в футбол, затем вместе с женой занимался садом-огородом.

Утром, 9 июля, в пятницу ему позвонила Анастасия, напомнив о годовщине дня рождения их матери, Алевтины Сергеевны.

Платон и сам всё помнил. Поэтому звонок сестры расценил лишь как напоминание брату о своей персоне, уже готовой выехать отдыхать на дачу.

Но, поскольку Ксении ещё не надоело её дневное одинокое пребывание там, окончательно приглашать Настю он не торопился. Однако её звонок, и возникшие в связи с этим

грустные воспоминания, спровоцировали Платона на, посвящённое памяти о маме, стихотворение:

*Ветка сливы скрипит по стеклу,
Навивая печаль и тоску.
А когда этой ветки скрип стих,
Значит, ветер осенний утих.*

*Нет и сливы у дома давно.
Солнце светит мне прямо в окно.
Но вдруг вспомнил о дереве том,
Что давно не растёт под окном.*

*Здесь когда-то был сливовый сад.
А теперь вот, почти палисад.
Под деревьями мама спала,
Когда летом на даче была.*

*Хоть и слив под окном уже нет,
Как и мамы простыл тёплый след.
Только в памяти будут они!
Ветки скрип по стеклу... не мани!*

В субботу, 10 июля, Платона в полном составе посетила семья Даниила, и дед наслаждался общением с шестимесячным внучком Мишей.

Гости оценили новостройку и тоже обновили беседку, поместив в неё разборный детский манеж, полностью закрывающийся сеткой от комаров, где Мишаня некоторое время самостоятельно поползал. Позже Даниил надул детский бассейн, и они с отцом налили в него из водопровода более двух десятков вёдер, очень даже нагретой на Солнце воды.

Полугодовалый ребёнок, попеременно поддерживаемый сильными мужскими руками отца и деда, долго и с видимым удовольствием поплескался в нём.

Все так увлеклись малышом, что совершенно забыли про все другие свои дела и увлечения. Отец с сыном даже не успели сыграть в традиционный бильярд, не говоря уже о других спортивных развлечениях.

Но ночевать гости не остались, сославшись на чрезмерную жару в их дачной комнате и возможность спокойно выспаться дома под кондиционером. Так что распрощались не поздно.

– «С дачным крещением Мишеньки, Вас!» – пожелал дед на прощание.

Весь вечер Платон был под впечатлением от приезда семьи сына, и особенно, конечно, своего младшего внука.

Тёплое и даже жаркое, сухое лето продолжалось. От энергии Солнца все садовые и огородные культуры, даже цветы, созревали раньше срока.

В то же время, за исключением первого урожая, садовая земляника пересохла на корню, давая теперь хоть и много, но лишь мелкие и не сочные ягодки. Двенадцатого июля уже распустились первые флоксы.

Платон даже собрал большую часть чёрной смородины и немного вишни, получив тайм-аут перед сбором красной смородины.

– «Ксюх! Клубнику мы съели, да и мало её было! Чёрную смородину в основном собрали! Теперь можно и тётю Настю... запускать... в огород!».

– «Ну, ладно, звони ей! Пусть к выходным приезжает!» – по окончании двухнедельного пребывания на даче согласилась жена.

Четырнадцатого июля Платон с работы по телефону поздравил Данилу с днём рождения, напомнив об этом и Насте, заодно официально и конкретно пригласив сестру на дачу. Но та так и не соизволила позвонить и поздравить своего самого известного ей племянника, однако при этом, как ни в чём не бывало, засобиравшись на дачу к его отцу. И Платон воспринял это, как вызов, со всеми вытекающими в будущем для Насти последствиями.

Вызов неожиданно был ему брошен и на футбольном поле.

Четырнадцатилетний Аркадий Бродский, с которым у Платона всегда ранее были хорошие отношения, вдруг стал во время игры надсмехаться над своим противником – дедом, а то и просто издеваться над ним, пытаясь этим заработать себе перед товарищами псевдо авторитет. Платон даже не сразу понял, что происходит. И, главное, он не понял, почему?

Он не стал реагировать на глупость молокососа, сделав вид, что не слышал, или не понял. Но вскоре его возмущение поведением молодого наглеца невольно вылилось в большое стихотворение о нём:

*Намедни юный губошлёт,
Щенок по имени Аркаша,
Прилюдно навёл на меня поклёт.
В мозгу у паренька ведь каша.*

*С подачи Гренделя пацан
Поведал его миру,
Что я давно сам написал.
Досталось же кумиру!*

*Он на футболе дал намёк
Но то, что текст мой знает.
То Грендель дал свой секс-урок.*

Такое с ним бывает.

*Я сделал вид, что и не понял,
По-прежнему играв в футбол.
Паришвец сей меня не донял.
Слабак по этой части он.*

*Заиёл тогда издадека.
И лучше не придумал:
Дразнить он начал старика.
А дальшие, что удумал?!*

*Птенец пархатый обнаглел,
И начал строить рожки.
Он пародировать хотел,
И в этом лез из кожи.*

*Других детей всех рассмеишв,
Он принялся кривляться.
Себя лишь этим ублажив,
Он стал вдруг отвлекаться.*

*Ведь желторотому ему
Такое делать рано.
Сужу я только по нему,
Хоть он старался рьяно.*

*Давно «приятелем» с ним был.
Считал его способным.
Но тем, наверно, навредил?
Тот к славе стал голодным.*

*Он ждал посылов от меня,
И, видимо, заждался.
Поскольку он любил себя,
То вот, теперь сорвался:*

*«Маэстро не заметил, зря!
Пускай теперь страдает!
Во всём пеняет на себя,
Раз суть не понимает!».*

*Но до страданий далеко.
Меня смех разбирает.
Понять Аркашу нелегко.
Зачем на мэтра лает?*

*Как моська лает на слона.
Ну, что же с ней поделать?*

*Видать озлоблена она
В бессилье что-то сделать?*

*«Щенок» скорее от Табаки.
Не льва, конечно, не собаки,
Шакала только может быть.
Хотел влиятельным он слыть.*

*Мне лицемерно руку жмёт.
Верней, ладошку тянет.
И думает: вот отвернёт,
Иль в сторону отпрянет?!*

*По-барски, как для поцелуя,
Ладонь протягивать мне стал.
Но в этом жесте хамство чуя,
Я пальцы слишком сильно сжал...*

*Он мне внимал, открывши рот,
Не зная, что его нет гадей.
Моральный, видимо, урод –
Щенок по имени Аркадий?*

*Птенец Аркадий, иль щенок?
Он желторотый, иль Табаки?
Какой он вынесет урок
Из интеллигентной вроде драки?!*

По некоторым репликам Аркадия Платон понял, что здесь не обошлось без Алексея Грендаля, который, видимо, проинформировал юное дарование о писательской деятельности старшего товарища по спорту и его способности написать тексты для поющего и играющего на гитаре Аркадия.

Некоторые представители народа сами глупости делают, и других этому учат! – понял ситуацию писатель.

А когда Платон как-то раз услышал, что Аркадий кому-то доказывает, что он нападающий, то не выдержал и под всеобщий хохот заметил нахалу:

– «Аркадий! Ты не футболист, не нападающий, тем более не защитник! А так себе, ни то, ни сё! Место между жопой и... «пахом», то есть, промежность! А может даже и жертва пьяной акушерки?! Ну, что ты всё время по полю скачешь, как лошадь Пржевальского?!».

А услышав его возмущённое оправдание, что он не скачет, а играет, тут же уточнил:

– «А-а?! Ну, тогда значит ты конёк-горбунёк!».

К выходным на дачу приехала Анастасия. Значит, лето в разгаре и дошло до своего экватора. Платон на пару с Надеждой дорабатывал последнюю неделю перед очередной частью своего отпуска.

– «Передаю тебе плавленный привет!» – сообщил он начальнице о сделанной по её заказу покупке, в том числе и плавленного сырка к обеду.

– «Там такие были «антирепризы»?!» – радостно в ответ сообщила ему Надежда о своём очередном бесплатном, по благу, посещении театра Константина Райкина.

Жаркие рабочие дни июля завершались, как правило, однообразно.

Платон приезжал с работы на дачу, переодевался и уезжал на велосипеде играть в футбол. По возвращении он поливал грядки, наполнял бочки, принимал душ, совмещая обед с ужином, поздно ел, и в полночь ложился спать. Иногда Ксения помогала мужу с поливом, и тогда Платон успевал позаниматься и другими делами – или собирал ягоды, или делал ещё что-либо, например, что-то чинил или мастерил новое. В частности, с использованием выходных дней, он завершил электропроводку в тёплый душ и в мастерскую.

Кроме земляники и огурцы в парнике Кочетов тоже появились, как никогда рано. Ежевечерний полив спасал огород и цветы. Но воды не хватало на другие плодовые деревья и кусты. Появилась угроза засухи. Кое-где уже даже потрескалась земля. Но в тени, вдали от палящих лучей Солнца грунт был по-прежнему отличный – рассыпчатый и даже влажный.

Вскоре к работе в огороде присоединилась и Настя.

В этот раз она старалась изо всех своих немногих сил. Теперь Настя не только традиционно пропалывала грядки, подавая Ксении не реализуемый для неё пример, но и старалась быть лояльной в поведении, в отношении к другим людям.

Давняя борьба Платона против эгоизма сестры явно стала приносить свои плоды.

Это навело Платона на новые мысли о Насе, и не только об её поведении, но и об её мировоззрении, вере в Бога.

Да! Верующим нужна незыблемая опора. Вот они и выбирают Бога, который за всех, всё решает. Бог есть и ничего больше им не надо, ничего больше они и не хотят! – начал рассуждать он сам с собой.

А начинается всё это с детства. Детям вообще присущ метафизический взгляд, они по своей природе невольные метафизики. Многие из таких детей уже вырастая и взрослея, ими и остаются, но теперь необоснованно считают себя истиной в последней инстанции. Они не знают всей правды – просто не могут знать её, не понимают, что это лишь их ощущения, впечатления, а не истина – продолжил он.

А метафизика нужна детям для чего? Чтобы получить основу и фундамент первых знаний, начальную опору в жизни! Поэтому они и считают свои знания незыблемыми, основными, потому непоколебимыми. И только повзрослев, многие из них, но не все, понимают, что все эти их знания относительны. А если им не дадут знаний с детства, у них не будет в жизни опоры. Поэтому часто метафизики, в числе которых многие люди, остаются ими на всю жизнь! – заключил свои полуночные раздумья Платон.

Вдруг с неба на него взглянула большая Луна. Что-то неприятное, и даже чуть зловещее было в её взоре. Тут-то он понял, что именно!?

Это же полнолуние! А в каждое полнолуние с Ксенией случалось что-то необычное. Она становилась маленькой стервой, необоснованно шпыняя мужа, что не стало исключением и в этот раз.

Видя её поведение и позицию к мужу, а может быть и не поэтому, а по какой-либо другой причине, может быть, чтобы хоть как-то загладить свою вину перед ним, Настя вдруг стала проявлять больше заботы о брате, иногда в чём-то, хоть в мелочах, хоть в демонстрации внимания и уважения к нему, заменяя Ксению.

Платон не только это почувствовал, но и увидел, как гостившая у него на даче сестра стала теперь больше помогать ему, даже ухаживать за ним, иногда и этим замещая жену.

Да! Моя работа не прошла даром! – ещё раз убедился он, сладко засыпая очередной раз в одиночестве.

Ксения, дабы не мешать госте, не прерывать и её сон, и не пробуждаться от теперь не нужных ей домогательств мужа, предложила ему ночевать внизу, в кабинете.

Чуткий Платон вынужденно согласился.

Со среды, двадцать первого июля, он опять взял три отпускных дня, проведя их со своими родными женщинами.

Кроме работы на участке он поиграл с ними в пинг-понг, но от бильярда те отказались. И это конечно Платону не понравилось.

Хоть с кошками играй! – в сердцах сказал себе он.

И те, безотказные на ответную ласку, поддержали своего верного хозяина, отвлекшись от своих постоянных хаотических перемещений по участку.

Однажды, лазающие по столбам беседки, любопытные кошки даже нечаянно включили там свет, который был случайно обнаружен Платоном лишь ближе к вечерним сумеркам.

Смех с ними, да и только! – понял хозяин.

Но смех был не только с кошками.

Небольшой слепень, наверно любопытная девушка, умудрился забраться под мужские плавки и сесть на головку члена Платона, где был пленён остатками его крайней плоти. Насекомое видимо отчаянно боролось за свою жизнь? Придавленное, оно, энергично работая лапками, пыталось выбраться из плена, но тщетно.

Чувствуя, что его кто-то щекочет в интимном месте, Платон, в конце концов, в туалете стянул с себя плавки и взглянул на конец, обомлев. Под отпавшим трупиком насекомого на головке интимной части его тела явственно виднелось небольшое, блестящее и незначительное покраснение.

Вот это да?! – удивился бывший юннат, чуть ли не побежавший рассказать об этом жене, с надеждой, что она хотя бы заревнует...

При разговоре с ней он даже хотел было стянуть с себя плавки, где уже чуть заметно и чуть угрожающе поднималось его шестидюймовое оружие.

Но тщетно! Ксения лишь невнятно посочувствовала мужу.

В субботу, двадцать четвёртого июля, они вдвоём – без отъехавшей на выходные Насти – вечером с вином и шашлыком отметили двадцатилетие, накануне прибывшего под Анапу Иннокентия, по телефону поздравив сына с юбилеем звоном своих, сдвинутых в отцовском тосте, бокалов.

– «Да! Не выпало нам в этом июле всем вместе отпраздновать Кешкин день рождения!» – себе и супруге посочувствовал Платон.

– «Зато он в море покупается и хоть недельку по-настоящему отдохнёт в отпуске от нашей жары!» – успокоила его Ксения.

Но её предположения подтвердились только частично. Жара была не только в Москве и в Московской области, но и по всей Центральной и Южной России, включая её Черноморское побережье.

Зато, словно по закону сохранения количества вещества в природе, в Аргентине, впервые за девяносто лет, в июле выпал снег и похолодало!

В подтверждение сенсации Слава через интернет послал отцу фотографию этого чуда, которую тот смог посмотреть в компьютере в одну из своих вынужденных поездок домой лишь в конце лета.

Летом у Платона совершенно не было возможности поговорить по Skype не только через океан с Вячеславом, живущим от отца и в других полушариях Земли, но также и с Владимиром, живущим от него относительно недалеко, на Украине.

Да и другим детям Платона было пока не до отца и его дачи.

Даниил с семьей спасался от жары под домашним кондиционером.

Екатерина с Виталием в этот же период тоже отметились отдыхом на юге, и тоже на российском Черноморском побережье Кавказа.

А в Москве и в Подмосковье жара просто свирепствовала, дождей всё не было. Столбик термометра приближался уже почти к сорока градусам тепла. Были побиты все рекорды жары за всю историю наблюдений за погодой. К этому прибавились лесные и торфяные пожары, смог от которых захватывал всё новые и новые территории, становясь всё гуще. Для многих людей не только жить, но и дышать всем этим становилось просто невыносимо.

В понедельник, 26 июля, снова вышедший на работу после очередного короткого отпуска, Платон начал писать стихотворение на злобу дня.

Тему навеяла неожиданно к месту вспомнившаяся известная песня ВИА Ялла «Учкудук».

Вспомнив, что он всегда легко переносил любую жару, под эту мелодию Платон написал свои слова:

*Откуда в России такая жара?
Лесные пожары, пропала вода?!
Достать из колодца нельзя ту без мук.
Ах, где же ты? Где же, пустынный наш друг?*

*Учкудук! Три колодца!
Защити, защити нас от Солнца!*

*Ты надёжный наш песенный друг,
Знаменитый давно «Учкудук».*

*Трава на корню превращалась в солому.
Жара, как тепло, вызывала истому.
И моричилась кожа, топились жиры.
Воды не хватало везде, всем, увы.*

*Невольно я вспомнил и про Учкудук,
Где есть три колодца, и нет таких мук!
К нему бы поехать – не знаю пути.
А как же ещё от жары мне уйти?!*

*Июльское лето, всё топит жара!
От пота отмыться давно бы пора.
Но нету водицы, как некогда, встарь.
Чего-то напутал опять календарь?!*

*В тени давно тридцать, дождя так и нет.
От засухи в глотку не лезет обед.
Так хочется снега, и пить, много пить!
Куда делась нега? Уж хочется выть!*

*Что хочет природа? Москва вся в дыму.
У эко коллапса мы все на краю.
Не только жара и полуденный зной
Создали для нас ареал непростой.*

*Ведь перед природой мы вечно в долгу.
А что происходит? Никак не пойму!
Июльское лето, лютует жара.
Дождя и воды всем давно бы пора.*

*Канавы просохли, пожухла трава.
С деревьев слетела сухая листва.
Шушит под ногами – знакомый мне хруст.
И кошка залезла в тенёчек под куст.*

*Но я от жары не страдаю. О, нет!
Какой же на свете есть важный секрет?
Когда-то в Египте был предок рождён,
И Платом-Атоном был Пийей крещён.*

*Терпеть был воспитан, идучи вперёд,
Вести за собой и ропчащий народ...
Жару люблю с детства, а также зиму!
И дождь люблю, ветер! Всё, видно, люблю!*

Да! По родословной Платона, по обрубкам ветвей его генеалогического дерева получалось, что возможно одна из его ветвей замысловато тянулась аж из Древнего Египта! Скорее всего, именно поэтому он легко переносил жару, в то время как весь народ в основном только и искал спасение от неё.

Платон же иногда думал и об им увиденном и замеченном.

Так он давно обратил внимание, что в транспорте: в электричках, в метро его красивые глаза ещё имели силу. Периодически девушки, блуждая взглядом, вдруг внезапно встречали глаза пожилого мужчины и не сводили с них своих глаз, а то и просто строили ему глазки. Платону было даже неудобно от этого, ибо ему было неудобно отвечать им взаимностью.

Как-то в полной электричке он обратил внимание на сидящую неподалёку у окна симпатичную девушку, не сводящую с него своих восторженно-красивых глаз. Стоящему в проходе Платону даже стало неудобно сталкиваться с нею взглядами, и он чуть смущённо отвернулся к соседнему окну вагона.

Может, хочет мне место уступить?! – поначалу мелькнула у него обнадеживающая мысль.

Но вновь встретившись с девушкой глазами и теперь улыбнувшись ей лишь уголками губ, он понял, при этом сразу немного приосанившись:

Нет, не похоже! Значит, я ей понравился! А почему бы и нет?!

И в голову хоть и пожилого, но всё ещё озабоченного мужчины сразу полезли соответствующие обнадеживающие строчки, выдавая тайно желаемое им за действительное.

И Платон сочинил стихотворение якобы от лица незнакомой девушки:

*Идёт навстречу мне походкой...
Военная ещё в нём стать!
Когда-то был бы он находкой...
Но мне волненья не унять.*

*Сверкает сединой на Солнце.
А бирюзовые глаза
Пронзают душу аж до донца,
Меня пленяя до конца.*

*Подтянут он, не худосочен.
А живота в помине нет.
И голос его громок, сочен.
И жилист он, хоть не атлет.*

*И внешне он спортивен, собран.
И выглядит он не простым.
Ещё по моде был бы «убран»,
Дать фору мог бы молодым!*

*Лица морщины и не портят.
А искорки в его глазах
Любовный обещают фортель!
Но он пока на тормозах.*

*На женщин смотрит то и дело
Интеллектуальное лицо.
Загар его покрыл всё тело.*

Надеюсь, кое-что ещё?

*И я люблюсь этим дедом!
Любуюсь мудростью годов!
Да и влюбляюсь между делом,
Как пионерка, «Будь готов!».*

*Втемяшилась идея в темя.
Такие, девки, вот дела!?
Спросил меня бы: «Сколько время?»,
То я бы дедушке... дала!*

*P.S.
Я же нежная, росток,
Зелёная..., картошка.
Хоть девичий пришёл срок,
Для него я крошка.*

*Да! Ему бы я дала!
Пусть меня окучит!
Нет! Пожалуй, соврала:
Совесть ведь замучит.*

Платону поначалу даже захотелось подойти к ней и познакомиться. Но его мозг быстро просчитал возможное развитие их отношений и последствия этого для всех. И ветеран сдержался, однако, втайне всё же надеясь на инициативу самой девушки. Но вскоре ситуация неожиданно резко изменилась. Девушка встала и, не оборачиваясь, пошла на выход к противоположной двери, будто бы завлекая его за собой. Но Платон устоял.

Если обернётся и призывно взглянет на меня, тогда сорвусь с места! А если нет, тогда и суда нет! – сразу для себя решил он.

Знать, суда нет! А я всё же кобель! Уж жизнь идёт к концу, а ничего во мне с годами не меняется!? – через секунды, наконец, понял он про себя.

Как всё на свете заканчивался июль, однако погода не менялась.

Не менялись и многие люди из окружения Платона.

Например, самый главный «муравей» их садоводческого товарищества – крупный, зрелый мужчина, внешне похожий на попа, или на интеллигента-гуманитария – каждое лето откуда-то перевозил землю на свой участок.

Наблюдая в очередной раз его согбенное, под тяжестью большой тачки с землёй, крупное тело, неспешно даже в жару толкающее перед собой драгоценный груз, Платон вдруг явственно, реально ощутил, как действительно бывают неисповедимыми пути господни!?

И это подтвердилось неожиданной смертью его почти ровесника, через дом соседа по даче, Анатолия Пустовойта.

В пятницу, 30 июля, пока Платон вечером после работы играл за соседними участками в футбол, его соратник погибал от сердечного приступа. Даже прибежавшие на помощь опытные врачи с их садоводческого товарищества не смогли ничего поделать.

И довольно быстро приехавшая на вызов скорая помощь лишь констатировала очередную смерть в этот рекордный чёрный день.

А ведь у Анатолия тоже, но на два месяца раньше, чем у Платона, родился внук, и тоже была внучка – школьница. И всё это от одной из двух дочерей-близняшек.

Ему – пенсионеру – теперь бы только и жить ради внука! Но нет! Судьба распорядилась по-другому! Тяжело теперь будет всем его пяти, из четырёх поколений, осиротевшим женщинам! – сокрушался Платон.

Видимо всё же негативно сказалось невольное скисание мужчины после ухода на пенсию, появившееся ощущение себя никому ненужным, отсутствие ярких хобби и увлечений, трудных и интересных дел, целей и задач, установки на жизнь, в конце концов!? – решил тогда писатель.

А поэт решил, что ему просто необходимо написать памятное стихотворение по этому печальному поводу, и он сочинил его:

*Ушёл внезапно, как хотел.
Но ты же, Толя, передумал?!
Семью оставил не у дел.
А столько многого задумал?!*

*Две дочери..., да внук теперь.
Живи и радуйся надежде.
Твори, работай без потерь.
Будь уважаемым, как прежде.*

*Но не обманеешь судьбы рок,
И не вернёшь печалью радость.
(У каждого из нас свой срок.
Живи, не зная его, в сладость).*

*Ушёл прекрасный человек –
Семьи надежда и опора.
Запомним мы его навек.
Хорошим был он, нет тут спора!*

*Любимый дед, любимый муж,
Отец любимый тоже.
Любимцем был он многих душ.
За то винить негоже.*

*Для многих он примером стал.
Ведь дача – в середине.
Сезон средь первых открывал,
Заканчивал в... «пустыне».*

*Он работающим был безмерно.
Себя в работе не щадил.
И в жизни вёл себя примерно.
К труду и дочек приучил.*

*На велосипедах он с женой
Объездил все места в округе.
Всегда желанной, дорогой,
Он верен был своей подруге.*

*Играл с Наташей в волейбол.
В пинг-понг стол ставил до заката.
Не забивал лишь только гол –
Аристократам это плата.*

*Всем помогал всегда, во всём
Делами, иногда советом.
Доброжелательным при том.
И не был посрамлён наветом.*

*Любимец женщин, друг мужчин.
Его кругом все уважали,
Какой бы не был в жизни чин.
Улыбкой часто ублажали.*

*Его с грустинкою глаза...
Задумчив взгляд, тоска во взоре.
(Есть в жизни трудные места)
Он не пищал, ворча в укор.*

*И срок он жизни угадал –
Печальными глаза бывали.
И это, видно, он скрывал,
Чтобы вопрос не задавали.*

*Ну, что ж, прощай теперь, друг мой!
Ведь мы ровесниками были...
И с непокрытой головой
За гробом родственники плыли.*

*Осиротел теперь твой дом.
А планы были... грандиозны!
Мои попытки... одиозны,
И неуместные при том.*

*Друзья! Давайте погрустим
Об этом славном человеке.
А может быть, за что простим,
И память сохраним навеки!*

*Сверх «тысячи», что мог я дать?
Пожалуй, лишь стихотворенье.
О Толе надобно писать,
Каким бы не было творенье.*

*Какое б не создал творенье,
Я боль хотел им передать.
Ну, вот и всё стихотворенье.
Что можно тут ещё сказать?!*

Но чернота сверх жарких дней на этом не закончилась. Огненный тигр продолжал пожирать пожилых и больных москвичей. Московские крематории работали с перегрузкой. Среди жертв жары оказались и ближайшие соседи Платона по даче – престарелая чета Котовых-Костылиных – Бронислав Иванович со Светланой Андреевной. Об их смерти в Москве Платон узнал лишь в конце лета. Старики умерли почти в течение одних суток, как в романе, 4–5 августа – практически в самый пик жары.

И их единственный сын Алексей теперь унаследовал ещё и двухкомнатную квартиру родителей, как раньше и их дачу.

Задымлённость Москвы и Московской области, особенно юго-востока, где находилась дача Платона, всё усиливалась. Пик пришёлся на среду 4 августа, когда видимость на даче у Платона составила до 100 метров.

В дыму была также и Москва, особенно восточные районы, где проживала семья Кочетов вообще, и сейчас там ночевал после работы, уже вернувшийся, отгулявший часть отпуска Иннокентий.

И вдруг, неожиданно, словно по волшебству, прошедшие два коротких, но интенсивных дождя со среды на четверг открыли перед жителями Москвы и Подмосковья ясное, без дыма голубое небо.

Их радости не было предела! Неужто кризис миновал?

В этот день лёгкий ветерок ненадолго дал надежду на исправление ситуации, но тщетно, на следующий день всё почти сразу вернулось в исходное положение.

Более-менее ясная погода продержалась лишь одни сутки – четверг, 5 августа. А шестого, с утра, видимость в дыму опять упала до 150 метров.

В это утро задымлённость проявилась и в метро, портя не только нервы москвичам, но и влияя на их психику и сознание.

И такой природный катаклизм конечно тоже не прошёл мимо внимания отзывчивого поэта:

*Красное Солнце на землю пыталось
Лучик послать хоть один золотой.
Марево дыма в ответ упиралось,
И побеждало в борьбе непростой.*

*Белая мгла не густой пеленою
Землю накрыла надёжно собой.
Взгляд ограничен её целиною,
Будто идёшь ты по дну, под водой.*

*Но динамическое то равновесие
Робко нарушил дневной ветерок.
Солнце послало своё нам приветствие,
Пробившись лучами сквозь редкий дымок.*

*Лес стал заметней, дома проявились.
Запаха гари почти уже нет.
Птицы поющие вдруг появились?!
Будто так было всегда, много лет?!*

Но, всё же напрасной была наша радость,

*Город опять накрыл сумрачный смог.
Нам удалось продышаться лишь малость,
Силы набраться и терпения впрок.*

*Вновь пелена становилась всё гуще.
Вновь защищало немного глаза.
Вновь воду пить стали мы опять чаще.
Вновь и в работе нажав тормоза.*

*Жизнь замерла чуть везде в ожидании...
Не ведали люди пока до поры,
Расстроив все планы в бесплодном гадании,
Что смог оказался опасней жары!*

P.S.

*Я описать всего не смог.
Ведь нету настроения.
В том виноват, конечно, смог.
Вот всё стихотворение!*

Теперь жара была не только на улице. Неизменно повышался градус и в отношениях Ксении и Анастасии.

С двумя двухдневными перерывами начавшаяся третья неделя пребывания Насти на даче у брата стала излишней, и привела к роковым, но в тоже время ожидаемым, вполне прогнозируемым последствиям.

Обиженная на Ксению, да и на брата тоже, Настя навсегда покинула дачу их родителей, где она тоже провела часть своего детства.

Но в итоге всё получилось как-то естественно и даже гармонично. Хуже было бы, если бы Настя не обиделась и не уехала. Отношения между женщинами продолжали бы накаляться, и Платон бы тогда ломал голову, как бы потактичней выпроводить сестру. И не дай бог приехали бы ещё и дети Платона, и всё это было бы при них. Ему тогда было бы трудно и неудобно перед ними. А так всё разрешилось самым естественным образом.

Главной причиной конфликта между женщинами стал теперь не столько махровый эгоизм Насти, сколько её чрезмерная активность на даче.

Она и в этот раз очень хорошо помогла в огороде. Однако теперь ещё и щедро тратила свои деньги на общий стол, покупая еду, чем даже несколько удивила хозяев.

Но теперь вся эта её материальная помощь подкрепилась и её тихой экспансией не только территории дома, но и участка. По столбам заборов висели её вещи. Всё, чем она пользовалась днём: раскладушка, матрасы, кресла, шезлонги, табуретки, миски, какие-то тряпки и прочее – всё это ею не убиралось на место, захламляя участок и раздражая его хозяев.

Более того, временно предоставленная ей наверху комната Кеши, из-за жары была Настей забракована. И она, не спросив ничьего разрешения, даже не поставив никого в известность, тихой сапой ночью перебралась в гостиную на первом этаже.

И, что примечательно, это было сделано ею не спонтанно, а с заблаговременным расчётом.

В один из дней, предшествующий её переселению, Настя, как показалось Ксении, ни с того, ни с сего, начала вдруг убираться в этой самой большой комнате, что ранее не делала никогда. Она протирала почти годовую пыль, пылесосила древний ковёр, пыталась даже

хотя бы вытрясти на улице ветхие оконные занавески. Но Ксения не дала их портить до покупки новых.

И, как оказалось на следующий день, эта активность сестры была не случайной, не без корыстного расчёта. Уже следующей ночью она тихо перебралась из мансарды вниз, мотивируя свой, несанкционированный хозяевами, переезд невозможно душным и жарким помещением под крышей.

Кроме того, Настя, не убравшись на прежнем месте своего пребывания, разложила на столе в гостиной все свои вещи, как на базаре, игнорируя интересы и даже просьбы хозяев, в частности Ксении.

А так ей, привыкшей жить одной, было удобней.

А с этим хозяйка дома уже никак не могла мириться! Поэтому она, уже нисколько не стесняясь, стала, как малому ребёнку, делать Насте замечания.

Ксению доставало то, что в свой отпуск она почему-то должна, как кухарка, ублажать постоянное желание гостыи, и так потребляющей продукты, как прорва, чего-нибудь поесть вкусенького, потакать её чревоугодию.

Настю невозможно было прокормить. Она даже не выдержала и упрекнула Ксению в том, что не наедается здесь.

Однако хозяйка возразила госте, что заранее предупреждала её о манере, правилах и традициях питания в их семье, на что Настя тогда успокоила её:

– «Меня это устроит!».

Экономная и расчётливая Настя привезла с собой из Москвы опивки и огрызки какой-то её прежней еды.

– «Лишь бы не пропало! И не лень было ей всю эту тухлую тяжесть на себе везти на дачу?» – ещё тогда удивилась и возмутилась Ксения.

Да, Настя не понимала, что своим бесцеремонным и беспардонным поведением просто оскорбляет, унижает и обижает ни в чём не виноватых перед ней хозяев, и прежде всего, своего родного старшего брата.

Её потенциальная алчность проявилась и в постоянном хождении на пустующий соседский участок Котовых за, как считали Платон с Ксенией, весьма паршивым «Белым наливом». Но возможность урвать дармовщину толкала Настю на всё новые набеги в соседский сад.

Платон даже пожалел, что до этого разрешил Насте один разочек зайти туда и подобрать гниющие яблоки, лежащие у их смежного забора, в надежде, что та сама не захочет больше питаться некондиционной падалью.

Но не тут-то было. Ведь чужое всегда лучше и слаще. И Настя повадилась, ставя хозяев в неловкое положение хотя бы перед другими соседями, могущими ненароком заметить злоумышленницу.

По мнению Ксении, Настя даже нарушала божью заповедь, покусившись на яблоки до яблочного спаса.

Более того, Настя это сделала, как вор, как грабитель, забравшийся в соседский пустующий сад, набрав несколько тазов опавшего Белого налива.

– «Ты что мне такую маленькую мисочку дала? Мне приходится по несколько раз ходить!» – упрекнула она Ксению, меняя большую миску на не маленький тазик.

В ответ Ксения сделала Насте замечание, пытаясь спасти её от греха, но та обиделась.

– «Да-а! Настя настоящая... прохондра!» – заключил тогда Платон.

И при всей активности в огороде и в трате денег на общий стол, Настя категорически отказалась играть в бильярд – исторически любимое занятие брата при отдыхе на даче.

Тем она не только удивила, но и обидела Платона, поделившегося этим с женой:

– «Говорил же тебе, что нам Настька здесь не нужна! Видишь? Не играет в бильярд!? Тогда зачем она мне здесь? Без её помощи и денег мы вполне, как всегда, обойдёмся!».

– «Да, я помню, что ты был против её приезда в этом году! Но мне одной здесь было бы скучно!».

– «Ну, вот! Она тебя и повеселила! Теперь будешь со мной соглашаться?!».

– «Да уж! Из двух зол придётся выбрать всё же меньшее!».

Настя также подвела брата и в том, что не пошла на поминки их старого, ещё с молодости, знакомого по даче, почти соседа, Анатолия Пустовойта, хотя Платон и обещал вдове присутствие всех троих. Этим Настя сама себя вывела как бы за скобки их дружного дачного коллектива.

И так, Настя уехала, поставленная Ксенией на место.

Однако она не преминула потом позвонить брату и упрекнуть его в том, что он «Поёт с голоса своей мадам!», опять оскорбив ни в чём перед нею неповинного Платона.

И если теперь Ксению мучила её совесть, то Настю всё ещё мучили её интересы. Но они были теперь далеки от дачи Кочетов, как и интересы других их родственников.

Но 9 августа неожиданно позвонил пьяный Егор и, помня, что отец Платона участвовал в разгроме японцев, пространно поздравил его с годовщиной окончания второй мировой войны, икая, завершив свою речь риторическим вопросом:

– «За что проливали кровь наши деды и... бабы?!».

На благодарность и смех мужа трубку перехватила Ксения, слегка возмущившаяся пьяным откровением свояка:

– «Егор! Ты опять выпил?».

А выслушав его неуклюжие оправдания, добавила:

– «Ну что ты мотаешься, как... в проруби льдинка! То примёрзнешь к краю, то оттаешь на середине!?» – по ходу нашлась она.

– «Да-а! Бороться с пьянством не просто!» – задумчиво заключил писатель.

А всю первую декаду августа страна боролась с дымами и пожарами. В эту летнюю жару были побиты все мыслимые и немыслимые температурные рекорды за всю историю человеческих наблюдений.

Более того, рекорд установила задымлённость, во всяком случае, в Центральном районе России – в Москве и Московской области. Природа словно доказывала руководству возрождающейся и усиливающейся России, что оно не всесильно, что лишь она главная сила на планете Земля.

И поэт опять разразился стихотворением:

*Но дни всё идут, и не видно конца.
Уж многие люди опали с лица.
Морщины покрыли его. И загар,
Как будто от сильного пекла нагар.*

*Слегка похудевшие ходят в тоске.
Не ходят, а бродят, лежат лишь в тени,
Пытаясь прохладу чуть-чуть всё ж поймать,
И ею себя хоть немного обдать.*

*Мы все без воды, как как будто без рук.
Далёкий не сможет помочь Учкудук.
Спасти от жары Учкудук мог бы ты.
Всему же виной сверх размеры страны.*

Но вот воду дали, не так страшен зной.

*Но мы всё рано Учкудук все с тобой.
Для нас ведь в пустыне надёжным был ты.
Теперь же ты стал нам предтечей мечты!*

*Вот, если б пожары ещё затушил?!
А то наши службы уже все без сил.
И торф на болотах горит, и леса.
И даже не видно в дыму небеса.*

*Но вот музыкальный услышал мой слух
Какой-то невнятный, но радостный звук.
Дождя долгожданная, частая дробь
Рождала зелёную, мокрую новь.*

*Всему же когда-то приходит конец.
Жара отступила и дождь, наконец!
Ну, вот, дни прошли, и пропала жара.
Прохладой и нам наслаждаться пора!*

Со вторника, 10 августа, стало полегче, появился ветерок и смог рассеялся, стало возможным свободно дышать.

В среду в Москве стало уже совсем ясно. А с четверга вся столица задышала полной грудью, и её население стало увеличиваться.

И в ночь на пятницу, наконец, разразился и долгожданный дождь с грозой. Природа начала оживать по-настоящему.

Воздух стал почти морской, лёгкие сами дышали. И радость охватила супругов Кочет. Они всё же смогли пережить и перетерпеть длительное удушье.

Но на смену физическому удушью Платону пришло эмоциональное.

В этот период он работал на пару с Надеждой, в то время как другая пара была в отпуске. Поэтому весь информационный понос Надежды невольно теперь выплеснулся на Платона.

Начальнице даже было не лень специально заходить к нему в кабинет и рассказывать и рассказывать о новых успехах своего сына.

Она поведала, что Алексей через интернет раскопал генеалогическое дерево Радзиховичей и даже связался с какими-то, как и он, возможно потомками, то есть со сверхдальними родственниками.

Более того, Надежда на пару с сыном съездила в Минск и его окрестности, где они осмотрели фамильное поместье якобы Радзиховичей, возможно, давних предков Алексея.

Они так увлеклись этим, выдавая желаемое за действительное, что уже невольно стали считать себя чуть ли не князьями.

А с помощью экскурсовода и найденных ранее документов, чьих-то воспоминаний, и предположений, они прошлись по исторически известному генеалогическому древу княжеского рода, определив недостающие фрагменты в новой и новейшей истории, и составив план доказательства своей принадлежности к якобы знатному роду Радзиховичей.

Причём Надежда по несколько раз повторяла одно и то же, смакуя принадлежность её сына к дворянскому роду.

В общем, попал Платон будто бы на шабаш тщеславий и честолюбий.

Теперь он, и не только в отсутствие Гудина, выполнял часть курьерских обязанностей. Ему естественно достались самые дальние адреса, куда надо было ещё и пешком дойти.

Надежда была довольна шустрым подчинённым, за короткий срок побившим все Гудинские рекорды времени и невольно выведшим лукавого старца на чистую воду.

Иногда Платон так увлекался, доставлявшей ему физическое наслаждение скоростной ходьбой, что не останавливался даже на эскалаторе, обгоняя и подуставшую молодёжь.

– «Детки, дайте пройти!» – как-то попросил он их на эскалаторе.

– «Дети – в детском саду!» – нашёлся было перед подружками, возможно, самый интеллектуальный из них.

– «А зачем же Вы оттуда сбежали?!» – оставил за собой пальму первенства, бодро щёлкавший каблуками по ступеням эскалатора, стремительно удаляющийся от них писатель, краем уха, однако, услышавший в ответ залихватистый хохот девчат.

Хорошее настроение сопровождало Платона все дни. Даже возвращаясь с работы, он по-прежнему пребывал в нём, одаривая своим оптимизмом и внутренней энергией всех окружающих вокруг, и не только людей.

Когда количество пассажиров в, идущей в область, электричке заметно поубавилось, а Платон очнулся от невольной дремы, его взору вдруг предстала пожилая женщина, сидевшая почти напротив него с маленьким элегантно подстриженным пуделем на руках.

Она пыталась пересадить собачонку на освободившееся место на скамье, но та, преданная, упорно возвращалась на пригретое место на коленях хозяйки.

Платон невольно вмешался, позвав собачку. Та, сначала заинтересованно взглянула в его глаза, пока оставив свои очередные попытки, потом робко протянула лапку.

Платон сразу распростёр ей навстречу свои ладони, оказывая поддержку, и та преспокойно перешла на его колени, как бы поменяв хозяина.

– «Ну, надо же? Что-то необыкновенное! Она вообще редко уходит от меня, да ещё и впервые в жизни садится к мужчине на колени!» – искренне удивилась хозяйка.

– «Галя! Иди ко мне!» – настойчиво позвала она.

Но тщетно, Галя уже полностью легла на колени незнакомого мужчины и даже прикрыла глазки. А тот гладил её короткие, после стрижки, кудряшки, что-то ласково приговаривая.

– «А Вы не волнуйтесь! Просто я... укротитель кошек, и... женщин!» – успокоил Платон, смутившуюся было неожиданным предательством верной подруги, видимо одинокую старушку, что в дальнейшем и подтвердилось в невольном разговоре с нею.

А на следующий день Платон тоже остался один, но на работе, и ничего, справился!

Он вспомнил, что раньше, на его последней работе в оборонке, часто бывало так, что его оставляли одного решать сложные задачи и разгребать трудные, а то и тупиковые ситуации. Ибо его начальники знали, что он один быстрее найдёт выход из сложной ситуации, без помех от коллег, тем более от своего руководства, примет правильное решение и реализует его.

Но производственное одиночество Платона было недолгим.

После недельного отпуска вышел Гудин.

Иван Гаврилович впервые пришёл на работу небритым, с небольшой полностью седой бородкой, на что соскучившийся от нападков на чудака Платон в присутствии женщин сразу прореагировал:

– «О-о! Он у нас стал, как «Хуймэнгуэй»!?».

Понявшая всё Нона, злорадно засмеялась, а слабая на великий и могучий тоже вышедшая на работу Надежда даже не поняла значений этих слов.

В ответ, понявший смысл Гудин, но не успевший сразу ответить предусмотрительно вышедшему Платону, пристыдил весёлую женщину:

– «Смех без причины – признак...».

Но не успел он закончить фразу, как, выходящая в коридор, нашлась находчивая:

– «Угадай, кто из нас двоих молодая девочка... глупая и невоспитанная!».

Чуть позже Платон через смежную стенку слышал восторженный рассказ старца о своём отдыхе. Но чаще до его уха доносился, пытавшийся перекричать и перебить Ивана Гавриловича, взволнованный на похвальбу голос Надежды Сергеевны.

Проходя мимо, он лишь услышал отрывок их спора:

– «У неё талия... ослиная!» – непонятно про кого, возможно про Нону, и всерьёз ли, объявил Гудин.

– «Вы, наверно, хотели сказать – осиновая?!» – решила помочь подчинённому начальница.

– «Скажи ещё, что дубовая!» – не дал тот ей этого сделать.

Но через пару часов всё стихло.

Надежда опять укатила по личным делам, оставив дачников одних, каждого в своём огороде.

Для Платона вдруг стало привычно тихо, но только лишь до первого телефонного звонка. Заигравшийся в шарики на компьютере Гудин снял телефонную трубку:

– «Это манометр?» – спросили в трубке.

– «Нет! Иван Гаврилович!» – гордо ответил ещё не отошедший от игры.

Зато надолго отошёл от футбола Платон.

В среду, 18 августа, обещали последний жаркий и солнечный день лета.

И прогноз оправдался.

В четверг Платон решил после перерыва всё же прервать паузу и съездить на футбол. Но, оказалось, опять было не суждено. Снова разразившийся ливень с перерывами шёл весь вечер и всю ночь.

И утром в пятницу на улице оказалось всего 9 градусов тепла.

Платон ещё несколько раз пытался съездить на футбол, но у него это так и не получилось.

В результате всего за пятнадцать игровых вечеров он забил всего 18 голов, но зато в этот сезон дал партнёрам 32 результативных паса.

Но один из его голов особенно запомнился Платону, так как был им мастерски забит после удачных коллективных усилий партнёров.

Разыграв с вратарём мяч от ворот, Александр Кислов не стал по обыкновению обводить всю команду соперников и завершать атаку мощнейшим ударом с близкого расстояния, а сделал длинную навесную передачу на левый фланг атаки. Очень высокий юноша Максим с садоводческого товарищества Платона в одно касание перевёл мяч головой по диагонали вперёд, но на правый фланг, почти на границу штрафной площади соперника. И тут Платон, стоя полубоком, почти спиной к воротам, неожиданно даже для себя подпрыгнув, кивком головы, тоже по диагонали, перебросил мяч через выбегающего вратаря прямо в дальнюю от себя «девятку»!

Однако аплодисментов от партнёров и соперников в этот раз почему-то не последовало.

Платон поблагодарил, сделавших вместе с ним гол, коллег, поняв, что дети давно привыкли к его мастерству, и их теперь не удивишь даже редким проявлением того с его стороны.

Платон также обратил внимание, что в этом сезоне Алексей Грендаль стал каким-то грустным и вялым. Более того, из его тела теперь вывалился явный живот, он стал реже играть в футбол, а играя, старался меньше бегать. Как оказалось, в мае он похоронил свою мать и теперь жил совершенно один.

Он также в этом году почему-то перестал курировать голевой баланс товарища, да и другие игровые партнёры предпочитали получать пасы от дяди Платона, не давая ему ответных передач даже при более выгодном положении того у ворот соперника.

Исключение всегда составлял только лишь футбольный маг Александр Бурков, дававший всегда пасы открытому партнёру, независимо от умения того играть в футбол, да изредка, в знак уважения, соседи Платона по его садоводческому товариществу.

Так что этим летом спортивный сезон Платона не совсем удался.

Ксения лишь иногда составляла компанию мужу в бильярд, значительно чаще соглашаясь посоревноваться в настольный теннис.

Ведь теперь играть в беседке при любой погоде и в любое время суток было одно удовольствие. Но эти игры продолжались лишь до середины августа, когда на заключительный турнир прибыл и Кеша.

Иннокентий по возвращении из Анапы восстановил взаимоотношения с Кирой, и даже в этот раз привёз её на дачу с ночёвкой, составив, наконец, заждавшемуся отцу и компанию за бильярдом.

А Екатерина с Виталием так ни разу и не приехали к отцу, несмотря на неоднократные обещания посетить его дачу в этом году.

Племянник Василий Олыпин, ещё в мае помогший дяде с доставкой на его дачу нового душевого бака, со всеми своими пятью детьми от двух браков, женой Дарьей и няней, на три недели съездил на своей новой восьмиместной машине в пансионат Алушты.

И вообще они попутешествовали по всему Крыму и части Украины, договорившись и встретившись в Киеве со вторым сыном Платона Владимиром. Их путешествие затянулось почти на месяц, а возвратившись в Москву, они принялись активно готовить младшего сына Гавриила к первому классу.

К понедельнику, 23 августа, земля, наконец, напилась. Природа совсем оживилась.

Опять появились характерные для этого времени года вкусные запахи зрелого лета.

Возможно, поэтому, Платону опять вспомнились ещё с детства знакомые запахи позднелетней после дождя Москвы.

Вечером на даче, настроившись на лирический лад, он записал:

*Ну, вот, наконец, мы дождались дождя!
И знойного лета пропала пора!?
Дышать стало легче, развеялся смог.
Но большего сделать пока дождь не смог.*

*Вмиг влагу впитала сухая земля.
Ещё бы нам надо дождя бы, дождя!
И он хоть и редко, но всё же идёт.
Комфорт для природы собой создаёт.*

*Неделя прошла лишь, и зной весь забыт.
Потоки воды с крыши – дождь землю долбит.
Уже стала мягкой сухая земля.
И вновь оживились спросонья поля.*

*Трава зеленеет и что-то растёт,
Собой изумрудный ковёр создаёт.
Жара прочь пропала и холод возник.
Что, осень настала? – народ снова сник.*

*Такие уж люди, всегда им не то.
То жарко, то сыро, то снег заодно.
То холодно, душно, и снега всё нет.
Погода любая, как скопище бед.*

Давно всем известно из песни одной:

*В Москве не бывает погоды плохой.
Ведь всякая в жизни она благодать!
И люди должны то давно бы понять!*

Да! Понять это и многое другое людям не мешает! – решил писатель.

Платон давно заметил, что в процессе совместного труда, будь то семейный, или общественный, производственный, учебный или спортивный – люди невольно как-то сближаются.

На второй план уходят обиды, склоки, недовольство друг другом. А они, одержимые общими идеями, проблемами, целями и задачами, начинают спланиваться, даже дружить.

Так получилось у Платона и с Иваном Гавриловичем Гудиным.

Накануне его дня рождения, 24 августа, при очередной большой перегрузке коробок на минскую машину, он сам, первый, заговорил с Платоном. И тому ничего не оставалось делать, как невольно, формально, слушать своего антипода, не поддакивая ему, но и не отнекиваясь, не игнорируя его. Платон, в общем, продолжал свою линию холодности и безразличия по отношению к лукавому старцу.

Но день рождения Гудина, 25 августа, был отмечен на редкость в тёплой, дружественной обстановке.

Накануне заложенный Иваном Гавриловичем расчётливый фундамент в якобы улучшение отношений с Платоном, дал свой результат.

За столом Гудин часто сам первый, причём уважительно, обращался к Платону, взамен получив о того два тоста – за внуков и за Галю.

Старалась не отстать от подчинённых и их начальница. Надежда Сергеевна, одетая по случаю дня рождения Гудина почему-то в ярко красную блузку, произнесла какой-то очень мудрёный тост, из которого никто толком так ничего и не понял, за что же они пили?

– «Когда женщина изображает дамистость при явной бабистости – это смешно!» – уже на улице поделился со вторым пересмешником Гудин.

Умный любит ясное, а дурак – красное! – почему-то вдруг вспомнил Платон изречение его первой учительницы Марии Михайловны Медведевой.

– «Да и вообще, Надька у нас совершенно непородистая!» – захотел развить тему Гудин, продолжая делиться нетрезвыми мыслями с Платоном.

Но тот опять промолчал, но теперь в знак согласия.

Ведь породистость человека он определял величиной расстояния от земли до шва в промежностях его брюк. Чем расстояние больше, тем человек и породистей! Так что Надежде до этого параметра было чрезвычайно далеко, да и, пожалуй, не достижимо в поколениях ближайших потомков.

И Платон не стал отвечать Гудину и развивать эту тему, так как на даче его уже заждались голодные кошки.

Уже в сумерках он увидел их всех троих, дружно встречающих хозяина у калитки. Традиционно поздоровавшись с ними, погладив по лобику и потрепав каждую по загривку, Платон первым делом наполнил их плошки сухим кормом «Роял Канин Фит-32», и принялся переодеваться.

Через некоторое время он вернулся в дом из сада, чтобы выпустить всех насытившихся на улицу, но младшей Сони нигде не было. После еды она обычно забиралась на чёрный телевизор, или нападала на свою старшую сестру Мусю, не то, играя с нею, не то, обижая её. Платон периодически делал озорной устный, но строгое замечание.

Наконец беглянка нашлась! Чтобы спрятаться от хозяина и не слышать его упрёки, беленькая Сонечка перебралась с чёрного телевизора на высокий белый холодильник, в общем замаскировалась.

Последняя полная неделя лета подходила к концу.

А в субботу, 28 августа, в Москве завершился III-ий спортивно-юношеский фестиваль российских соотечественников зарубежья.

Около семисот юношей и девушек 1993–1996 годов рождения из пятидесяти одной страны в течение пяти дней соревновались по шести видам спорта. Для участников соревнований была подготовлена и обширная культурная программа.

Однако в команде Аргентины, насчитывавшей всего десять человек, пока не было внуков Платона. Старший из них уже перерос, а младший ещё не дорос до возрастного ценза.

Но у Диего будет ещё возможность приехать на следующий фестиваль в Москву на соревнования по мини-футболу и повидаться со мной! – успокоил себя Платон.

То же самое произошло и с выступлением в Москве 18 и 23 августа мастеров аргентинского танго.

Среди них естественно ещё не было, да и не могло быть, аргентинских внушек Платона, очевидно не стремящихся в этом деле в профессионалы.

Последние выходные дни лета он провёл на даче один, без Ксении. Та готовилась к выходу на работу.

Более того, по её предложению, для завершения ремонта на кухне и в прихожей они всё же решили нанять своего нового хорошего знакомого Петра, оказавшегося мастером широкого профиля по выполнению различных ремонтных квартирных работ.

Это сэкономило бы для Платона много времени, которое для него было бы лучше использовать для творчества, и немало сил, необходимых для других многочисленных дел не только в доме, но и на двух дачах, в гараже и с машиной. Так что своё согласие и деньги он и в этот раз дал.

В номинале Петру предстояло всего лишь застелить пол ламинатом и поклеить обои в прихожей.

А Платону на то время пришлось невольно спланировать излишне долгое пребывание на даче с кошками, дабы те, да и он сам, не мешали бы работе. И он был готов к этому, к тому же погода пока располагала.

Платон, наконец, покосил и убрал на компостную кучу всю траву, не тронутую по противопожарным соображениям около дома во время жары и выросшую в саду и в огороде уже после её окончания.

А так он в основном занимался сбором и солением огурцов. Жаркое солнечное лето и регулярный полив дали самый высокий за всю историю их дачных наблюдений урожай огурцов, кабачков и петрушки.

Но утром, 31 августа, Платона встретило уже всего 2 градуса тепла.

Вот так и окончание знойного лета?! – удивился к жару привыкший.

И в последний день лета, по погоде больше напоминавший конец октября, Платон вдруг обнаружил, что их дачные болота практически высохли. Дожди хоть и шли, но они пока не восполняли потери воды от засухи прошедшего знойного лета.

– «Да, да, да! Колоритное получилось лето! Я бы даже сказал – калорийное! Но тёплое, знойное лето – завершилось!» – сообщил жене по телефону наблюдательный писатель.

Глава 4. Золотая осень

А какая после такого знойного лета будет осень? – с тревогой задавал себе вопрос дачник Платон.

Хоть лето и было знойным, но закончилось-то оно дождём! – с надеждой сам себя вопрошал писатель.

И сам себе же поэт неожиданно ответил:

*Вот и лето пролетело.
Пролетело вмиг оно.
Завершилось, ясно дело,
Лужей с теплом у метро.*

Да! Подавляюще количество московских отпускников и практически все столичные студенты возвратились в Москву. В электричках и в метро стало тесновато. В иные дни на некоторых станциях в часы пик было просто яблоку негде упасть.

В то же время настоящих яблок, и не только из-за жары, но и из-за тотальной обрезки двух самых больших и плодоносящих яблонь, у Платона было очень мало.

А айвы и дички-груши в этот год не было совсем.

Однако теперь Платон, наконец, решился и купил саженец нормальной, сортовой груши, так как в его саду освободилось подходящее место для её посадки.

Кроме того, агроном Юрий Иванович обещал по весне привить на дикую, но очень крепкую, красивую и даже к месту давно растущую в саду Платона грушу, черенки хороших сортов от груши их бывшего председателя Марии Ивановны.

Так что у давнего любителя жёлтых плодов: дынь, бананов, абрикосов и тем более груш, появилась теперь надежда, когда-нибудь поесть хоть их из собственного сада. И не надо будет при этом вырубать ещё мамой посаженную дико плодоносящую грушу.

Из-за хорошей погоды Платон продолжал поливать огурцы в парнике, которые так и не останавливались в росте. В итоге и получился рекордный урожай.

Из-за затянувшегося дома ремонта он продолжал жить на даче с кошками, но вечерние сумерки уже не позволяли ему долго работать в огороде.

Время за приготовлением ужина и переработкой незначительного количества яблок помогали коротать телевизионные детективные сериалы.

А в самом начале сентября племянник Василий обрадовал своего дядю Платона, сообщив ему, что вся Москва обклеена афишами с информацией о концерте Жана Татляна 9 октября в Кремле.

Через несколько дней и сам его давний почитатель убедился в этом, обнаружив соответствующие афиши в начале и в конце даже такого короткого бульвара, как Яузский.

Вскоре это же сообщение для брата повторила и Анастасия.

А тем временем мастер Пётр всю старался с ремонтом в Москве.

Ему пришлось ещё и частично переделать электропроводку на кухне, сделать пороги на лоджию и у входной двери.

Кроме того, много времени у него ушло на крепление плинтусов и размещение в них электропроводов, вырезание по месту и приклеивание по углам стен пластмассовых уголков различных размеров и цветов.

Но, как известно, аппетит приходит во время еды.

Ксения предложила мужу воспользоваться случаем и заодно поменять старую, более чем тридцатилетней давности кухонную мебель.

Предусмотрительный Платон давно просчитал такой вариант и был готов к этому. Он сразу согласился и дал денег.

Согласовав с мужем, Ксения выбрала гарнитур, заказала, оплатила, и тот быстро доставили.

Пётр с удовольствием и быстро собрал новую мебель, повесил шкафы-полки и установил столы-тумбы на новый пол. Ему, правда, пришлось несколько повозиться с креплением навесной мебели, так как стена была неровной, да и слой штукатурки излишне толстым.

Но к концу сентября ремонт в основном был завершён.

Оставшиеся мелкие недоделки и недочёты супруги Кочет решили исправить позже и самостоятельно.

Уж очень Ксении надоело смотреть на работу слишком себя любящего и уважающего, уроженца Украины, Петра.

Тем временем и Платон завершил основные сезонные дела на своей даче. Теперь можно было переезжать с кошками в Москву.

По вечерам после работы все три кошки встречали Платона у калитки.

Вечером они выбегали на улицу и играли в салочки, в основном Тиша с Соней. Но почему-то всё время водил кот. Мелкая и вёрткая Сонечка умудрялась каждый раз ускользнуть из-под его носа.

Платон давно и так крепко сдружился с ними, что те понимали своего доброго и чуткого, потому предсказуемого, хозяина буквально с полуслова, одного взгляда и даже жеста.

Они теперь были для Платона словно закадычные, во всяком случае, точно верные друзья, которые с годами не уходят от него прочь.

А в общении с бывшими школьными и институтскими товарищами и коллегами по прошлой работе Платон не видел никакого смысла. Ворошить прошлое, вспоминать, «скулить о девичьих делах», просто «жевать сопли» – он не любил и не хотел.

Надо жить настоящим и идти вперёд, только вперёд! – искренне считал Платон.

И был прав, по большому счёту!

Со второй недели сентября началось бабье лето.

Оно было не жарким, с переменной облачностью и практически сухим.

Вместе с бабьим летом на Платона нахлынули воспоминания о маме.

И в годовщину её смерти он записал наставление для потомков:

*У каждого есть в жизни мать.
Или была она когда-то...
Моё волнение не унять...
Ведь тяжела так их утрата.*

*Так берегите матерей!
Они всегда за нас страдают.
Они всегда – всё для детей.
Но часто их надежды тают.*

*Да! Мы надежда матерей!
Что не сбылось – должно в нас сбыться.
И сбыться точно, поскорей.
Иначе же зачем родиться?!*

*Не забывают никогда
Тепло и ласковые руки.
Их вспоминают иногда.
Хотя бы в час..., и в дни разлуки!*

В пятницу, 10 сентября, провожали уволившуюся Нону Петровну Барсукову. Совершенно случайно на её проводы, кроме Надежды Сергеевны, собрались только Ноне искренне сочувствующие местные интеллигенты-интеллектуалы Галина Александровна и Платон Петрович.

Вчетвером сели в кабинете Платона. За лёгкой выпивкой и весёлым дружеским разговором время летело незаметно. Темы затронули разные.

Невольно вспомнили и про отсутствующих мужчин:

– «А где твои... двое из ларца?!» – спросила Нона Надежду.

– «Тупой и ещё тупее!» – вполголоса поправил её Платон, вызвав лёгкий смешок Галины Александровны в знак согласия с коллегами.

Не слушая объяснения Надежды, Нона продолжила свою мысль:

– «Гаврила наверно меня ненавидит? Как увидит, так презрительно отворачивается!».

– «Да он вообще надменный, как... негр! Тоже страдает комплексом неполноценности. Хотя выражением морды своего лица всё пытается поднять свою значимость!» – уточнил инженер и человеческих душ.

И в итоге, поддавшись подстроенным недругами обстоятельствам, хоть уже и пенсионерка, но всё ещё красавица, Нона ушла в... вышестоящую организацию, на прощание, пожаловавшись квази подругам:

– «Меня так вчера продуло, что я простудилась, и у меня из всех дыр потекло! Ха-ха-ха!».

Платон привык, что Нона иногда позволяла себе лишнее, невольно компрометируя этим всех присутствующих и его лично.

Через несколько дней писатель почувствовал, что ему явно не хватает общения с озорницей Ноной. Теперь ему не с кем было перекинуться хоть парой иронично-саркастических фраз по поводу поведения их общих коллег и сослуживцев.

В раздумье об этом он шёл к метро по тротуару. И вдруг! Платон взглянул и обомлел? Впереди шла... жопа! Она даже не шла, а как-то смешно переваливалась в почему-то и для неё тесных, хотя и огромных штанах!?

Да, Нонке тоже бы не помешало сбросить лишние килограммы! Тогда она стала бы стройнее и сексуально привлекательнее! – почему-то мечтательно рассуждал сам с собою Платон.

Да! Человек иногда должен принимать судьбоносные решения в своей жизни! – вдруг вспомнил он и свои давние решения.

Ведь в своё время его отец, Пётр Петрович, часто шутил в разговорах с сыном по поводу затянувшегося увлечения того футболом, по его мнению в ущерб основной учёбе в институте:

– «У отца было три сына: двое умных, а третий... футболист!».

– «Поэтому во мне, как в единственном сыне моего отца, со временем двое умных «сынов» естественно перебороли одного футболиста!» – по этому поводу как-то объяснил он жене.

– «И жизнь твоя вошла в норму!?» – подвела тогда итог Ксения.

– «Да, вошла, но не сразу! Хотя жизнь, а может быть и сам Бог, неоднократно мне подсказывали и намекали на то, что мой путь в жизни другой!» – уточнил Платон, сразу кое-что вспомнив о начале своего основного трудового пути.

Да и неожиданная четвёрка за всеми признанный прекрасный дипломный проект, как потом оказалось, была ему сигналом от Бога, что он пытается заняться не своим делом, что его предназначение в другом, о том, что его путь, на этом, им самим выбранном поприще,

будет холостым выстрелом, и чтобы он не строил на счёт этой технической работы по космической и ракетной тематике далеко идущих планов.

Так оно в итоге, спустя три десятка лет, и получилось.

В дальнейшем уже не испытывая никаких иллюзий, Платон прошёл тернистым путём развала великой страны, дорогой крушения некоторых идеалов, целей и жизненных планов, и даже пробы себя в нецивилизованном бизнесе.

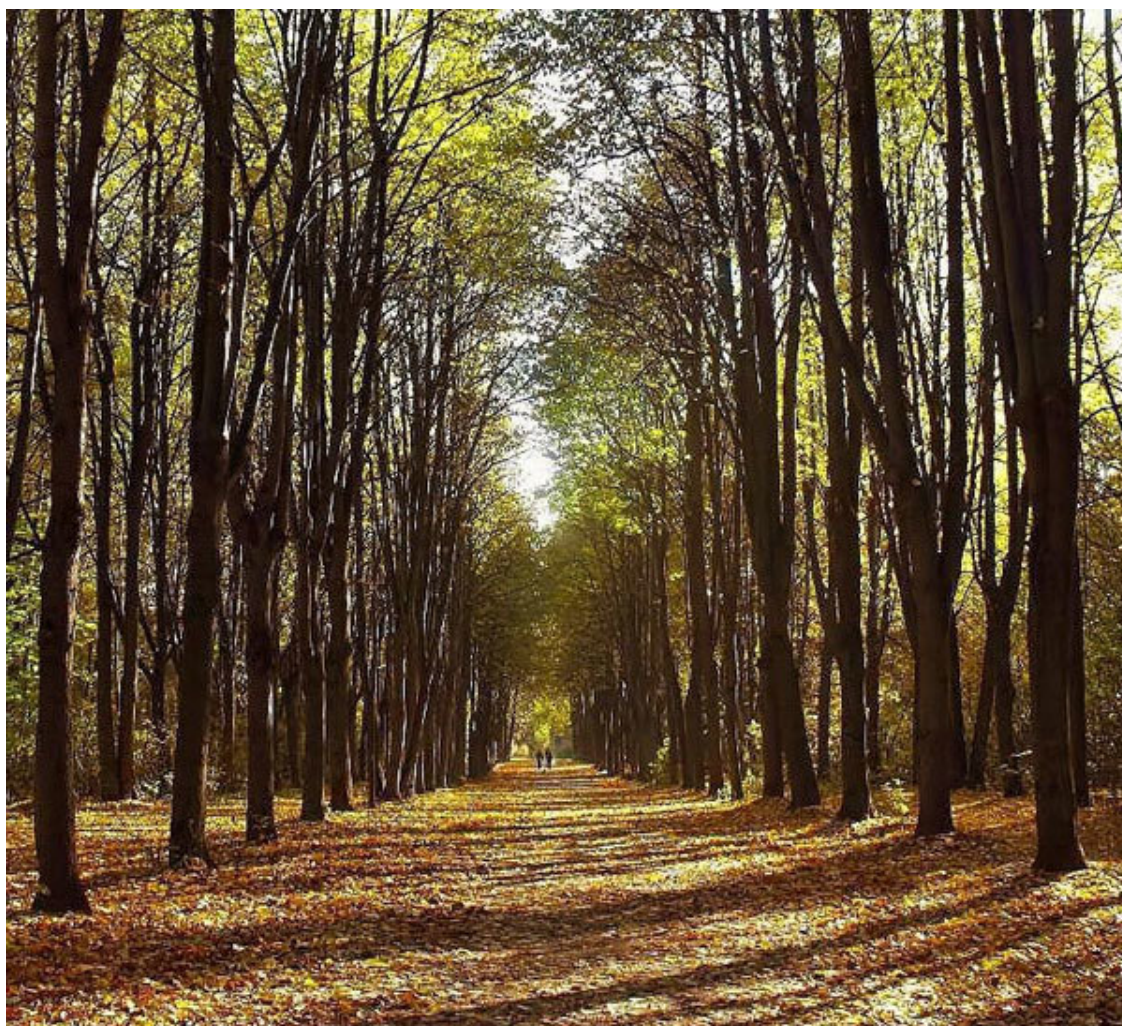
А в итоге он нашёл для себя тихую заводь, навсегда порвав с наукой, техникой и бизнесом, из творца материального превратившись в творца духовного, став поэтом и писателем, и совершенно не жалея об этом.

Более того, Платон в этом, теперь весьма любимым им занятии, чувствовал себя истинно свободным, по-настоящему творческим, ни от кого морально и интеллектуально независимым. Он просто самовыражался, как, например, окружающая нас природа.

И она, наконец, выразилась. Погода конца второй декады сентября стала нормой для этого месяца. Листопад набирал силу, засыпая городской асфальт и землю дворов, бульваров, скверов и парков буро-жёлтыми листьями.

В иных местах картина этого была просто величаво-сказочной.

Целенаправленно гуляя по парку усадьбы Кусково, домашний фотохудожник Ксения не смогла пройти и мимо этого факта.

А день осеннего равноденствия, как ни странно, возбудил в сбалансированной душе поэта всплеск новых эмоций, вылившийся на бумагу новым стихотворением о природе, об её флоре и фауне:

*Повеяло худым ненастьем.
День съёжился до полу дня.
Я, напоённый лета счастьем,
Жду окончанья сентября,*

*Когда золотой придёт октябрь,
И землю соком напоит.
Ну, а пока идёт сентябрь,
И с бабьим летом, как... пшит.*

*А, отдышавшись после зноя,
И в предвкушении зимы,
Воспринимаем дождь не ноя,
А лишь, как благо, для души.*

*Вот кошки ждут, когда их с дачи
Я заберу с собой домой.
В Москву вернусь я... без отдачи,
Как на свидание с женой.*

*И вот, кончается сентябрь.
Удачным оказался он.
За ним опять спешит октябрь.
В природе он – хамелеон.*

*Раскрасит всё палитрой цвета –
Буро-зелёные леса...
Не тронет он, пожалуй, где-то,
Лишь голубые небеса.*

Да! К счастью, тронуть небеса никому не под силу! – осознал философ.

После последней ночёвки на даче, утром во вторник 28 сентября, по пути на станцию Загорново, Платона неожиданно осенило:

А хорошо, что у власти у нас сейчас Медведев и Путин, а в Москве – Лужков – сильные, крепкие, деловые мужики, знающие, что и как делать!

Но уже днём он неожиданно для себя услышал об отстранении Медведевым Лужкова от власти в Москве, что просто ошарашило не только Платона, но и многих москвичей.

Ну, вот! Опять сглазил! Эти «Невские головастики» теперь уже окончательно достали трудовую московскую пчелу! – сокрушаясь, понял писатель.

Впервые и у Платона Петровича Кочета подорвалось личное доверие к Дмитрию Анатольевичу Медведеву, как и у того к Юрию Михайловичу Лужкову.

И тогда Платон предложил своим знакомым теперь считать 28 сентября Всероссийским Днём выражения недоверия!

И лишь к концу года из интервью президента он услышал членораздельное объяснение причины этого, и согласился с ним, восстановив в своём сознании высокий президентский рейтинг.

– «Да! Деньги портят людей! Особенно большие деньги... больших и хороших людей!» – невольно вслух для Ксении согласился он с изложенными президентом фактами и приведёнными доводами.

Начался октябрь. Платон теперь жил дома, вечерами периодически сидя за компьютером. Углубляясь в своё творчество, которое просто поглощало его, он полностью отвлекался от всех иных забот и посторонних мыслей.

Но как-то раз от любимого занятия его неожиданно оторвал характерный звук пришедшей SMS-ки. И в очередной раз, устно послав подальше надоевшего оператора, Платон вновь углубился в свои занятия.

За ними он полностью становился самым собой. В эти моменты с него окончательно слетало ещё оставшееся вынужденное, наносное, искусственное, ему ненужное.

И он постепенно, строчка за строчкой, превращался в творца своих идей и мыслей, эмоций и переживаний, просто в ТВОРЦА!

И Платон действительно творил. За компьютером он распечатывал ранее написанные стихи, ещё раз редактируя их. Но текст прозы он набирал сразу, дополняя, подправляя, переделывая, переставляя и переиначивая его.

В общем, он работал серьёзно, причём много, практически все вечера, всё своё свободное, и не только, время. Он просто так привык относиться к своему любимому делу, отдаваться ему без остатка, а то и без оглядки, не тратя силы и время на пустое созерцание, и потребительское восприятие окружающей действительности, воистину, как настоящий творец и создатель!

К сожалению, многие женщины не видят в своих мужьях проявлений Творца и Созидателя. К ним относилась также и жена Платона Ксения.

Невольно перечитывая свои старые, первые произведения, с целью их редактирования перед изданием, Платон увидел, что за прошедшие шесть лет его мастерство возросло, он стал выражать свои мысли точнее и сочнее.

И, главное, он теперь занимался делом, любимым и, как ему тогда казалось, важным делом – тем, чем он мог плодотворно заниматься с пользой для себя и для других людей.

Платон вдруг вспомнил, что ему ещё с детства было смешно смотреть на разного рода бездельников, в том числе, как ни странно, в частности, на поющих и особенно танцующих людей.

Почему-то в такие моменты он всегда смотрел на них свысока, невольно относясь к ним высокомерно. Хотя уже в молодости и ему самому приходилось часто танцевать, но только исключительно с целью познакомиться и в буквальном смысле тесно пообщаться с девушками.

Как-то одна из его знакомых откровенно созналась ему:

– «Танцы – это повод пообщаться с незнакомым мужчиной!».

Все эти золотые октябрьские дни Платон думал о целесообразности посещения концерта Жана Татляна в Кремле. Его смущало обилие других артистов, указанных в афише. Их вместе с ансамблями набиралось два десятка. Да и на даче дел, как всегда, было много.

Если каждый из них пропоёт хотя бы одну песню, то тогда, сколько же останется петь непосредственно самому Жану Арутюновичу?! – рассуждал раздосадованный поклонник.

А слушать других, да ещё за такие деньги, ему было ни к чему.

Своими сомнениями он делился и с близкими ему людьми, тоже почитателями творчества «Золотого Жана», но те, понимая коллегу, всё же дружно советовали сходить на концерт.

– «Платон Петрович! Но это же бенефис Вашего кумира! Да ещё в Государственном Кремлёвском дворце! Это же праздник! А все дела Вы всё равно не переделаете! А не пой-

дёте – будете потом жалеть и переживать!» – уговаривала неожиданно для неё засомневавшегося коллегу бывшая интеллигентная москвичка Галина Александровна, тоже хорошо знакомая с творчеством Татляна, любившая и уважавшая его.

Дни шли, и сомнения Платона постепенно стали рассеиваться.

Ладно! Живём ведь один раз! В конце концов, когда ещё мне доведётся его увидеть и услышать вживую? Да и я ведь никуда больше не хожу, пенсионерские деньги попусту не трачу! – начал он сомневаться.

А если я не схожу на концерт Жана Татляна, ведь потом всё время буду сожалеть об этом, ругать себя за малодушие! А дачные дела действительно никуда не денутся! Неравнозначно это! Ладно, пойду! – всё же окончательно решил он.

Седьмого октября Платон на себя и Ксению купил билеты на концерт, решив, что именно в золотую осень ему тем более и следует послушать своего «Золотого Жана», который уже давно, как птица Феникс, возродился из пепла.

И вот, отложив дачные дела, в субботу девятого октября Платон с Ксенией поехали на бенефис Жана Татляна в Государственный Кремлёвский Дворец.

Уже на выходе из метро «Площадь революции» спрашивали лишний билетик.

Давно такого не было! – порадовался Платон за своего кумира.

Народу шло много. Со всех направлений потоки зрителей стекались в Александровский сад и к Троицким воротам Кремля. Но там их ждали заграждения и даже конная милиция.

Платон с Ксенией за счёт манёвренности бывшего футболиста умудрились протиснуться вперёд, обойдя многих валяжных зрителей, сократив время и расстояние.

Однако в рамке металлоискателя внутри Троицких ворот «железного» Платона ждало очередное разочарование.

Хоть он и переложил весь мыслимый металл из карманов в пакет, но сразу предупредил охрану, что рамка всё равно будет звенеть, даже если он разденется догола.

Так оно в очередной раз и получилось. Не поверивший ему охранник вскоре убедился в устойчивой тенденции, и, дабы не задерживать любопытную нервничающую толпу за спиной бедолаги, пропустил того через ручной металлоискатель, «обнюхав» его телом своим переносным прибором с положительным для Платона результатом.

Поскольку супруги Кочет во многом как всегда из-за женщины в этот раз немного припоздали к запланированному Платоном времени, им не достались ни программка, ни фонарики, ни какие-либо другие возможные сувениры и информационные материалы.

Места оказались в середине балкона, а зал был почти полон.

Платон, конечно, не удивился обилию своих ровесников, но его опять поразило обилие зрителей и всех других возрастов!

И вот волшебное действо началось! И Платон сразу успокоился.

Оказывается, многие песни на своём бенефисе его кумир, под аккомпанемент легендарного Ленинградского джазового коллектива Диксиленд, исполнял дуэтом с заявленными в афише артистами, не забывая и солировать.

Но начался концерт традиционным фильмом о Жане Арутюновиче Татляне, озвученным приятным закадровым голосом Артёма Карапетяна.

Затем Жан Арутюнович спел несколько песен, в том числе дуэтом с Юлией Савичевой, Татьяной Булановой, Тамарой Гвердцители, Ларисой Долиной, Вероникой Агаповой, Армине, Астой, Александром Олешко и Владимиром Маркиным.

На концерте также выступил и его персональный гость – известный итальянский певец Альбано, но спевший дуэтом с Армине.

С группой «Доктор Ватсон» Жан Арутюнович также исполнил «Лучший город Земли», а с ансамблем «Самоцветы» – «Корабли».

Платон заметил, что маэстро иногда стал забывать слова текстов песен. Это было слышно опытному почитателю его таланта.

Иногда это делалось Жаном Арутюновичем специально, заранее обдуманно.

Но иногда чувствовалось доли секундное замешательство.

И тут же маэстро придумывал довольно удачное другое слово, чем вызывал восторг благодарных слушателей. И только всего лишь один раз в соседних строках куплета он вынужден был повториться.

Но больше всего Платону понравилась, неожиданно приятно удивившая его, реакция жены Ксении на выступление его кумира.

Ксения не только фотографировала, но и дольше всех аплодировала, не забывая и кричать «браво»!

Она ещё раз согласилась с мнением мужа о красоте, силе и многообразии голоса его кумира, о его необыкновенном умении дышать во время исполнения песен.

Да и сами песни понравились Ксении.

Платон тоже не бездействовал, записывая на свой диктофон только лишь новые песни своего кумира, коих оказалось три.

Особенно на него произвела впечатление песня «Рай любви» на известную мелодию «Бесамо муче». А прекрасные новые слова к этой всемирно известной музыке были написаны самим Жаном Татляном.

Платон тогда ещё подумал, что оказывается, Жан Арутюнович всё-таки использует новые тексты на старые мелодии!?

А завершил он своё выступление конечно коронным «Русским блюзом».

После окончания концерта Платон с Ксенией встретились в условленном месте у выхода из Дворца со своими свояками: Егором с Варварой и Александром с Наталией.

Вшестером не спеша прогулялись по Александровскому саду и Красной площади до Васильевского спуска.

Лишь вначале пути пожилые мужчины, как собачонки, отметились в знаменитом бесплатном общественном туалете около Исторического музея.

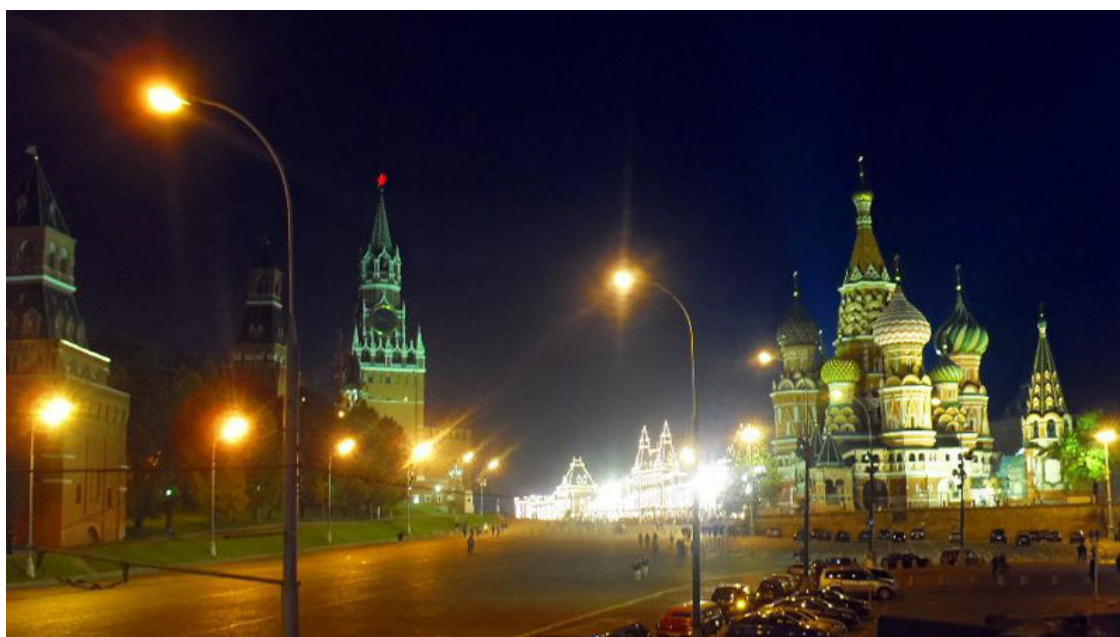
Ксения в основном фотографировала, соскучившиеся по общению женщины без умолку щебетали, а шедшие позади них мужчины прикрывали их тылы неспешным обменом мнениями об увиденном и услышанном, и не только на концерте.

Они давно не были в центре столицы у Кремля. Поэтому восторженно реагировали на обновленные здания и экстерьер Красной площади.

Художник Александр обратил всеобщее внимание на красоту модернизированных и отремонтированных Манежной площади, Александровского сада, Нового здания гостиницы «Москва», Исторического музея, Кремля, Красной площади и Храма Василия Блаженного.

Уже расставаясь, все обратили внимание на необыкновенный пейзаж Красной площади со стороны Васильевского спуска, который Ксения сфотографировала всем на память.

И словно напоминанием им о только что завершившемся концерте Жана Татляна, опять для них сияли «Мои ночные друзья – фонари»!

Распрощавшись, Егор с Варварой свернули на Москворецкую набережную в сторону своей высотки, а остальные пошли по Москворецкому мосту и по большой Ордынке до станции метро «Третьяковская».

Распрощались перед входом на эскалаторы. Пожимая руку, Александр как-то виновато улыбнулся Платону. Ему ведь в этот раз так и не удалось излить душу другу по поводу новых поворотов в их взаимоотношениях с Наталией.

Платон же с Ксенией, довольные друг другом и проведенным вечером, вновь возвращались к своим домашним заботам.

На следующий день символично наступило 10.10.10.

Золотая осень, голубое небо, морозно ночью и жарковато днём, чистый воздух – красота, да и только!

Как никогда в приподнятом настроении Платон работал на даче, пытаясь за одно воскресенье всё же выполнить двухдневный план своих работ. И это ему, накануне прекрасно морально отдохнувшему, во многом удавалось.

Но в понедельник, 11 октября, золотая осень вдруг закончилась. Небо заволокла сплошная облачность, стало пасмурно.

Из-за такой погоды у Платона прихватило горло. А причиной того был поход в Кремль с непокрытой головой после её дневного мытья и короткого, из-за задержки Ксенией дома с ремонтом, перерыва перед выходом на улицу.

На следующий день начался сильный листопад. Особенно усердствовал клён со своими жёлтыми, просто густо-золотыми листьями. Но другие деревья оголяться не спешили.

Ещё летом, неожиданно от жары сбросив пожухлую листву, они теперь не торопились с последними листьями, стояли под листвой до конца октября.

И вообще, октябрь в этом году выдался сухой и солнечный. Дожди были редки и мелки. Даже болота, канавы и озёрки на даче у Платона так и остались пересохшими.

Ну, надо же? Такого раньше никогда не было! Прямо, как мои отношения с Гаврилычем! – подумал писатель.

Ведь его отношения с Гудиным давно стабилизировались на уровне пассивного, исключительного производственного общения.

Окончательно утряслось и с работой Платона. Стабилизировались и все отношения между сотрудниками. Каждый в принципе знал свои плюсы и минусы, свои возможности и манёвры, свой предел.

На фоне этого у Платона появилось свободное время и возможность поработать, как писателю, с архивными и новыми материалами, чем он и не преминул воспользоваться на работе в рабочее время.

Его усидчивые занятия этим на работе лишь периодически прерывались редкими производственными заданиями, обеденным перерывом и лечебной физкультурой.

Во время этой почти получасовой паузы он невольно, через полуподвальное окно, с интересом наблюдал за повадками голубей. Их кормление уже давно полностью взяла на себя хозяйка корма.

Утром или ближе к обеду Надежда Сергеевна брала один или два пакета льняных или овсяных семян, подходила к окну, и через форточку рассыпала их под окном, по-деревенски причитая при этом:

– «У, ти, мои гусеньки! Ваша мамочка пришла, щас вас накормит!».

Голуби со всей округи слетались под окно Платона и своими клювами, как маленькими отбойными молотками, дружно долбили по жестяному подоконнику и бетонному отливу у стены.

Поскольку Надежда не беспокоилась и не задумывалась о последствиях высыпания ею корма как попало, то иногда зёрна оказывались рассыпанными чуть ли не одной кучей, из-за чего многие голуби не могли подойти к корму, и были вынуждены лезть по головам и телам своих сородичей. Из-за этого между ними частенько вспыхивали ссоры, а клевали они просто остервенело, не замечая ничего вокруг.

И как-то раз такое кормление закончилось для голубей трагедией.

Жившая неподалёку пара бездомных чёрных дворняжек, кормящая своё молодое потомство, удачно завершила свою охоту поимкой самого нерасторопного из голубей.

Услышав необычный шум за окном, Платон выглянул в него и увидел чёрного кобеля, лежащего напротив окна на безопасном для себя расстоянии.

Платон всё понял, и доложил об этом начальнице.

А та, в оправдание, успокоила коллегу:

– «Да я этих собак знаю! Их две. Они живут в сарае, где, помнишь, два черепа нашли? Сучка недавно ошенилась, и теперь кормит своих щенят! А я её и всех их иногда сама подкармливаю!» – услышал Платон оправдание любительницы живой природы.

– «Так вроде череп находили один?!» – нарочно перевёл он разговор на другую тему, невольно протягивая несчастно руку моральной помощи.

– «Да, нет! Потом ещё один нашли!» – с удовольствием схватилась она за спасительную соломинку.

Тогда Платон вышел на улицу осмотреть поле брани. Пёс всё также лежал напротив окна, словно выжидая корма и для себя. Его морда напомнила Платону уродливо-злой собачий персонаж одного из мультфильмов.

Пёс вскочил, и на всякий случай попятился от предполагаемой линии человеческого пути к противоположному зданию, как бы совершая «противозенитный манёвр» от возможного нападения.

А-а! Знает собака, чьё мясо съела! – невольно осенило Платона.

Но никаких следов собачей трапезы он пока не обнаружил.

Отчитав псину, он невольно пошёл дальше, и тут увидел в дальнем углу двора, лежащую на газоне, такую же гладкошёрстную чёрную сучку, общипывающую свой деликатес. Подойдя ближе, Платон обратил собачье внимание на себя. Мать-кормилица, совершенно без тени смущения, и, как показалось Платону, даже с довольной улыбочкой на морде, не боясь, посмотрела на него, продолжая разделять свою добычу.

Ну, что ж с тобой поделаешь! Тебе ведь тоже надо! Такова жизнь! – успокоил себя человек – в конце-то концов, голуби сами виноваты в этом... или Надька?! – вдруг осенило его.

С тех пор, при появлении малейшей опасности, голуби моментально все разом взлетали, и на карнизах и крышах выжидали ухода своих смертельных врагов. А те иногда даже специально выслеживали птиц, тайком наблюдая за ними из своего укрытия.

Но такую ситуацию очень чётко просчитали, очень часто голубями обижаемые, и с виду простые, знаменитые для Платона московские воробьи.

И однажды он стал свидетелем того, как воробьи просто развели голубей на шухер.

В очередной раз, безуспешно пытаясь пролезть к зёрнам через многочисленные, трущиеся перьями друг о друга, голубиные тушки, один из них – видимо самый бывалый – как-то уж очень быстро сориентировался, и резко влетел, будто бы из-за опасности. Его примеру сначала последовали лишь отдельные из сородичей, да пара дурных, опущенных стаяй голубей, пытавшихся наклевать на отшибе. Однако пока номер не прошёл.

Но буквально через пару минут разом резко взлетевшие, теперь уже все воробьи, моментально подняли и всю глубинную стаю. От испуга, те рванули аж на крыши ближайших домов.

Воробьи же, всей стаяй красиво совершив большой вираж, опустились на освободившееся место под окном, и вдоволь наклевались долгожданных льняных зёрен.

Наблюдая за находчивыми воробьями, Платон поначалу даже подумал, что один из них, по жадности, подавился зерном. Он встал на задние лапки, выпрямился, и мелко трясся, словно задыхаясь. Другой же воробей пытался клювом не то вытащить зерно, не то его, относительно большое, получше развернуть в воробьином зеве. Рядом стоял ещё один воробей, тоже пытавшийся хоть чем-то помочь бедняге.

Не в силах помочь несчастным птицам, Платон с интересом наблюдал, чем же всё это закончится. Вскоре картина повторилась и рядом, с другим воробьём, потом с третьим.

Присмотревшись, Платон обратил внимание, что раскрывающие клювы воробьи все одинаковы по размерам и расцветке и отличаются от остальных.

А когда он увидел, как один воробей пытается засунуть зёрнышко в широко открытый клюв другого, чуть ли не с головой залезая туда, а тот, моментально проглотив пищу, снова слишком широко открывает клюв, забавно дрожа при этом, то сразу всё понял.

Это воробьиные родители так начали кормить своих вылетевших из гнезда переросших детёнышей!

Надо же! Какие воробьи оказывается умные? Недаром мой отец их любил и уважал! Наверно знал за что?! – решил не состоявшийся юннат.

Однако скоро голуби вернулись и быстро восстановили свою справедливость.

Со временем один голубь, за крутой нрав окрещённый Платоном «Паханом», выделился среди других.

Во время кормления он отгонял чужих и слишком настырных голубей, заклёвывая их, а в остальное время дежурил, сидя на открытой форточке, или на карнизах соседнего дома, первым давая знак своим сородичам на начало приёма пищи.

В ожидании своей кормилицы обычно один или два голубя дежурили у окна. И как только Надежда появлялась, эти разведчики, увидев её через стекло, превращались в попрошайек, начиная легонько долбить клювами по стеклу, выпрашивая корм.

Иногда они обнаруживали свою кормилицу ещё на улице, сразу слетаясь к окну, невольно давая Платону знак, что его начальница уже на подходе.

А в случаях задержки Надежды утром, некоторые из голубей не стеснялись запрыгивать через практически всегда открытую форточку к Платону в помещение, выпрашивая корм уже и у него самого.

Однажды, залетевший к нему большой, старый голубь поначалу вообще повёл себя слишком смело, а то и нагло. Уже после кормления, он сначала впрыгнул через форточку и ячейку металлической решётки в цех, потом прошёл пешком по кафельному полу кабинета Платона, и далее через открытые двери проследовал по коридору к кабинету Надежды.

Платону даже пришлось открыть ему дверь в кабинет кормилицы. Та от радости аж всплеснула руками, а глазастый Алексей разглядел отсутствие некоторых пальцев на одной из лапок гостя.

Поймав его и поняв, что он больной и у него ещё повреждено и крыло, совместно решили оставить птицу на ночёвку в цехе.

На следующий день, как только Платон открыл дверь из своего кабинета в цех, заждавшийся голубь впорхнул в его помещение и сел на его стол, совершенно не боясь его. Чуть поворачивая голову, он ходил по столу, искоса поглядывая на хозяина, словно что-то прося у него.

Поздно пришедшая на работу Надежда, бесцеремонно рассыпала немного семян непосредственно и на обеденный стол Платона. Голубь принялся клевать, не забыв и несколько раз опорожниться на стол и бумаги хозяина, чем вызвал очередное его возмущение неотёсанной деревенщиной.

Чуть позже ему пришлось салфеткой подтереть за настырным гостем, и выпроводить того в цех, закрыв за ним дверь.

Следующее посещение голубя бывшим ветеринаром закончилось обнаружением на лапке птицы обрывка толстой нитки. Надежда чуть ли не расплакалась, несколько раз при Платоне злостно обругав неизвестного злоумышленника, словно это был сам Платон.

Тогда тот предложил немедленно сделать операцию несчастному, сразу включив весь яркий свет в тёмном цехе:

– «А-а! Вот что он нас просил! Теперь понятно! Всё сходится!».

– «Да, точно! Давай сделаем!» – сразу согласилась биолог по образованию, проследовав к себе в кабинет за ножницами и салфетками.

Платон свободно взял бедолагу руками в хлопчатобумажных перчатках, ладонями зажав его крылья, и немного перевернув голубя кверху брюхом, стал держать того над высокой и потому удобной для операции тумбой.

Надежда очень точно нашла нужное место на лапке голубя, быстро надрезав толстую нитку на ней. Та сразу и отвалилась с остатками кожного покрова лапки.

Об этой истории Платон вечером рассказал жене, но тут же был Ксенией напуган:

– «Да Вы что? А вдруг он болен орнитозом? В этом году из-за жары много глубей заболело и поумирало! Неужто Надька об этом не знает? Они ведь человеку эту болезнь могут даже на лету передать! А когда её симптомы проявляются, то, оказывается, что лечить-то уже поздно, и летальный исход неизбежен! Ну, Надька Ваша и дура!».

– «Да! Летательный исход нам не нужен! Завтра её обрадую!» – внутренне содрогнувшись, вслух отшутился Платон.

На следующий день он довёл информацию жены до своей начальницы.

Та тоже испугалась, но больше всех не хотел умирать Гудин. Когда Надежда отъехала, он с криком ужаса чуть ли не влетел к Платону:

– «Да ну её на фиг, эту нашу Надьку с её голубями! Выбрасывай его скорее на улицу! Пусть собаки съедят! И чтобы духу его тут больше не было! Попроси уборщицу здесь всё помыть и продезинфицировать! И больше сам не корми голубей! Ещё из-за них и Надьки тут подыхать!».

– «Да я уж его выбросил! А ты сам ей об этом скажи, когда придёт!».

Платон сразу утром, после доклада начальнице получив от неё карт-бланш, посадил бедолагу через решётку на форточку, с которой тот, к счастью, сам спрыгнул на улицу.

Он тут же доложил об этом Надежде, которая с возгласом облегчения пыталась очистить и свою совесть:

– «Ну, слава Богу! Мы его и так спасли и вылечили!» – начала она было оправдывать своё предательство.

– «Как говорить, подобрали, обогрели и... обобрали!» – попытался Платон шуткой сначала не дать ей этого почувствовать.

– «Да ну, тебя! Скажешь тоже! Ведь голуби не могут жить без стаи! Ему с ними будет лучше!» – продолжала очищать свою совесть Надежда.

– «Так он же летать не может?!» – удивился такой логике Алексей.

– «Может! Ещё как может! Вон он как запрыгивал к Платону на стол!» – попыталась оправдаться начальница, будто бы уличённая подчинёнными в чёрствости.

– «Да, да! Он даже через форточку сам с радостью сиганул!» – попытался выручить Надежду Платон, заодно пытаясь оправдать и себя.

– «Да отмучится он быстрее! Собаки съедят!» – выдал сокровенное, и добавил перца во всеобщее обсуждение, Иван Гаврилович.

И уже к концу дня их опасения в принципе подтвердились. Переходя двор, голубь погиб под колёсами отъезжающей машины.

От такой новости от Алексея Надежда Сергеевна не выдержала, и убежала на второй этаж поплакать.

– «Да-а! А курицы тоже бывают кандидатами наук!?» – сокрушённо бросил вслед скрывшейся Иван Гаврилович.

– «Да, ладно!» – оборвал того Алексей.

Но жизнь шла своим чередом.

В метро периодически молодые нищие козлики перескакивали через турникеты, а состоявшиеся по жизни и успешные в жизни самодовольные пожилые, даже старые, козлы своим самолюбованием иногда тормозили толпу при входе на эскалатор.

Да! У каждого в жизни своё место, свой черёд! – сам себе мудро заметил писатель. Но Платон был оптимистом и никогда не унывал. А жизнь брала своё!

Заканчивался золотой октябрь – середина золотой осени!

Ну, как можно унывать, даже осенью, когда кругом такая красота?! – рассуждал поэт, тут же записывая:

*Прохладный солнечный октябрь.
Шушит опавшая листва.
И с голубого небосвода
Светило смотрит на меня.*

*От Солнца я, невольно жмурясь,
Вокруг себя бросаю взгляд.
И, красотой вокруг любуясь,
Пишу я строчки невпопад.*

*Прошёл Покровским вот бульваром.
Дошёл до Чистых я прудов.
Здесь хлопоты людей не даром:
Мой город и к зиме готов.*

*В пруду ещё ночуют утки.
Фонтаны (там, где аист) бьют.
Пройдут всего возможно сутки,
И их к зиме уже запрут.*

*С газонов всех листву убрали.
И на скамьях уж не сидят.
Но ходят по бульвару пары.
Прохожие на них глядят.*

*И вспоминают здесь бывшее,
Как сами были молоды.
Да! Было время! И какое?!
Вдвоём гуляли у воды.*

*Стихи друг другу тут читали,
И целовались до утра.
С компанией своей гуляли,
Но только редко, иногда.*

*Проходят дни, проходят годы,
Проходят целые века.
Но, презирая все невзгоды,
Любовь здесь будет навсегда!*

*И «Чистые пруды» навеки
Пребудут символом любви!
За чистоту люблю я... реки!
Люблю златые октябри!*

Да! Платон любил их, впрочем, как и многое другое! Он вообще ко всем людям, их словам, делам и поступкам всегда относился с теоретическим пониманием; ко всему в жизни происходящему относился сугубо практически, с аналитическим философским спокойствием; в общем, всегда был добрым и любвеобильным человеком.

Даже по отношению к своей сестре – лицемерной богемке Анастасии он был терпим.

В телефонном разговоре она как-то удивила Платона. На вопрос своей знакомой, не скучно ли Насе жить одной в двухкомнатной квартире, та с достоинством ответила:

– «Ну, что ты?! Мне одной хорошо, причём всегда! Никто не мешает, никто с тобой не спорит, не расстраивает тебя! Да ведь и духовно богатому человеку никогда не бывает скучно с самим собой!».

– «Да уж! Вариться в собственном соку тебе лучше – всегда можно спокойно поговорить с умным человеком!» – в ответ тогда съязвил Платон.

А ведь и мне частенько тоже приходится вариться в собственном соку! – не без самоиронии подумал Платон – Вон, когда сочиняешь и пишешь, то практически не с кем и посоветоваться-то!

И он снова сел за очередную свою «нетленку», на это раз про текущий ноябрь:

*Смахнув листву с деревьев, осень,
Когда всю силу набрала,
Местами снегом сделав проседь,
С собой к зиме нас позвала.*

*Мы ж не торопимся к заносам.
И не торопится она.
Пока зиму оставив с носом,
Вершит осенние дела.*

*Средь дымку – Солнца лишь каёмка.
И в инее с утра трава.
На крышах – белая позёмка.
На лужах днём не видно льда.*

*Течёт ноябрьская осень.
Текут, как дни, мои года.
Уж седина сменила проседь.
Готовиться к зиме пора.*

*Любую я люблю погоду!
Люблю я все свои года!
На мельницу не лью я воду
Судьбы-злодейки никогда.*

*А подчиняюсь только зову.
Да! Зову сердца своего!
Вершу судьбы своей основу –
Основу кредо моего.*

*И в ноябре работать можно.
И даже в зимнем декабре.
Спокойно, только осторожно,
На радость людям и себе!*

*А планы.... Это грандиозно!
Успеть бы сделать все дела!?
И делать их совсем не поздно!
А, как их сделаю, тогда...*

Творческой, да и не только, плодovitости Платона можно было позавидовать, его энергичности тоже.

И совсем понятно, что одно органически дополняло другое.

Энергия давала возможность для творчества и созидания нового, а это, им созданное новое, в свою очередь вселяло в него новый заряд сил и эмоций, наполняло положительной энергией, продолжая это квази круговое движение по спирали вверх.

И автору, конечно, было интересно, насколько его хватит, на какой объём рассчитан его творческий потенциал, в конце концов, сколько ему ещё суждено прожить?

И выполняя волю своего древнего прародителя – УЧИТЕЛЯ – он продолжал постоянно работать, часто творить, и иногда учить.

И это у него часто получалось.

Хотя Платон никогда не читал Надежде курс лекций по правилам культурного поведения и общения, и даже не высказывал ей своих претензий по поводу различных проявлений хамства и нарушений этикета с её стороны, а также несоблюдения ею правил русского языка, – он стал замечать, что Надежда постепенно стала в чём-то исправляться. А то даже и прогрессировать в этом.

Она, например, перестала огрызаться на сотрудников:

– «Ты, что, дурак?!».

По-видимому, произошли и другие, сразу незаметные в её поведении, изменения.

Произошли они и в поведении Ивана Гавриловича Гудина по отношению к Платону Петровичу Кочету.

Со своими шуточками он стал теперь опять частенько апеллировать непосредственно к Платону Петровичу, с удовольствием выслушивая и его комментарии.

А иной раз, услышав очередную шутку коллеги, он сразу принимался творчески, но иногда неуклюже, допуская литературные ляпы, развивать её.

В такие моменты Платон вполголоса ненавязчиво поправлял коллегу. Но иногда нарочно оставлял квази интеллигента на всеобщее посмеище.

Как всегда, во время очередной перегрузки большого количества коробок с льняным маслом с чкаловской машины на минскую, без умолку громко, как сорока, трещащий Иван Гаврилович, на этот раз споткнулся о валяющуюся в кузове картонку, и, чуть не выронив коробку, от усердия издал специфический звук.

– «В здоровом теле – здоровый... пук!» – тут же нашёлся он.

– «Во всём виноваты неровные дороги!» – предусмотрительно поддержал старика Платон.

Благодарно посмотрев на того, Гудин сразу нашёлся, тут же заметив про плохие дороги, периодически подвозившему груз на своей машине, Алексею Ляпунову:

– «Лёш! Ты теперь смотри коробки осторожней вози на своей машине! Там ведь кругом «выебоены»!».

Не поняв причину усилившегося смеха окружающих, Иван Гаврилович продолжал шутить, как ни в чём не бывало.

Со временем, перейдя на тему их начальницы, он заметил Ляпунову, что надо бы у неё взять денег на «Маршрутку». Но это предложение хапуги не нашло поддержки у правильного Алексея.

– «Не забывай! Курочка клюёт по зёрнышку!» – объяснил старый свою мудрость молодому.

– «А наш петушок клюёт по два!» – ему же уточнил почти на ухо, проходивший мимо Платон.

После обеда, частично делясь происшедшим при перегрузке с Надеждой, он вдруг услышал от неё неожиданное:

– «У Ивана Гавриловича есть ораторские способности!».

– «Возможно?! Но только если они от слова орать!» – уточнил находчивый Платон.

– «Ему бы на телевидении выступать!» – не успела среагировать на слова коллеги Надежда.

– «В сериалах в роли пахана?!» – и тут сориентировался Платон.

А по телевидению россиян по-прежнему пичкали уголовными сериалами. А принцип был прост – чем больше трупов, тем выше рейтинг!

Тем оно исподволь приучало зрителей к мысли, что убийство человека – это так просто! Оно примерно аналогично трамвайному хамству!

Такое, или подобное хамство Платон не раз наблюдал и непосредственно с телеэкранов.

Так посмотрев по телевизору передачу «Реальная политика» с Никитой Михалковым, в которой тот посадил в лужу беспардонно навязчивого журналиста Андрея Колесникова, но уважительно ответил на все вопросы ведущей Тины Канделаки, Платон придумал свой сценарий.

Свою интермедию он озвучил в кругу родственников при очередной их встрече в высотке на Котельнической, состоявшейся по случаю, в основном, повсеместного успешного завершения очередного дачного сезона.

– «Никита Сергеевич, а что Вы лично любите в искусстве, хотя бы в изобразительном, а что нет?!» – начал Андрей Колесников.

– «Я люблю картины Шишкина! Их смотришь... и как будто в настоящем лесу находишься! Я ведь человек реальной жизни, реалист! А не люблю я, например, импрессионистов! Мне абсолютно наплевать, что им поутру с бодуна почудилось, показалось, в каком они встали настроении, и встали ли вообще! Ведь в нашей жизни главное – это вовремя встать! И в этом ведь вся суть! Художник должен показать, как Вы утром мучаетесь, преодолеваете себя! Но встаёте! Проявляете волю! Понимаете, Вы всё же вста...» – тут Никита Сергеевич в чём-то засомневался, и обратился к Александру Артёмовичу Адабашьяну.

– «Саш! Адабашьян! Саша, подойди сюда! Скажи, пожалуйста, как лучше: Вы встаёте, или... у Вас встаёт, гы-гы-гы!?!».

– «Хм? Так конечно оно лучше, когда у Вас встаёт, Никита Сергеевич!».

– «Вот, видите, что народ думает и говорит?! И понимаете, какая штука? Ведь если человек стоит, – Никита Сергеевич показал поднятую вверх, согнутую в локте руку – то он сильный, он всё может! И в этом как раз и заключается великий смысл жизни, в конце то концов!».

Но тут в рассказ Платона вмешалась Варвара со своим комментарием:

– «Да моя подружка училась с Никитой в одном классе! И ничего особенного он в то время собой не представлял – был обычным гонористым шалопаем – сынком известного отца! Это уж потом, когда он стал взрослым, жизнь заставила его играть по своим правилам. Он стал заботиться о том, как выглядит, что говорит, как воздействует на людей! То есть, он стал гражданином, а не сыном!».

В последнюю дачную субботу, 20 ноября, синоптики обещали днём до 8 градусов тепла, но было всего +3. Через пару часов стало уже +2. Платон заметил, что взвесь из мелких капель превратилась в редкие, но заметные глазу, капли. Значит, скоро они превратятся в снег! И действительно, после обеда, после 15 часов, на улице Платона ждал пока не сплошной снежный покров из мокрого снега. В этот день он успел закончить уборку последних опавших листьев и завершить дачный сезон в Загорново. А в воскресенье он закончил и гаражный, отключив на зиму аккумулятор.

Вечером они с Ксенией отметили окончание удачного на выполненные планы и работы дачного сезона 2010 года. Впереди их семью ждало очередное зимовье. А Платона вдобавок

ещё и с лыжами, незначительными, завершающими ремонт, работами, поэтическим и писательским творчеством!

А в понедельник 29 ноября, наконец, ударил 15-и градусный мороз, в ночь выпал снег, и началась зима. И эти зимние мотивы опять настроили поэта и писателя на лирический лад.

Глава 5. Зимние мотивы

А 1-го декабря мороз ударил уже за двадцать, и с утра Москва-река покрылась льдом. У Платона опять начались практически ежевечерние сидения за компьютером, и творчество, творчество, творчество!

Однако Ксения со своими хобби теперь являлась существенной помехой мужу в работе на их семейном творческом рабочем месте.

К своим увлечениям фотографией, что в некоторой степени шло на пользу мужу-писателю, она добавила внезапно проявившийся у неё интерес к творчеству исполнителя собственных песен, в основном под гитару, давно и весьма известного Константина Никольского, увлекшись, как показалось мужу, не только его песнями, но и им самим.

Она часами просиживала в наушниках у экрана монитора, иногда раскачиваясь в такт мелодии, и при этом как-то уж очень загадочно чему-то про себя улыбаясь.

А иногда до слуха мужа доносился лёгкий скулёрж, подпевающей женщины. И тогда ему на ум приходило старое сравнение такой внезапной мелодии, которое его бабушка по материнской линии – мудрая Комарова Нина Васильевна – озвучивала, как: Ну, что ты скулишь, как сука в прясле?!

Платону было очень забавно в сумрачной комнате лицезреть свою слишком увлекшуюся, и ничего вокруг себя не замечающую, жену.

С праздным видом, закинув ногу на ногу, иногда попивая чаёк, она слушала и слушала, скулила и слушала, слушала и скулила.

Но Платон всё-таки как-то находил общий язык с женой, и они чередовали сидение за компьютером со своими другими домашними делами.

А такие дела у Платона пока были. После ремонта он иногда кое-что всё ещё доделывал. Но главное, конечно, было его творчество.

Теперь он решил изучить собранные материалы и написать о деятельности своего сына-разведчика. В связи с чем, по электронной почте он обратился к известному специалисту по истории Службы Внешней Разведки России – заместителю главного редактора «Российской газеты» – Николаю Михайловичу Долгополову. Но тщетно! Мэтр так и не ответил.

Поэтому пока Платон записывал и дописывал всё собранное и набросанное им за год.

Традиционная поездка в НИИ на день рождения их общей начальницы – Ольги Михайловны – и её помощницы Елены Георгиевны, на этот раз ничем примечательным ему не запомнилась.

А сорокалетие своего самого молодого сотрудника Алексея Ляпунова отметили 13-го декабря в пивном ресторане Пилзнер на Покровке, где разошедшийся за пивом Иван Гаврилович пытался играть первую скрипку.

Ещё утром, в предвкушении халявы и удовольствия, потому уже находясь в праздничном настроении, он опрометчиво предложил Платону:

– «Пойдём, покурим и пивка попьем!».

– «А мне претят пошлые привычки быдла!» – неожиданно буркнул тот, не оборачиваясь и выходя из кабинета.

Обидевшись, Иван Гаврилович до поры до времени затаился. А случай взять реванш у Платона ему представился уже ближе к вечеру.

Дождавшись, когда Платон допустит промашку, – из-за отсутствия достаточного количества зубов, он не сумел толком прожевать кусок мяса и проглотил его, чуть ли не давясь, – Гудин зло прокомментировал:

– «Да не надо пытаться проглотить кусок, который в рот не лезет! А ты вон пытаешься его даже в... жопу засунуть!».

Протолкнув кусок в глотку с помощью пива, и потому невольно выждав паузу, Платон облегчённо и многозначительно заметил Ивану:

– «Фу-у! Слава Богу, вошло! Скажи спасибо, что не в твою...!».

Платон тут же подумал, как порой разные, даже противоположные предметы, действия или явления в своих проявлениях, могут обозначаться одним и тем же словом.

Но обстановка за столом быстро нормализовалась вмешательством Надежды с очередным тостом за именинника, и начавшим вспоминать смешные истории виновником торжества, вскоре поддержанным и остальными.

– «А помните, как в рекламе по телевидению туши для ресниц, показывали лицо японки с пушистыми ресницами и с косыми глазами? А голос за кадром вещал: настоящая гейша может поразить мужчину одним взглядом?!» – начал Платон.

Сквозь смех чуть захмелевших коллег посыпались и другие забавные истории, зачастую частично надуманные их вещателями. Не отстал от сослуживцев и Платон, завершив веселье последними новостями:

– «Я как-то летом в электричке услышал от очередного бродячего продавца: Таблетка от запаха в холодильнике! Кладёте одну таблетку на дно холодильника и надолго забываете о запахах чеснока, рыбы, котлет, и прочего! Так я не удержался и громко добавил: А когда проснётесь, процедуру можно повторить! Так засмеялись даже полусонные пассажиры!» – под смешки коллег начал писатель.

– «А слышали по телевидению? Наше вещество действует быстро, эффективно и безопасно! После первой инъекции у Вас пропадает желание пить! После второй – есть! А после третьей... – жить! И если это Вам не поможет, мы готовы вернуть Вам Ваши деньги!» – по привычке подкорректировал истину бывалый сочинитель.

Инициированное Платоном было подхвачено Алексеем, тут же рассказавшим несколько и своих историй.

После окончания торжества Платон успел съездить ещё и в редакцию журнала «Новый мир», куда передал три рассказа, удачно вычлененные им из своего романа.

Через неделю отмечалось 90-летие создания внешней разведки страны, а двумя днями ранее – день СВР России.

Но и тут не обошлось без телевизионных курьёзов. Платон своими ушами слышал сообщение ретивой телевизионной журналистки об открытии выставки, посвящённой «Рыцарям... плаща и кинжала».

В эти же выходные он открыл очередной лыжный сезон. Снегу навалило уже много, и тянуть дальше было бы неприлично. Несмотря на начало сезона, скольжение было отличным. Более того, уже в дебюте – что никогда не было ранее, с интервалом в неделю, Платон дважды подряд показал на дистанции свой лучший результат уходящего года.

Придя домой в отличном настроении, он игриво спросил Ксению:

– «Ксюх! А как ты думаешь, почему, сначала назывался снеговик, а потом стал снежной бабой?».

Не дождавшись ответа, пока не попавшей в струю жены, он сам же ей и ответил:

А потому что морковки не хватило!».

– «А разве не наоборот?!» – удивилась быстро нашедшаяся Ксения.

– «А что, уже морковку подвезли?!» – не дал он ей сумничать.

В конце декабря неожиданно потеплело, и лёд на предпраздничной Москве-реке, не без помощи ледокольных судов, подтаял.

Более того, неожиданно падающие с небес, из тёплых слоёв атмосферы, капли дождя замерзали при соприкосновении с землёй и ветками, создавая настоящий, классический гололёд.

Выйдя в воскресенье вечером в магазин, Платон не смог пройти и двух десятков метров, ограничившись лишь посещением, находящегося в его же доме «МагазинЧика».

Редкие прохожие уже не шли, а постоянно скользили, многие падали, хотя молодёжь и дети веселились.

Наконец народ увидел настоящий гололёд.

Более того, стала видна чёткая разница между гололёдом и гололедицей.

Все ветки деревьев, на которых почему-то сразу набухли почки, покрылись полностью, как коконом, их обволакивающим льдом.

Такого Платон с Ксенией никогда ранее не видели.

Под тяжестью льда ветки деревьев, не говоря уже о ветках кустов, наклонялись и сильно изгибались, зачастую просто обламываясь. Кое-где от падающих ветвей и целых деревьев обрывались электропровода.

Но в этом буйстве стихии была своя красота! Лес превратился в непролазные снежные джунгли!

Кроме обилия сломанных деревьев и веток кругом валялись и упавшие с высоты макушки сосен.

Одна из них упала впереди Платона метров за пятьдесят ещё 26 декабря.

С понедельника в ООО «Де-ка» начался развоз новогодних подарков смежникам.

Зато на вторник, 28 декабря, Платон отпросился у Надежды для поездки в Солнцево на первый день рождения своего самого младшего внука Миши.

Дед с лета не видел внука, и тот приятно удивил его своим активным хождением по квартире. Привыкнув, Миша, как мог, поиграл с дедом.

Платон пробыл в гостях у сына почти весь рабочий день, освободив место следующей волне поздравляющих – друзьям Даниила и Александры.

В среду, 29 декабря, Надежда позвонила утром и сообщила, что задержится часов до трёх, и чтобы никто не уходил домой до её прихода, так как именно сегодня они будут отмечать завершение года непосредственно на рабочем месте.

– «Надька опять на нас экономит! Лучше бы в ресторан сводила!» – сразу заворчал Иван Гаврилович.

Остальные приняли предложение с пониманием.

Ведь окончание трудового года отмечают все, а мест в ресторанах и кафе на желающих не хватит. Но, самое главное, на новогодние праздники они уйдут раньше, уже 30 декабря!

Надежда пришла позже обещанного, почти за час до окончания рабочего времени, поэтому настроение самого старого испортилось окончательно. Он даже не принял участие в подготовке праздничного стола.

Сели у Платона. Алексей подносил, хозяин помещения накрывал на стол, Надежда резала хлеб и фрукты, Гаврилыч же ворча, продолжал в кабинете гонять шарики на компьютере.

Наконец расселись. Платон – на своём месте, спиной к стене; Надежда – в торце, ближе к выходу, прогнав с этого места старого ворчуна, мотивировав своё требование необходимостью периодически подходить к телефону; остальные – по длинной стороне, напротив Платона, спиной к входу в цех.

Пока Надежда на повышенных тонах успокаивала ретивого старца, – на этот раз придравшегося к обилию колбасной нарезки и отсутствию на столе чего-либо другого, более интересного, вкусного и разнообразного, – предложив ему даже покинуть помещение, Алексей опять открыл подаренное коллективу шампанское.

Видя, что его коллеги сидят в некоторой растерянности, Платон шутливо предложил Надежде произнести тост, но перед этим «сделать краткий доклад об итогах года».

Та с удовольствием и с долей юмора согласилась, сразу разрядив своими комментариями обстановку, придав ей праздничную направленность. В дальнейшем всё шло как по-маслу. Тосты чередовались один за другим.

– «У нас на складе осталось шампанское – всем по одной бутылке!» – радостно объявила начальница.

– «Ну, надо же? Как ты всё точно рассчитала?! Там как раз осталось четыре бутылки!» – в тон ей, чуть саркастически заметил Платон.

С шампанского только они с Надеждой перешли на коньяк, который неожиданно оказался очень приятным. Остальные, каждый по своей причине, поостереглись. Алексею предстояло вскоре сесть за руль, а Иван Гаврилович сослался на плохое самочувствие.

Для восстановления исторической и морально-этической справедливости Платон тактично, дабы не обижать обиженных начальницей мужчин, предложил тост «За... нашу женщину!».

Надежда была довольна, но остальные мужчины поддержали тост вяло, ибо не видели в начальнице буквально женщину в их понимании.

Однако та ответила Платону взаимностью, провозгласив тост за своих коллег-мужчин, этим окончательно покрыв самодовольными улыбочками их чуть хмельные лица. Вскоре, так и не перейдя к чаю, все насытились.

В заключение Надежда дала вполне ожидаемую команду разобрать остатки трапезы по домам.

Алексей не постеснялся попросить себе всю в обилии оставшуюся колбасную нарезку, но Иван Гаврилович заставил его поделиться с собой, ближним.

Надежда же сгребла к себе со стола все фрукты, предложив Платону взять домой оставшийся чёрный хлеб, на что тот естественно ответил отказом. Но поняв нелепость своей просьбы, она тут же поделилась с ним одной третью взятых себе фруктов, не забыв подсунуть и недоеденную Гудиным вяжущую хурму.

Да-а! Как были мои коллеги обиженными Богом на голову и культуру, так таковыми и остались! Ни чести у них не прибавилось, ни совести, ни чувства долга, ни даже тактичности! – опять понял про сослуживцев Платон, снова в одиночестве убирая за ними со своего стола.

Хорошо, что хоть Надька большую часть посуды помыла! А то совсем было бы свинство с их стороны! – несколько успокоил он себя, заканчивая уборку и относя к Надежде в кабинет встряхнутую и сложенную им скатерть.

Укладывая в сумку свои, взятые домой на зимние каникулы бумаги, фрукты, шампанское и хлеб, Платон подумал – Как в песне Жана Татляна «О, Боже, не спеши!» – хлеб и вино! Вот всё что Бог послал мне от моих коллег к Новому году!?

На следующий день, в четверг, 30 декабря, Платон с большим удовольствием покатался на лыжах. Из-за завалов он выбрал другой, обходной маршрут, и пару раз заблудился, позже выводимый на знакомые тропы и просеки бывалыми лыжниками. В итоге он перекрыл свою обычную временную норму почти в два раза.

Вот и со мной случилось предновогоднее приключение! Сначала встретил «снегурочку», потом, не послушав её, дважды заблудился, и в итоге накался как будто за целых два дня! – искренне радовался Платон.

А «снегурочка» оказалась очень симпатичной, голубоглазой, на лыже одинокой, женщиной в расцвете лет. Она была одета в серо-голубые тона, и очень долго объясняла Платону дорогу, даже предлагая свернуть на другую.

Дурак я! Не понял намёка! Вот потому и заблудился, недотёпа! А хороша была, особенно глаза! – некоторое время жалел себя «Дед Мороз».

И на обратном пути он подумал, – вот такие в сознании бродят направленья моей мечты! – и в его воспалённом мозгу сами собой стали появляться саркастические строчки на упущенную им возможность:

*На улице крепчал мороз,
А вместе с ним – маразм!
Меня чуть не довёл до слёз
Мой старческий оргазм!*

*Побудь моей снегурочкой
Хотя бы одну ночь!
Не будь, девчонка, дуручкой!
Ты мне должна помочь!*

*Подарками я одарю тебя
Всю с ног до головы!
И этим ублажу себя,
А что подарить ты?*

*Снегурка! Подари себя,
Всю негу, наготу!
И в сексе ублажи меня
Всю ночь и поутру!*

Но встреча дома с женой и начавшиеся предпраздничные хлопоты, сразу всё расставила по своим местам. В этот раз у Платона было время нарядить ёлку самостоятельно, и он с честью и со вкусом выполнил добровольно взятую на себя, давно им подзабытую, задачу.

В этот раз решили обойтись без «дождя», практически всегда, словно плёнкой, закрывавшего собой все остальные ёлочные украшения. Получилось здорово! Теперь ёлка со всеми её игрушками просматривалась практически насквозь, став ещё праздничней и красивее!

На следующий день супруги Кочет встали поздно, но подготовиться к встрече Нового года успели спокойно и заблаговременно.

Старый год решили проводить в двадцать один час, чтобы успеть остыть и проголодаться к встрече Нового года.

Но Кеша опять нарушил планы родителей. Его предпраздничные хлопоты с подарками усадили семью за праздничный стол уже вначале последнего часа уходящего года. Так что проводы старого плавно перетекли во встречу Нового в традиционно тёплой семейной обстановке.

Правда вино и шампанское, подаренные двоюродной племянницей Ксении из Тольятти, Юлией, – студенткой одного из столичных ВУЗов и по совместительству ответственной работницей одного из столичных ресторанов – оказались неудачными. Но не в этом ведь семейное счастье!

Платон с Ксенией с удовольствием пообщались с сыном, который в последнее время очень редко удостаивал родителей своим вниманием.

В декабре Кеша видимо распрощался с Кирой, хотя тёплые поздравления от неё с Новым годом Платон и Ксения получили и через SMS-ки и по E-mail. Теперь он частенько ночевал у своей новой подруги, которая превосходила прежнюю пассию своим умом, ибо была старше молодых на семь лет. И пока Иннокентию было с нею, как минимум, комфортней.

После двух часов нового года Кеша вновь отбыл на всю ночь, но на этот раз с друзьями и по друзьям.

А супруги, чередуя просмотр праздничных музыкальных передач с прослушиванием любимых песен по компьютеру, просидели до самого утра, довольные улегшись спать уже около семи часов нового дня. Но потерянное летом Ксенией либидо не компенсировали ни алкоголь, ни новогодняя ночь, ни праздничный концерт, ни... даже Константин Никольский.

На следующий день Платон открыл и первую лыжню Нового года. И словно к месту, будто бы по заказу, лес был просто сказочным!

Ветки наклонившихся, словно арки, деревьев хрустальной завесой свешивались на лыжню и тропы, словно лианы, закрывая проход.

Пробираясь под ними, Платон задевал их своей головой и те звенели, как стеклянные гирлянды – украшения новогоднего леса. Но его голове достался не только стекляннно-хрустальный звон льдинок на ветках.

Звон в его голове чуть было не произошёл от падения на него средне рослой осины, своими ветками перегородившей и блокировавшей дорогу Платону, одновременно ударившей его по голове и сдвинувшей его спортивную шапочку ему прямо на лицо.

Во время треска дерева Платон успел слегка присесть и сомкнуть над головой, для её защиты, руки с торчащими концами палок.

Фу, слава Богу, пронесло! Даже не поцарапало и не разодрало одежду! И всё это напротив кладбища!? Да, как-то уж слишком символично! Хорошо ещё отделался и, главное, не обделался! – радовался естествоиспытатель.

В связи с такими завалами Платон со следующего дня стал ходить на лыжах по новым маршрутам. Он теперь, как бы заново, открывал в лесу давно им подзабытое прошлое.

В Салтыковском лесопарке, по форме напоминавшем почти с запада на северо-восток расположенный рыбий пузырь с перемычкой, имелись три пруда. На его северо-востоке – Жёлтый пруд, на северном берегу которого располагался знаменитый ресторан «Русь», и с крутого берега которого Платон последний раз спускался вместе с первой женой Элеонорой ровно тридцать лет тому назад.

Почти южнее Жёлтого, соединённый с ним рекой Чечера, находился Тарелочкин пруд, вдоль берегов которого Платон ходил чаще всего. На его юго-восточной оконечности, во всяком случае, более тридцати лет тому назад, был знаменитый родник, из которого Платон со своим отцом, или со своими товарищами по лыжам иногда попивал вкусную студёную воду. На перемычке же лесопарка, юго-западнее Тарелочкина пруда, находился ещё один небольшой прудик, по-анalogии, прозванный в народе «Блюдечко», через который невольно проходили все значимые тропы лесопарка.

Обычный маршрут Платона, который он постоянно пробегал вот уже семнадцатый год подряд, начинался от автобусной остановки на Салтыковской улице, вблизи поворота на Городецкую улицу, и далее проходил до угла бывшего военного городка одной из воинских частей ВМФ (возможно пункта дальней тропосферной связи). Потом вдоль его бетонной стены и ограждения Николо-Архангельского кладбища путь пролегал до «Блюдечка», после чего круто поворачивал влево, почти по прямой на север, вплоть до Салтыковских дач, практически до дома Варвары и Егора. Затем он круто поворачивал вправо, почти на сто пятьдесят градусов, и шёл с левым поворотом до северного берега Тарелочкина пруда. Пройдя по его западному берегу, около усадьбы Лесничества Платон сворачивал опять круто направо по просеке, и возвращался на прежнюю трассу, на молодую лесопосадку севернее «Блюдечка».

Теперь же, из-за завалов, маршрут пришлось круто изменить.

Платон стал ходить по южной кромке лесопарка, по левому берегу Банной канавки мимо Кожухово, лишь затем сворачивая на север к «Блюдечку», снова выходя на перемычку лесного массива. Перейдя через мостик, теперь он брал круто вправо, почти вдоль ручья проходя весьма живописной лыжнёй до самой дамбы Тарелочкина пруда. А далее по его северо-восточному берегу доходил до очередной дамбы, по ней сворачивая на прежний маршрут, на его обратное направление.

В начале января проявились и солнечные деньки, народ повалил в заколдованный лес, который встречал лыжников и перевозданной чистотой.

В лесу некоторые деревья были даже выворочены с корнем, но ёлки устояли. Их наклонно вниз растущие ветки сбрасывали с себя излишки снега.

По мнению специалистов, многие деревья после оттаивания льда с их коры и веток не смогут выпрямиться, так и останутся согнутыми, кривыми.

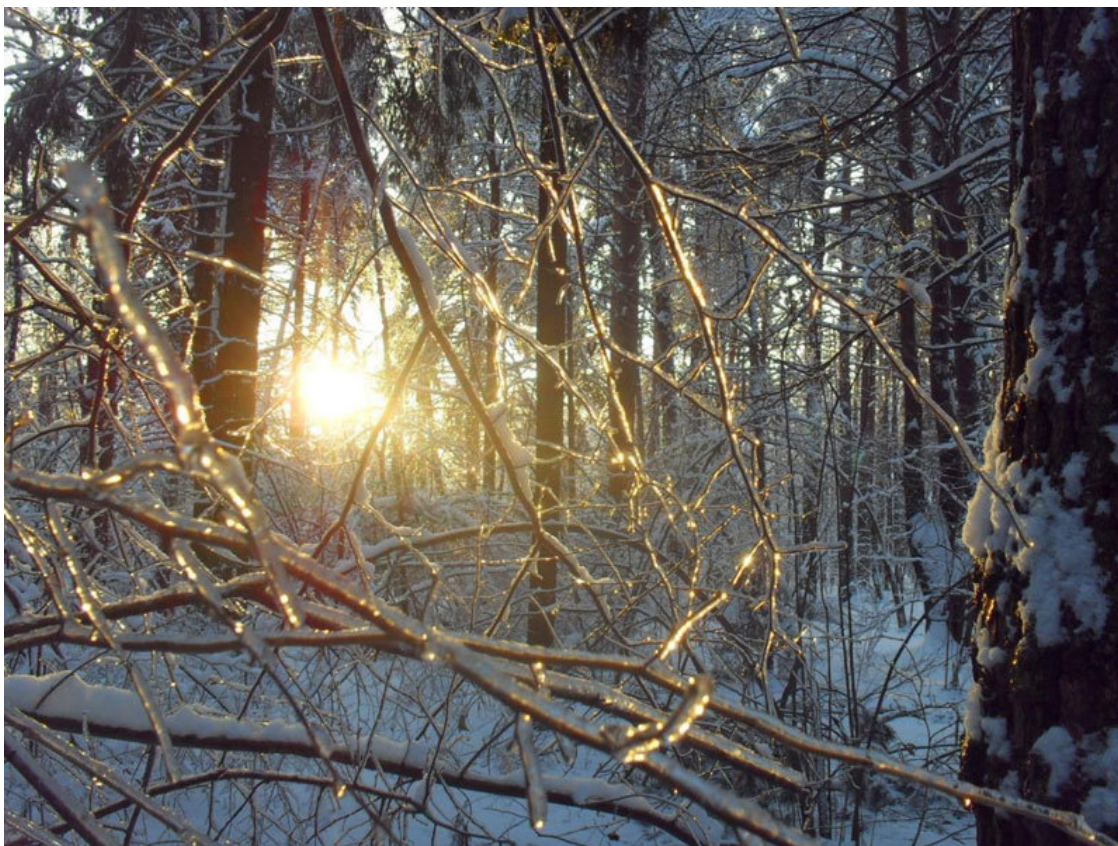

Во многих местах картина напоминала даже тунгусские мотивы.

В среду, 5 января, в поисках перехода через приток реки Чечера, обходя восточную кромку лесопарка, Платон увидел, как кто-то на парашюте с бензиновым моторчиком низко летает вдоль опушек леса, ловко маневрируя в его изгибах, чуть ли не задевая кроны деревьев.

На следующий день Платон, наконец, сгитировал Ксению. Они хоть и поздно, но вышли на лыжню вместе с домашним фотокорреспондентом.

И словно в награду для них в этот день Солнце играло своими лучами на обледеневших ветках, создавая праздничную красоту.

Своими лучами сквозь деревья, оно прокладывало им снежный путь.

О своих восторгах супруги поведали и чете Егоровых – Гавриловых: Егору и Варваре, вытащив их на следующий день на рождественскую лыжню, но до этого проведя вечер и ночь перед рождеством у них в гостях.

Задержавшись на лыжне до начала наступления сумерек, Платон с Ксенией всё-таки обрадовали свояков своим появлением. Скинув с себя, не успевшее намокнуть всё лыжное, они приняли душ и облачились в гостевые домашние халаты, накинутаые на исподнее, не забыв надеть и тёплые носки в шлёпанцы. В общем, получилось по-домашнему.

За весёлыми разговорами, праздничным обедом с выпивкой и поздним ужином с чаепитием время для них пролетело незаметно. Даже до любимого Платоном бильярда дело в этот раз так и не дошло.

Тем обсудили множество, но поверхностно. Касаясь взаимных поздравлений всех их родственников, к единому мнению так и не пришли.

– «Обилие средств коммуникаций в наше время даёт неограниченные возможности для общения... и поздравлений!» – задал тему Егор.

– «Да, вон нам наши верующие родственники всё шлют SMS-поздравления! Да только мы на этот раз на них не отвечаем!» – поддержала тему Ксения.

– «А почему?» – искренне удивилась Варвара, прекрасно зная, что на её поздравление сестра как раз и ответила.

– «Да я говорю о сообщениях, посланных Платону! Он ведь их вообще не читает! И все, в принципе, об этом знают, однако шлют и шлют!? А он даже их посылать не умеет! И не учится этому в принципе!».

– «Нет! Посылать я как раз умею, но не SMS-ки! Я считаю, что в таких случаях надо звонить, чтобы убедиться в их прочтении! А SMS-ки наверно придумали для стеснительных и стыдливых, которым страшно или зазорно поговорить с глазу на глаз, даже с родственниками!» – разъяснил Платон.

– «Да они, скорее всего, бояться реакции неверующего человека!» – не смогла не уточнить Ксения.

– «А что такое?» – чуть ли не испугалась Варвара.

– «Да Платону как-то раз позвонила сестра Настя с поздравлением: Христос воскрес! А он возьми, да и удивись: Что! Опять?» – с потрохами выдала мужа Ксения.

– «Так следующий раз я продолжил! Так кто же его всё время убивает? Наверно, всё-таки, попы!?» – уточнил пересмешник.

– «Ха-ха-ха-ха! Ну, ты, Платош, и даёшь!?» – закатился было как всегда изрядно подвыпивший Егор.

– «Да хватит Вам, охальники – богохульники!» – сердито вмешалась Варвара.

– «Да я ничего не имел против! Только Настька достала меня своими церковными поздравлениями! Вы бы послушали, с каким смаком и сладострастием в голосе она меня всё время поздравляет со своими же церковными праздниками?! Будто бы я всё время этого только и жду?!» – искренне оправдывался романист.

– «Да! Правда! Это так! – пришла на помощь мужу Ксения – Ведь никто из них не поздравляет Платона с его любимыми праздниками, к которым он имеет самое прямое отношение! А их у него множество! Наверно с два десятка?!».

– «Да нет, что ты?! Меньше!» – внёс уточнение виновник обсуждения.

– «А интересно, это какие же» – решила внести ясность в неясный пока вопрос хозяйка дома.

– «Ну, что Вы, девки? Совсем уже?! – взял слово и Егор – День защитника Отечества – раз! День космонавтики – два! 1 и 9 мая – три четыре! День...» – замылся он далее.

– «ПВО страны, Военно-морского флота, авиации, артиллерии и РВСН, химика, промышленности, космических войск, 7 ноября, в конце-то концов!» – пришёл ему на помощь специалист по своим праздникам.

– «Вот только день независимости России от Советского Союза мы все не любим!» – с грустинкой заметила Ксения.

– «Да уж, это и понятно! А давайте помянем всех родителей! Как бы они все сейчас за нас, детей, внуков и правнуков порадовались бы» – обрадовался возможности провозгласить внеплановый тост Егор Алексеевич.

– «Давайте!» – согласились остальные дружно, вскоре перейдя на чай.

Поставили самовар, и расселись у большого телевизора с надеждой посмотреть что-нибудь праздничное.

Но праздничную программу по телевидению с завидным постоянством прерывала назойливо-глупая телереклама, из которой сидящие под хмельком ветераны увидели даже играющую в баскетбол балерину с ещё не целованной «пачкой».

– «А хорошо у Вас тут, в Вашем... банд-хаузе!» – неожиданно всех ошарашил поэт-песенник.

– «А ты думаешь у нас здесь... малина, что ли?!» – быстро нашёлся певец.

Он тут же понял намёк Платона и взял гитару.

– «Егор! А ты знаешь, Ксюха теперь круто подсела на Константина Никольского!» – ревниво выдал жену Платон.

– «Я даже билет на третье февраля купила – на его концерт в честь шестидесятилетия!» – похвалилась Ксения.

– «Я тебе его оплачу в качестве подарка ко дню рождения!» – перехватил было у жены пальму первенства Платон.

– «О-о! Спасибо! Но только он стоит пять тысяч!» – ошарашила всех самая младшая в компании.

– «Как пять? Ведь было две с половиной!» – удивился муж.

– «Да! Так оно и есть, но я купила на второй ряд!» – ещё больше удивила всех Ксения.

– «Ты, что? Купила билет за пять тысяч, при зарплате в семь с половиной?!» – только теперь очнулась старшая сестра.

– «Да! А когда ещё удастся увидеть его?!» – оправдалась младшая.

– Да-а? Тогда щас споём!» – перешёл на главную тему Егор.

И к удивлению всех собравшихся, и к большой радости Ксении, Егор запел так полюбившиеся ей песни её нового кумира. Поняв, что у него это получается тоже не плохо, она стала даже немного подпевать ему.

– «Варь, а Егор здорово на гитаре играет!» – не мешая дуэту, обрадовал хозяйку Платон.

– «Да уж! Он ведь почти каждый день тренируется!».

– «Наверно, как... Никольский?!».

– «Да ладно тебе, не ревнуй! Чем бы дитя...» – не успела договорить Варвара, как была перебита сестрой:

– «О чём это Вы там шепчетесь?».

– «Да так, обсуждаем Вас!» – выдала правду матку Варя.

– «Обсуждаете, или осуждаете?» – поинтересовался её муж.

Незапланированный концерт затянулся, потому легли поздно.

Ещё из разговоров со свояками Платон понял, что они уже пешком облазили все леса в округе, но на лыжах пока не ходили – боялись завалов.

Однако на следующий день все дружно вышли на лыжню, и не зря. Погода была отличной, праздничной! А по лесу уже гулял не только народ.

На лыжне компании встретились и две амазонки на пахучих лошадях.

– «Они, что?! Лошадей не моют?» – возмутилась, зажав нос, Ксения.

– «Это кони! А они так же вонючи, как и козлы!» – уточнила Варвара.

Вначале прогулки Егор с Варварой показали своякам ближайший к ним Жёлтый пруд, северная часть которого оказалась давно приватизированной владельцами ресторана «Русь».

Его хозяева срыли один давно всем известный холм, построив на его месте летний павильон, и огородив свою территорию металлическим забором до самой воды. Кроме того в северной части пруда теперь виднелись гостиница, баня, купальня, изящный мостик, и другие экзотические постройки. Затем настала очередь и Тарелочкина пруда.

Компания свернула к нему, пройдя от своего дома на юг и повернув налево на просеку, ведущую к пруду мимо усадьбы Лесничества.

Но теперь по западному берегу пруда пришлось местами просто продираться под ветками поваленных деревьев.

– «Действительно, как в сказке! В этом есть даже что-то зловещее!» – не удержался от восхищения вслух Егор Алексеевич.

– «Ой, Вы со своей красотой меня на лыжне совсем замучили!» – первой не выдержала запыхавшаяся Варвара Александровна.

– «А жизнь вообще, как известно, даётся только один раз! И прожить её надо так, чтобы не мучить больно...» – сразу саркастически процитировал и с юмором прокомментировал писатель.

Но больше всех путешествие понравилось собаке. То она опережала лыжников, то останавливалась, зарываясь носом в снег, то, вытягивая шею, то ли принюхивалась, то ли прислушивалась к чему-то. И, как оказалось, не зря.

Вскоре Платон первым обнаружил на рыхлом снегу северо-восточного берега Тарелочкина пруда сначала следы зайцев, а потом и лося, не говоря уже о многочисленных следах различных птиц.

– «А жизнь-то продолжается!» – опять обрадовался Егор Алексеевич, из головы которого уже полностью выветрился вчерашний хмель.

Обойдя пруд по восточному берегу, пройдя через две дамбы, четыре лыжника и собака углубились в лес, пожалуй, на самый красивый отрезок лесопарковой лыжни, пройдя по ней

почти вдоль речки Чечеры и её правого притока до угла пруда «Блюдечко», снова повернув на север, к даче свояков.

Варвара с непривычки уже подустала. Поэтому на развилке у молодого ельника они и делились, тепло распрощавшись. Варвара, Егор и собака понуро поплелись в свою сторону, а Кочеты полетели в свою, пока на юг.

Довольные проведёнными сутками, Платон с Ксенией резво покатали в сторону своего дома – вниз, через лесопосадку, сначала к «Блюдечку». Но впереди их ждал очередной завал, но самый красивый, живописный из всех ими в лесу виденных. И Ксения опять не удержалась от фотографирования.

Видя, как тихой сапой через дебри молодняка крадётся Платон, Ксения вдруг вспомнила про кошек:

– «Интересно, а как там без нас наши киски?».

– «Наверняка греются на лоджии под солнечными лучами!» – попытался успокоить её оптимист.

– «Так это, если Кеша их выпустил!?» – внесла точность реалист.

– «А если нет, то ждут от нас виски!» – пошутил реальный оптимист.

Вскоре супруги свернули на привычную лыжную и, продираясь сквозь завалы и объезжая самые непролазные из них, неспешно залызгали к дому.

Вдруг тишину леса пронзил удивлённый вскрик жены:

– «Платон, смотри! Опять набухшие почки под слоем льда! А у другого пруда я видела и берёзовые серёжки во льду! И тоже готовые распуститься!».

– «Да-а! Здорово! Они под слоем льда, как в защитном коконе! Им там тепло! Да и Солнце их через льдинку, как через призму, сильнее греет!».

И Ксения надолго прервала их лыжный поход, разглядывая и выбирая натуру поинтересней. И нашла!

Она фотографировала набухшие подо льдом почки на ветках с разных ракурсов, пытаясь найти более интересное положение. Жена так увлеклась процессом, что замерзающий муж невольно принялся сочинять.

Увидев очередной снимок, Платон не удержался от стихотворного комментария к нему, удивив и даже смутив Ксению:

– «Но жизнь восставала, как пенис, к оргазму природы стремясь!».

– «Ну, ты, как всегда, о... бане!».

– «Вообще-то не помешает! А то я что-то стал замерзать!».

Супруги вернулись домой полные впечатлений, которых хватило бы им надолго.

Но следующий день, 8 января, суббота, принёс им новые, не сравнимые с прежними, положительные эмоции.

Только Платон успел принять душ после очередного лыжного забега, как позвонил сын Данила и сообщил, что, пользуясь оказией, они через полчаса заедут к нему всей семьёй.

К счастью, праздничные разносолы, хоть и не в больших количествах, но всё ещё оставались, да и Ксения только что приготовила обед.

Кроме водителя остальные взрослые слегка выпили за Новый год и Мишеньку, с интересом и весьма непринуждённо пообщались. Дед с удовольствием походил с внуком по дому, шутя при этом:

– «И так каждый день по... сорок километров!?».

Малыша конечно больше всего заинтересовали кошки. Самая младшая на всякий случай спряталась, а старшие Тиша с Мусей отделились в крепкие ручонки малыша. Но их взаимодействие контролировал дед.

Сначала внучок одновременно схватил за шерсть на спине двух, лежащих на диване кошек, и бесцеремонно приблизил их распластавшиеся тушки к себе. Гладкошёрстному Тише это не понравилось, и он сбежал.

А лохматая Муся спокойно и привычно терпела тисканье её тела и крепкие хватания детских рук за её длинную шерсть. И только когда ручонки малыша переходили разумные рамки, Муся сбрасывала их с себя одной задней лапой.

Такая кошачья бесцеремонность, граничащая с лёгкой болью, не понравилась Мише, и он даже чуть всплакнул, но был быстро успокоен находчивым дедом.

Вскоре у внука проснулся азарт охотника, и он стал быстро ходить за убегающим Тишей, но теряя интерес к нему, когда тот останавливался и ложился.

Как только малыш достигал добычу, то тут же крепко хватал кота за спину. И пару раз тот взвизгивал от боли. На третий же раз Тихон не выдержал и слегка тяпнул Мишу за ручонку. Тут уж тот дал волю своим слезам. Теперь уже и маме пришлось вмешаться в успокоение сыночка.

Но, главное, этот день оказался примечательным тем, что в дом к деду впервые в жизни приехал его самый младший внук, у которого почти всё пока было впервые.

В воскресенье, во время завершающего каникулы лыжного похода, Платона вдруг услышал, что многие люди выходят на работу во вторник, 11 января. Придя домой, он по телефону поздравил Надежду с днём рождения, попутно получив от неё напоминание, что завтра у них первый рабочий день в новом году.

Но новый трудовой год Платон начал рано утром в понедельник с посещения бассейна.

По пути на работу подтвердилось его опасение по поводу продолжения каникул, во всяком случае, у подавляющего большинства населения Москвы.

На работе он оказался первым. Дежурная Татьяна Леонидовна встретила его недоумённо:

– «Так институт ещё не работает!?».

– «А нам Надька велела выйти на работу!».

– «Что же она у Вас какая?!».

Прошло два часа, а Платон всё ещё был один. Он даже подумал о своей ошибке по поводу сегодняшнего рабочего дня. Но вскоре громкий и радостный голос начальницы на входе возвестил о действительном начале нового трудового года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.